

СОДЕРЖАНИЕ

Том 41, № 4, 2020

Отношение жителей России к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета)

А. Л. Журавлев, Д. А. Китова

5

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Эмоциональная креативность в системе связей с имплицитными теориями и личностной сферой

Т. В. Корнилова, М. А. Шестова, Е. М. Павлова

19

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Континуум “задатки — способности — профессионально важные качества — компетенции”: открытые вопросы

В. А. Толочек

32

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Эмпирические и прикладные работы в научном творчестве Б.Д. Парыгина (к 90-летию со дня рождения)

И. А. Мироненко, А. Л. Журавлев

46

Из истории военно-психологических исследований в РККА в 1920-х годах

И. Н. Елисева, Ю. Н. Олейник, Ю. И. Радченко

55

ПСИХОЛОГИЯ И ИНТЕРНЕТ

Прикладные аспекты использования алгоритмов цифровой психометрики

В. В. Латынов, Е. А. Шепелева

66

Трансформация параметров сообщений молодежи в социальных сетях

В. Б. Никишина, Е. А. Петраш, А. Н. Моргун, И. В. Запесоцкая

78

ДИСКУССИЯ

Психическая реальность и предмет психологии

Н. И. Чуприкова

92

Философско-методологические основания оценки социально-психологических последствий внедрения новых технологий

В. Е. Лепский

105

К вопросу о социально-психологических последствиях внедрения новых технологий и определении перспективных направлений исследований

А. С. Чернышев, С. В. Сарычев, С. Г. Елизаров

109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире (по материалам V Международной научно-практической конференции)

В. В. Константинов

115

От экологии детства — к психологии устойчивого развития

Д. С. Ермаков, В. И. Панов

121

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на книгу К.Р. Арутюновой и Ю.И. Александрова “Мораль и субъективный опыт”. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. 188 с.

Т. В. Черниговская

126

CONTENTS

Vol. 41, No. 4, 2020

- Attitude of residents of Russia to information on the coronavirus pandemic (on the example of users of the internet search systems)
A. L. Zhuravlev, D. A. Kitova 5
-

COGNITIVE PSYCHOLOGY

- The emotional creativity and its relationships with implicit theories and emotional-personal sphere
T. V. Kornilova, M. A. Shestova, E. M. Pavlova 19
-

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

- Continuum of “inclinations – abilities – professionally important qualities – competences”: open questions
V. A. Tolochek 32
-

HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Empirical and applied works in the scientific heritage of B.D. Parygin (the 90-th anniversary)
I. A. Mironenko, A. L. Zhuravlev 46
- From the history of military psychological research in the Red army in the 1920s years
I. N. Yeliseyeva, Yu. N. Oleynik, Yu. I. Radchenko 55
-

PSYCHOLOGY AND THE INTERNET

- Applied aspects of the use of algorithms of digital psychometrics
V. V. Latynov, E. A. Shepeleva 66
- Transformation of parameters of communications in the communicative behavior of youth in social networks
V. B. Nikishina, E. A. Petrash, A. N. Morgun, I. V. Zapesotskaya 78
-

DISCUSSION

- Mental reality and the subject of psychological studies
N. I. Chuprikova 92
- Philosophical and methodological foundations of socio-psychological consequences of new technologies
V. E. Lepskiy 105
- To the question of the socio-psychological consequences of introducing new technologies and identifying promising areas of research
A. S. Chernyshev, S. V. Sarychev, S. G. Elizarov 109
-

SCIENTIFIC LIFE

- Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world (based on the materials of V International scientific-and-practical conference)
V. V. Konstantinov 115

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Review of K.R. Arutyunova and Yu.I. Alexandrov book “Morality and subjective experience”. M.: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2019. 188 p.

T. V. Chernigovskaya

126

УДК 316.62

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ К ИНФОРМАЦИИ О ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ ИНТЕРНЕТА)¹

© 2020 г. А. Л. Журавлев*, Д. А. Китова**

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

*Академик РАН, профессор, научный руководитель ИП РАН.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории истории психологии и исторической психологии.
E-mail: j_kitova@yandex.ru

Поступила 30.05.2020

Аннотация. Изучалась заинтересованность населения в получении информации о пандемии коронавируса на начальной стадии ее развития. Предполагалось, что в условиях объективного дефицита знаний о коронавирусной инфекции у людей возникнет высокая потребность в оперативных и достоверных фактах о пандемии, которая неизбежно проявится в характере поисковой активности пользователей поисковых систем интернета. Исследование проводилось с использованием праксиметрического метода психологии, заключающегося в анализе результатов уже совершенных действий (запросов). Цель исследования — установить психологические закономерности проявления у населения интереса к информации о пандемии коронавируса на ее начальной стадии. Объектом исследования выступили пользователи поисковых систем Яндекс и Google, а предметом — содержание запросов пользователей со словом “коронавирус”, реализованных в условиях пандемии. На основе общих теоретических положений о психологической природе интереса выделены и описаны основные характеристики аффективных и когнитивных компонентов данного феномена по отношению к информации о пандемии, свойственные для ее первоначальной стадии, в том числе мотивы, содержание, структура и региональные особенности интереса к информации о пандемии коронавируса, а также описаны характеристики, определяющие направленность, устойчивость и силу проявления такого интереса. Установлена когнитивная структура направленности интереса, которой присуща ориентация на обеспечение личной безопасности (собственной и своих близких). Обоснованы необходимость изучения динамики интереса к информации о пандемии, а также перспективы исследования эмоциональных состояний личности в условиях развития пандемии коронавируса.

Ключевые слова: пандемия, коронавирусная инфекция, потребность в информации, пользователи поисковых систем, запросы, регуляция интереса, эмоциональная напряженность, потребность в безопасности.

DOI: 10.31857/S020595920010383-7

Возникновение и развитие чрезвычайных ситуаций имеет несколько циклических стадий, изучение каждой из которых может давать отличающиеся друг от друга результаты. Проведенное исследование отражает состояние проблемы на конец апреля — начало мая 2020 г. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения к этому

времени в мире было зафиксировано около 3 млн случаев заражения коронавирусной инфекцией COVID-19, погибло около 200 тыс. человек. Протекание пандемии происходило в условиях фрагментарного понимания природы возбудителя инфекции, ограниченных возможностей достижения эпидемиологического благополучия и снижения прироста числа заражений. Для перелома сложившейся ситуации во многих странах вводились системы мер противоэпидемиологической направленности,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект по программе “Вирусы” № 20-04-60177.

связанных с вынужденными ограничениями на перемещения граждан, остановкой работы многих производств и предприятий сферы услуг. Но ситуация с распространением коронавируса в тот период не улучшалась. Эксперты предполагали, что говорить о завершении пандемии можно будет только при ежедневном выявлении менее 10 случаев новых заражений. Однако в России их количество в это время на протяжении нескольких дней колебалось, как правило, в пределах 6–7 тыс. человек в сутки². Сложившаяся ситуация не только ломала привычный уклад жизни большинства людей, но и вызывала множество вопросов, ответы на которые не были очевидными и требовали изучения. Это относилось и к научному анализу социально-психологических явлений, вызванных пандемией коронавирусной инфекции, и такие исследования стали проводиться.

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В сложившихся условиях ряд ученых, продолжая свои научные работы, включает в них анализ новых социальных феноменов, пытаясь получить сведения, отвечающие запросам времени, или работая на опережение ситуации, т.е. вырабатывая знания, востребованность которых в данных конкретных условиях неочевидна, но которые будут необходимы в контексте предстоящего развития научных концепций и социальной практики. В качестве примеров предлагаем обратить внимание на ряд таких исследований, развернувшихся в условиях пандемии.

Так, Мэтью Кан (Университет Джонса Хопкинса, штат Мэриленд) анализирует стратегии сохранения бизнеса, используемые предпринимателями в различных отраслях экономики в условиях принудительных ограничений хозяйственной деятельности. Ларс Питер Хансен (Чикагский университет, штат Иллинойс), специалист в области управления, занимается анализом управленческих решений политиков, предпринимателей и менеджеров в сфере здравоохранения в условиях пандемии. Дэвид Фиглио изучает поведенческие стратегии безработных в условиях беспрецедентных увольнений в Америке. Исследователь отмечает, что «раньше такие масштабные увольнения были невозможны,

поэтому можно считать, что сложилась ситуация массового естественного эксперимента» [12, с. 7].

Такого рода исследования проводятся и психологами. Детский психолог Диллон Браун (Университет Ватерлоо, Канада), изучавший до пандемии эмоциональное благополучие детей в условиях реализации внеклассных программ, решил продолжить свои исследования и в новых условиях, специально продлив уже завершавшееся исследование и сохранив взаимодействие со сложившимся кругом респондентов (235 детей). Психолог Чарисса Чеза (Университет Мэриленда, Балтимор) обогатила свои исследования о факторах дискриминации детей китайского и корейского происхождения в США изучением характерных особенностей стигматизации, которые проявляются в период пандемии.

Эллен Питерс (Университет штата Орегона), специалист по изучению коммуникаций во время чрезвычайных ситуаций, провела опрос 1300 респондентов с целью выявления источников информации о коронавирусе, к которым обращаются респонденты и проявляют высокий уровень доверия. Оказалось, что самые высокие оценки получили врачи и центры по контролю и профилактике заболеваний — 75% и выше. Исследователь отмечает, что это всеобщая тенденция и она не зависит от различий политических взглядов (исследование проводилось с дифференциацией респондентов на консерваторов и либералов).

Специалисты также указывают на тот факт, что стихийно складывающиеся в условиях пандемии ситуации зачастую не бывают полезны для дальнейшей жизнедеятельности общества. В частности, Дэвид Фиглио отмечает, что вызванный кризисом массовый переход к онлайн-обучению нельзя считать хорошим экспериментом, так как он состоялся без необходимой (специализированной) подготовки учителей (и учеников) к качественной организации такого взаимодействия и может надолго дискредитировать дистанционные формы обучения.

Следует предположить, что большая часть необходимой информации об особенностях протекания пандемии, ее наступивших и предстоящих последствиях будет доступна несколько позже, в период стабилизации социально-экономической обстановки и после подведения основных (итоговых) результатов. Это положение значимо и для исследования психологических явлений: со временем воспоминания людей обретут конкретную логику, произойдет осознание хронологии событий и их изучение даст более осмысленную, эмпирически выверенную информацию, полезную для развития

² Вирусолог обозначил критерий завершения эпидемии в России. URL: https://ria.ru/20200428/1570657803.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 28.04.2020).

разных социогуманитарных отраслей науки. Тем не менее уже сейчас можно узнать многое о характере реагирования социальных систем (групп и конкретных людей) в условиях бедствий, считает Элен Питерс. Она связывает свои исследования с необходимостью лонгитюдного изучения динамики эмоциональных состояний населения и планирует провести пять повторяющихся опросов (срезов) в режиме сохраняющейся пандемии (подробнее см. [11]).

Сбор эмпирической информации о пандемии и характере ее протекания осуществляется и в России. Так, опросы, проведенные среди россиян Аналитическим центром НАФИ в конце марта и начале апреля 2020 г., выявили ведущие *финансовые стратегии* населения, используемые в условиях пандемии. Как оказалось, в случае недостаточности сбережений россияне берут в долг у знакомых (49%), сокращают свои расходы (36%), находят дополнительную подработку (15%), оформляют кредит или используют кредитную карту (13%). Были опрошены 1600 россиян из 50 регионов, проживающих в 136 населенных пунктах³. Исследования этого же аналитического центра, проведенные среди представителей бизнеса, показали, что 69% российских предпринимателей считают влияние пандемии коронавируса на российскую экономику максимально негативным, 43% из них уверены, что ситуация нормализуется через год, а 73% указали, что бизнес остро нуждается в государственной поддержке, без которой основной массе предпринимателей выжить не удастся⁴.

Обобщая результаты анализа представленных выше работ, можно выделить несколько важных функциональных параметров исследований, проводимых в условиях пандемии. Во-первых, они позволяют получать новые знания в непреднамеренно (вынужденно) сложившихся *уникальных условиях*, которые лишь условно можно назвать “естественным экспериментом”. Во-вторых, возникла возможность непосредственного и продолжительного изучения *динамики* кризисных социально-психологических процессов. В-третьих, происходит сбор первичной информации, которая будет необходима и после завершения пандемии *для*

последующего анализа и подведения важных (итоговых) результатов изучения пандемии. В-четвертых, исследования, проводимые по принципу “здесь и сейчас”, позволяют получить некоторые данные для *немедленного использования* в условиях пандемии с целью оказания оперативной помощи населению и должностным лицам (политикам, управленцам, предпринимателям, врачам и др.). В-пятых, полисемичность (непредсказуемая многовариантность) выступает ведущим *психологическим фоном* протекания пандемии коронавируса, что повышает *фундаментальную значимость* полученных в данный период знаний, которые будут актуальны для развития концепций неопределенности и риска в самых различных отраслях социогуманитарных наук.

ИНТЕРЕС К ИНФОРМАЦИИ О ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ: КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, в условиях пандемии возникает настоятельная необходимость в мониторинге социальных процессов и получении как можно больше знаний, способных помочь в осознании происходящих событий. В этом направлении представляется *актуальным* изучение психологических особенностей поиска населением информации (фактов и событий) о пандемии. Предполагается, что в условиях *объективного дефицита знаний* о коронавирусной инфекции неизбежно будет проявлять себя потребность в оперативных и достоверных сведениях — информации, которую люди не могут получить из привычных источников (прошлого опыта, близкого окружения, книг и журналов). В связи с изложенным общая *гипотеза исследования* формулируется следующим образом: интерес к информации о пандемии будет не только осознаваться как чувство нужды в ней, но и неизбежно проявится в *характере поисковой активности* личности, направленной на получение соответствующих сведений. Такая формулировка гипотезы исследования требует обращения к *праксиметрическим методам* психологического изучения — приемам анализа уже совершенных действий. Это *первое важное методологическое положение исследования*.

Специфическим средством оперативного отражения повседневной жизни современного человека активно становится *интернет-пространство* [2]. Интернет выступает информационной платформой общества, представляя собой значимую научную

³ Эксперты проанализировали поведение россиян при финансовых трудностях. URL: https://www.rbc.ru/finances/17/04/2020/5e9921309a79473.034ed21e?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 17.04.2020).

⁴ Российский бизнес и коронавирус. Часть 1. Предприниматели о влиянии эпидемии на их бизнес и о потребности в господдержке. URL: <https://nafii.ru/projects/predprinimatelstvo/rossiyskiy-biznes-i-koronavirus-hast-1-predprinimateli-o-vliyaniiepidemii-na-ikh-biznes-i-o-potreb/> (дата обращения: 17.04.2020).

площадку для проведения социогуманитарных исследований или репликаций социальных процессов [1; 8]. Такое понимание сложившихся обстоятельств выступает *вторым методологическим основанием* проведенного исследования и связано с обращением к анализу запросов пользователей поисковых систем о пандемии коронавируса. Таким образом, *объектом* исследования выступили пользователи поисковых систем интернета, а *предметом* — содержание запросов пользователей со словом “коронавирус”, реализованных в условиях пандемии.

Теоретическим основанием исследования стали также ведущие положения об *интересе* личности как *психологической категории*, которые можно свести к следующим позициям. Интересы *функционируют* на основе объективных *потребностей* личности, *определяют* специфику ее социальной активности, поведения, поступков и деятельности, *характеризуются* осознанностью, направленностью и устойчивостью, могут быть обусловлены как личностными, так и социальными *мотивами* [4; 9].

Для нашего исследования важно положение о том, что интерес характеризуется *когнитивной направленностью* на конкретные *предметы* и соотносится с реализацией определенной *цели*. Таким образом, удовлетворение интереса можно рассматривать как специфическую *деятельность*, направленную на что-либо [7], в более узкой интерпретации ее можно трактовать в рамках выполнения познавательной деятельности личности — деятельности, направленной на поиск информации.

Цель исследования — выявить *психологические особенности* интереса пользователей поисковых систем к коронавирусной инфекции в условиях распространения пандемии. *Теоретическая значимость* исследования связана с расширением информации о закономерностях поведения человека в условиях неопределенности и рисков. *Прикладной аспект* проблемы сопряжен с востребованностью такого рода информации для оптимизации социально-психологических состояний человека в условиях неопределенности и риска, а также для организации деятельности управленческого персонала, вынужденного принимать решения в условиях пандемии (неопределенности и риска). Результаты исследования будут полезны и в сфере *прикладных разработок*, например, для оптимизации цифровых платформ поисковых систем с целью предоставления пользователям наиболее релевантной информации в будущем. *Практическая значимость* исследования реализуется в том, что его результаты могут использоваться в рамках

разработки программ повышения квалификации управленческих кадров высшего звена.

АНАЛИЗ ЗАПРОСОВ О КОРОНАВИРУСЕ В ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЕ GOOGLE

Обращение к статистике слов, представленных в поисковой системе Google, позволяет исследователю увидеть хронологию пользовательских запросов, их количественные показатели и региональные особенности. Приложение Google Trends показывает, как часто определенный термин ищут по отношению к общему объему поисковых запросов в разных регионах мира и на различных языках. Так, первый в мире запрос со словом “коронавирус” в поисковой системе Google зафиксирован 12 января текущего года, а в период с 12 по 18 января 2020 г. количество таких запросов в России составляло не более одного в день, т.е. на протяжении шести дней поисковая система фиксировала с территории РФ по одному запросу в сутки, однако ситуация быстро менялась. Ниже представлены графики динамики запросов со словом “коронавирус” по состоянию на 11 апреля 2020 г. (рис. 1), т.е. на начальном этапе пандемии в России. На горизонтальной оси основного графика отражено время (календарный период запросов), а на вертикальной — как часто термин (слово) искали по отношению к общему числу поисковых запросов во всем мире (в рамках поисковой системы Google). Точные количественные значения запросов статистическая система Google не предоставляет (она выявляет относительную величину показов), тем не менее можно рассмотреть динамику запросов, их амплитуду и скорость нарастания. На графиках также можно увидеть, что пик запросов по коронавирусу приходился в мире на 15–21 марта, а в России — на период с 29 марта по 4 апреля.

В связи с асинхронностью графиков (рис. 1), отражающих тенденции международных и российских запросов по коронавирусу, можно сформулировать ряд вопросов. Во-первых, как соотносится количество запросов, связанных с коронавирусом, с общим уровнем запросов, представленных в поисковой системе Google ранее (до начала пандемии). Ряд вопросов связан с неопределенностью факторов, вызывающих изменения (динамику) и определяющих величину смещения (амплитуду) представленных графиков. При этом мы будем исходить из априорного предположения, что психологическая детерминация *первых* поисковых запросов пользователей *очевидна* и связана с появлением в СМИ, в том числе

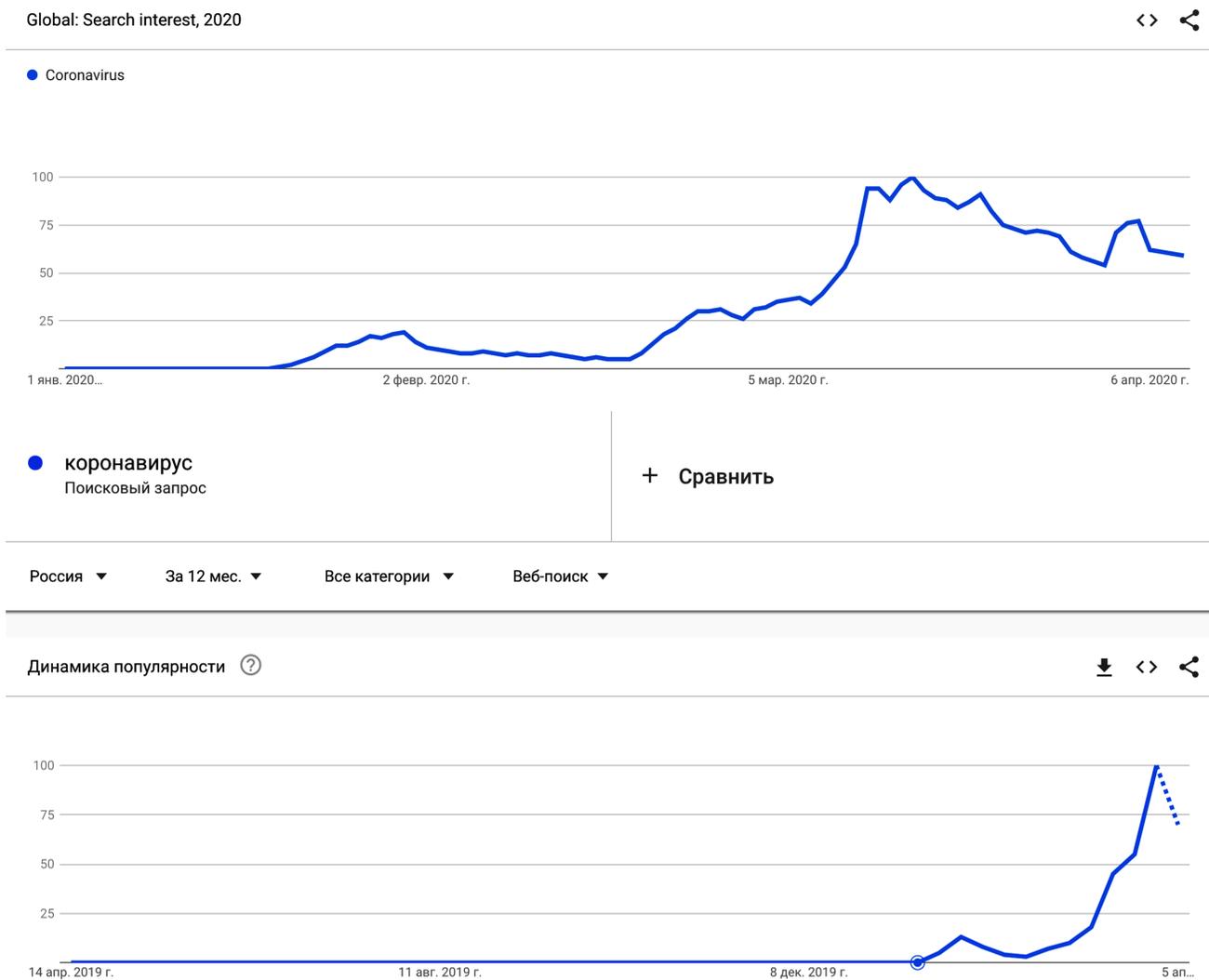

Рис. 1. Динамика запросов со словом “коронавирус” пользователей сети (по данным поисковой системы Google) в мире (вверху) и в России (внизу)

электронных, информации о ранее неизвестной вирусной инфекции и ее возбудителе. Таким образом, вопрос о факторах детерминации поисковых запросов связан с первичным информированием о коронавирусе и в данной работе не станет предметом дальнейших изысканий.

Для анализа количественных характеристик запросов о коронавирусе представляется целесообразным сопоставить их значения, например, с наиболее популярными запросами за определенный (конкретный) период времени, предшествующий пандемии. И такую возможность поисковая система Google предоставляет. С этой целью были выбраны наиболее популярные в мире запросы за 2019 г. в целом, а также запросы, заявленные в режиме текущего времени (период работы над подготовкой публикации). Так, наиболее популярными российскими запросами в 2019 г. стали позиции, связанные с такими событиями, как

“Евровидение-2019”, “30-летие падения Берлинской стены” и “Бой Хабиба Нурмагомедова и Дастина Пуарье”. Необходимо согласиться с тем, что это были знаковые события прошлого года, которые очень многих не оставили равнодушными.

На следующем этапе сравнительного анализа были выделены наиболее популярные запросы на территории России, зафиксированные 11 апреля 2020 г. (данные представлены за один месяц: с 11 марта по 11 апреля 2020 г.). Как оказалось, в это время первую позицию в поисковой системе Google удерживали запросы “Собянин”, в частности, пользователи активно интересовались его посещением лаборатории НИИ Склифосовского, где проводились обследования на коронавирус. Второй по популярности запрос — это “каршеринг”. Интерес пользователей был сосредоточен на вопросах о специфике работы такси и каршеринга в условиях введенных ограничений. Третий по популярности

запрос — “пропускной режим”. В данном случае внимание россиян было обращено к новым правилам перемещения по городу для пассажиров общественного транспорта и автовладельцев.

Таким образом, на рис. 2 размещены четыре графика с различным режимом запросов пользователей. Верхние два рисунка связаны с наиболее популярными запросами 2019 года, сформированными в Google и с наиболее часто запрашиваемыми с 11 марта по 11 апреля событиями в России. На двух нижних графиках изображены в неизменном виде запросы с верхнего ряда, но уже совмещенные с графиком запросов со словом “коронавирус” (последняя зафиксированная нами дата запроса 11 апреля 2020 г.). Пунктирные линии на пике графиков, изображенных справа, показывают, что подсчет запросов за текущий день еще не завершён.

На рис. 2 наглядно видно количественное соотношение анализируемых запросов. Итог очевиден — все наиболее яркие события прошлого года, зафиксированные в системе Google в 2019 г. (“картина года”) как и наиболее злободневные запросы текущего времени (“картина месяца”), совокупно и кардинальным образом теряют свой “вес” на фоне запросов о коронавирусе. Таким образом, *эмоциональную насыщенность* переживания потребности пользователей в информации о коронавирусе, если ее определить через количество запросов за определенный промежуток времени, можно охарактеризовать как *исключительно высокую*.

АНАЛИЗ ЗАПРОСОВ О КОРОНАВИРУСЕ В ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЕ ЯНДЕКС

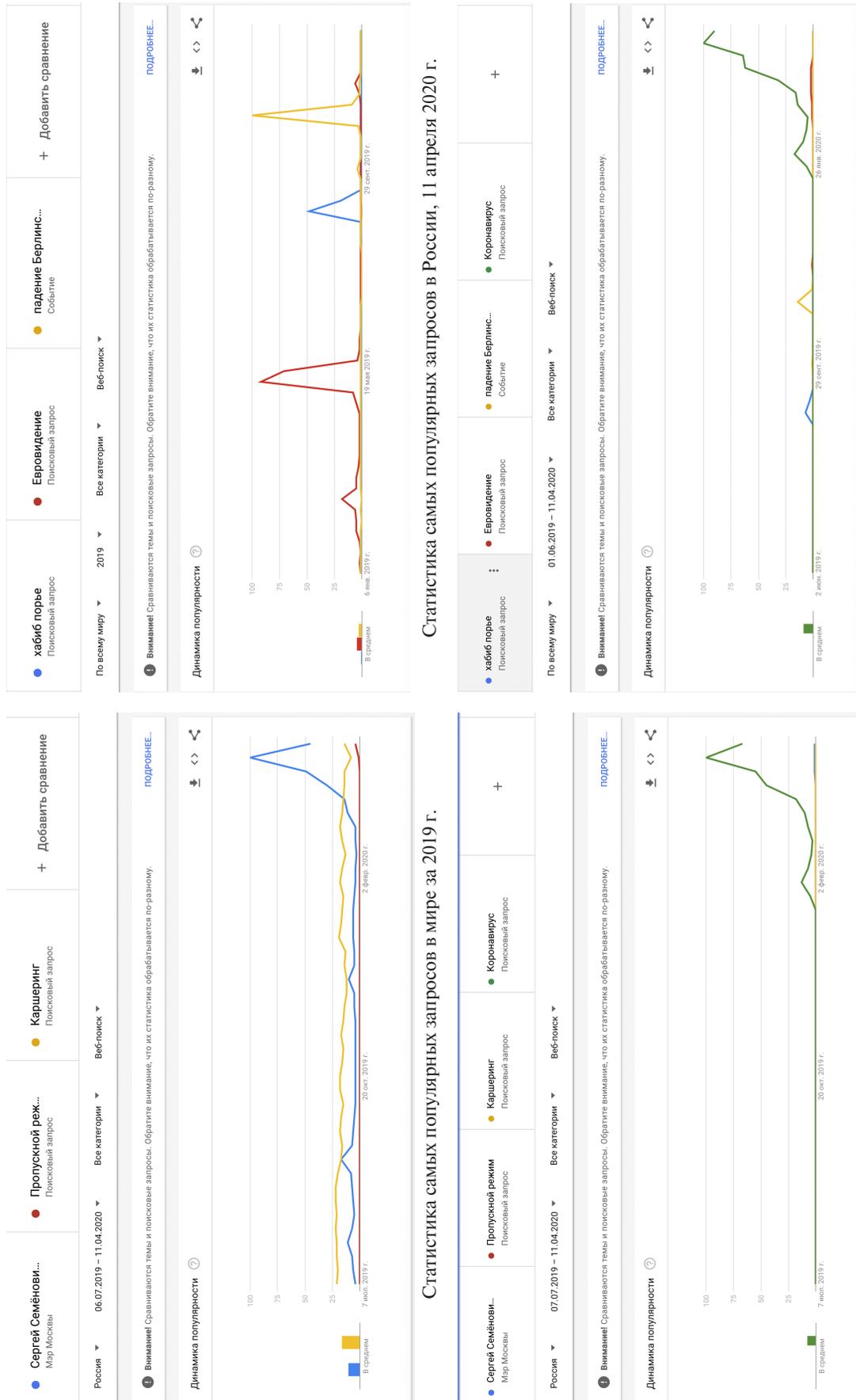
На следующем этапе исследования анализировались публичные данные поисковой системы Яндекс, в частности показатели, представленные в приложении “Статистика ключевых слов на Яндексе”. В приложении отражаются статистика заданных слов или словосочетаний и число их показов, а также количество поступивших на них запросов (при этом фиксируемая системой статистика похожих запросов в данной работе не рассматривается). Следовательно, электронный ресурс предоставляет возможность получить информацию о числе показов с ключевым словом, в нашем случае — “коронавирус”, а также связанных с ним словосочетаний. В качестве примера можно привести такие сочетания слов, как “коронавирус новости”, “коронавирус статистика”, “коронавирус симптомы”. Таким образом, приложение позволяет получить информацию об общем количестве всех запросов со словом “коронавирус” и изучить

содержательную направленность интереса пользователей по уточняющим словам, таким как “новости”, “симптомы”, “заболевшие”, “погибшие” и т.д. Приложение также позволяет определять регионы, из которых исходили запросы, и выделять помесечный или понедельный срез запросов.

Для изучения интереса пользователей к информации о пандемии коронавируса был произведен сбор и анализ поисковых запросов на Яндексе по ключевому слову “коронавирус” за один месяц — с 11 марта по 11 апреля 2020 г. (начальный этап пандемии в РФ). Результаты обобщены и сведены в табл. 1. В ней отражена как общая ситуация в целом по России, так и дифференцированные данные о соответствующих запросах по отдельным федеральным округам РФ.

Как оказалось, у пользователей поисковой системы Яндекс в целом интерес к проблеме коронавируса *повышенный*. За последний месяц обнаружено 79 542 212 запросов, а региональная популярность слова составляет 103% (“региональная популярность” — это доля, которую занимает регион в показах по данному слову, деленная на долю всех показов результатов поиска, приходящихся на этот регион). Вместе с тем интерес к информации о пандемии в различных регионах страны проявляется по-разному. Так, наиболее высокий интерес к проблеме демонстрируют пользователи Северо-Западного (115%) и Центрального (120%) федеральных округов, где проблема коронавирусной инфекции проявляет себя наиболее остро. Этот же эффект, т.е. повышенный интерес к информации о коронавирусной инфекции относительно других регионов, можно зафиксировать по Москве и Московской области (128%), а также по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (124%). В остальных регионах популярность слова представлена в диапазоне от 66% в Дальневосточном федеральном округе и до 96% в Южном федеральном округе, что говорит об относительно низкой региональной популярности запросов. Таким образом, чем острее проявляет себя пандемия в конкретном регионе, тем выше к ней интерес пользователей, проживающих на данной территории. Эта позиция верна и при обратном утверждении: регионы, где проблема коронавирусной инфекции еще не проявилась, не демонстрируют повышенного интереса к информации о ней, т.е. чем слабее проявления пандемии в регионе, тем меньше к ней внимания со стороны пользователей.

Проявление описанного эффекта можно проследить и на соотношении количества заболевших россиян и запросов в поисковой системе Яндекс (рис. 3). При сравнении динамики выявленных случаев

“Коронавирус” на фоне наиболее популярных запросов в мире, 11 апреля 2020 г.
 “Коронавирус” на фоне наиболее популярных запросов в России, 11 апреля 2020 г.

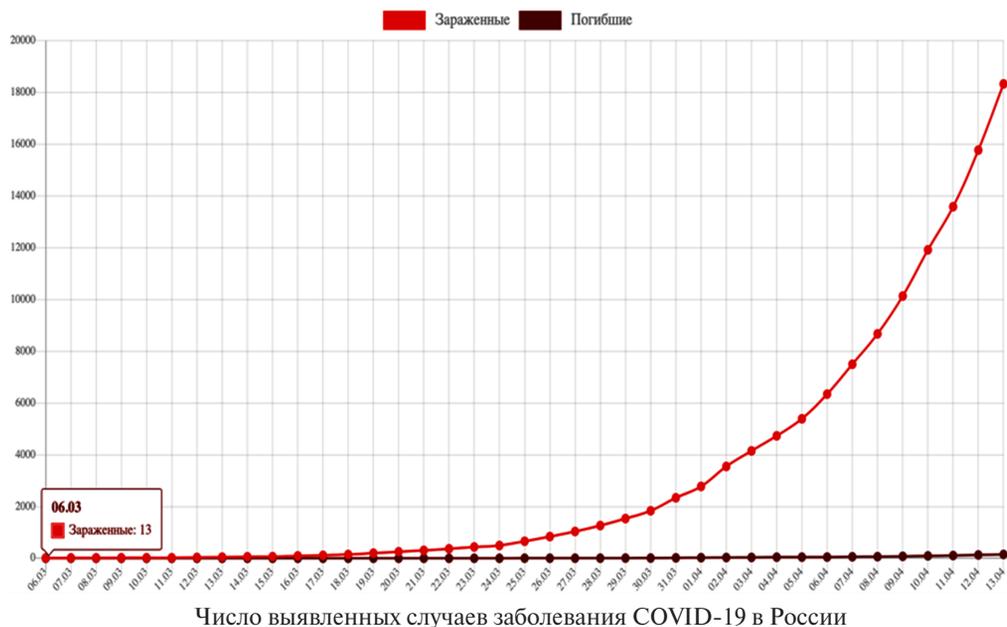
Рис. 2. Данные поисковой системы по наиболее популярным запросам пользователей сети Google

Таблица 1. Региональная популярность показов поисковой системы Яндекс по запросу “коронавирус”

Регион	Показы в месяц	Региональная популярность слов, %
Российская Федерация	79 542 212	103
Дальневосточный федеральный округ	2 264 683	66
Приволжский федеральный округ	16 648 210	95
Республика Крым	1 173 572	89
Северо-Западный федеральный округ	12 257 923	115
Северо-Кавказский федеральный округ	2 395 235	85
Сибирский федеральный округ	8 716 946	86
Уральский федеральный округ	7 550 965	89
Центральный федеральный округ	41 182 975	120
Южный федеральный округ	7 438 168	96
Области (в их числе)		
Москва и Московская область	29 302 525	128
Санкт-Петербург и Ленинградская область	8 644 362	124

Примечание. Региональная популярность слова (affinityindex), равная 100%, означает, что данное слово в данном регионе ничем не выделено. Если популярность более 100%, это означает, что в данном регионе существует повышенный интерес к этому слову, если меньше 100% — пониженный.

На графике представлены значения подтвержденных случаев заражения коронавирусом Covid-19 в России по дням от начала сбора официальной статистической информации.

История показов по фразе «коронавирус»

Группировать по: месяц неделя Все Десктопы Мобильные Только телефоны Только планшеты

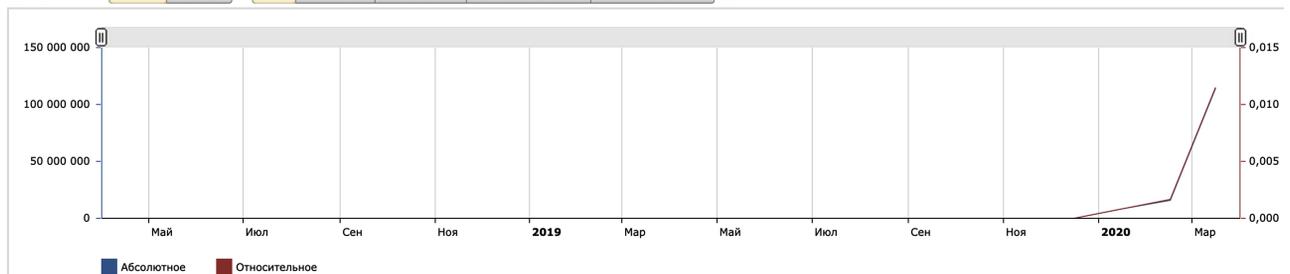

Рис. 3. Данные о количестве заболевших коронавирусом в России и количестве запросов со словом “коронавирус” в поисковой системе Яндекс

заболевания COVID-19 в стране (данные с сайта “Коронавирус”: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia>) и количества запросов со словом “коронавирус” в поисковой системе Яндекс можно отметить высокую синхронность показателей: чем интенсивнее распространение пандемии и ближе она к месту проживания пользователей, тем выше уровень интереса к ней.

С психологической точки зрения эту ситуацию можно трактовать следующим образом. Во-первых, чем выше *осознание угрозы*, тем интенсивнее пользователи проявляют интерес к ней (выраженность интереса). Во-вторых, фактором усиления интереса к информации о пандемии становится ее приближение к месту проживания конкретного человека, что связано с *персонализацией опасности*, т.е. осознанием угрозы по отношению к самому себе (личностная детерминация интереса). Такое восприятие и понимание развития опасных/стрессовых ситуаций является известным психологическим феноменом, который находит свое описание как в научной литературе [6; 10 и др.], так и в устных формах народного творчества. Для наглядности можно обратиться к пословицам следующего содержания: “Гром не грянет, мужик не перекрестится”, “Своя рубашка ближе к телу” и др. Обращение к опасностям — их описание и предложение путей выхода — является широко известным психологическим приемом и в маркетинге. Специалисты указывают, что, например, использование страха как психологического инструмента “позволяет добиться сосредоточенного внимания и лучшей запоминаемости” рекламных продуктов (Шейкина Л. Как страхи ведут людей в магазин. URL: <https://www.pravda.ru/economics/1201224-marketing/> (дата обращения: 10.04.2020).

Подтверждение указанного рода *взаимосвязей*, а именно степени распространения пандемии и уровня интереса к ней, можно проследить и на рис. 3. Представленные графики наглядно демонстрируют близкие к линейному характеру взаимосвязи: частота выявленных случаев заражения коронавирусной инфекцией практически синхронизирована с количеством соответствующих запросов.

Анализируя приведенные графики, можно проследить также скорость, с которой развивалась ситуация, — это еще один относительно самостоятельный аспект изучения ситуации (сила интереса). Первые запросы о коронавирусе в поисковой системе Яндекс на территории РФ появились 12 декабря 2020 г., затем они постепенно увеличивались по мере роста заболеваемости. Во второй половине марта, с усилением пандемии, массово возросли

и запросы, а к концу первой декады апреля они одновременно достигли своего пика. В количественных значениях за месяц — с 11 марта по 11 апреля 2020 г. — эти показатели выросли до 79 542 212 запросов (см. табл. 1). Ситуация со столь резким возрастанием запросов в Яндексе, как и подобная ситуация в Google, пока не имеет аналогов в истории функционирования этих систем.

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ЗАПРОСОВ О ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЕ ЯНДЕКС

Предлагаемое ниже обсуждение запросов пользователей подготовлено с помощью контент-анализа (подробнее о методе см. [1; 3]) посредством изучения содержательного наполнения слов и их сочетаний, представленных в приложении “Статистика слов на Яндексе”. Единицами анализа выступили слова-связки, которые употреблялись со словом “коронавирус” (особенности употребления самого слова “коронавирус” были представлены выше). *Задача исследования* заключалась в распределении уточняющих слов по определенным смысловым категориям (темам). После выделения тематических подгрупп производились регистрация повторов конкретных единиц (слов) в запросах и их частотный анализ, который осуществлялся простым подсчетом количества повторений.

Проведенный анализ показал, что использованные в запросах вспомогательные слова, употребленные со словом “коронавирус”, в соответствии с выявленной смысловой коннотацией можно распределить по семи тематических подгруппам. Ниже они приводятся в соответствии со смысловой нагрузкой (категориями), информационной наполненностью (содержанием) и конкретными примерами вспомогательных слов.

Сгруппированные по предложенной совокупности запросы пользователей социальной сети Яндекс представлены в табл. 2. Как видно из таблицы, структурной иерархически, *приоритеты* пользователей сосредоточены: на новостной информации (ранг 1); клинической картине заболевания и возможных сценариях его распознавания (2); прогнозах развития и предполагаемой широте охвата пандемией различных территорий (3); ограничительных мерах по преодолению пандемии (4); поиске официальных или специализированных сайтов (5); социальных ситуациях, которые регулируются государством с целью сдерживания пандемии (6); и некоторых частных, не вызывающих массового интереса темах (7).

Таблица 2. Структура запросов россиян информации о коронавирусе в поисковой системе Яндекс

№ п/п	Запросы	Показы в месяц
1	Коронавирус — новости	64 603 341
2	Клиническая картина болезни	18 004 210
3	Прогнозы развития ситуации	7 413 498
4	Меры по ограничению перемещения	5 295 355
5	Официальные сайты о коронавирусе	3 177 213
6	Социальные ситуации	4 236 282
7	Разное В том числе: миф или реальность?	3 177 213 1 059 071
8	Итого по странам СНГ В том числе по России	103 907 118 79 542 212

Повышенный интерес к информации о пандемии (ранги 1–3) и меньшая выраженность интереса к ограничительным мерам (ранг 4) свидетельствуют о *когнитивном* (возможно, неосознанном) сравнении ожидаемых угроз (ущерба) и обращении интереса к более значимому, хотя и менее осязательному физическому фактору.

В силу значительного объема запрашиваемой информации мы сочли возможным рассмотреть *интерес к новостному формату информации* как относительно самостоятельную проблему, выделив структуру этих интересов и ее социально-психологическую обусловленность. Полученные результаты обобщены и представлены на рис. 4 в удобном для зрительного восприятия и анализа формате. Соотношение площади элементов изображения соответствует количественной (пропорциональной) наполненности каждой позиции.

Как оказалось, с когнитивной точки зрения пользователей более всего интересуют: *новые знания* — что нового выявлено об инфекции

(потребность в знаниях о сущности явления); *динамика* распространения пандемии, т.е. в каком географическом направлении и с какой скоростью распространяется инфекция, каково количество заразившихся (потребность в оперативной информации); форма представления информации часто запрашивается в визуализированном виде, как *онлайн-карта* распространения (потребность в удобной форме для восприятия и анализа); *количество погибших* — информация запрашивается с учетом возрастной специфики (потребность в оценке рисков) для своей категории.

Из представленных данных (рис. 4) можно заключить, что *структурно-когнитивная композиция* интереса пользователей к информации о пандемии соотносится ими с мысленной реализацией интеллектуально-практической модели по обеспечению (контролю) личной безопасности. Это отражается в структурной и иерархической *конструкции* интереса к пандемии: сущность — динамика — профилактика — симптомы — мониторинг угроз. Таким

Рис. 4. Структура интересов к информации о пандемии по результатам запросов пользователей поисковой системы Яндекс

образом, можно констатировать, что когнитивной целью информационного анализа выступает обеспечение безопасности (собственной и своих близких), что одновременно является и *ведущим мотивом* интереса пользователей к информации о пандемии (см. выше), — в этом проявляется известный эффект “сдвига мотива на цель”.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обобщая представленные результаты исследования, можно сделать следующие общие выводы. Было выявлено, что *интерес к информации* о пандемии коронавируса как социально-психологический феномен характеризуется следующими особенностями:

- носит *объективно обусловленный* (как антипод субъективно обусловленному) характер и направлен на оптимизацию взаимодействия человека с внешним миром;

- характеризуется *чрезвычайной эмоциональной насыщенностью* — запросы пользователей не имеют аналогов по количественным показателям в поисковых системах за предыдущие периоды;

- обладает *высокой силой* проявления, способной многократно превысить интерес к информации о других событиях на протяжении исключительно короткого промежутка времени (примерно 3 месяца);

- выделяется *специфической устойчивостью* интереса, практически линейно связанной с характером проявления пандемии: чем интенсивнее ее распространение, тем устойчивее интерес к ней (и наоборот);

- имеет избирательную *направленность*, которая определяется прежде всего интенсивностью распространения пандемии в регионе проживания пользователей;

- инициируется, направляется и поддерживается *лично обусловленными мотивами* (в отличие от социально обусловленных), направленными на сохранение собственного благополучия и благополучия своих близких;

- изначально детерминируется базовой *потребностью в безопасности*, способной вызывать высокий уровень дискомфорта, что и проявляется в завышенном уровне интенсивности, силе и устойчивости интереса пользователей к информации о пандемии.

Если рассматривать *когнитивную* сторону проявления такого социально-психологического феномена, как интерес к информации о пандемии коронавируса, то были определены следующие характерные для него особенности:

- выявлена высокая степень *осознанности* ситуации: объективные неудобства проживания (самоизоляция, ограничения перемещения) привлекают меньше внимания, чем конкретная информация о пандемии (принцип соотношения ожидаемых угроз);

- *когнитивная картина* интереса по своей структуре и иерархическому соотношению (сущность — динамика — профилактика — симптомы — мониторинг угроз) согласуется с “порядком шагов” по идентификации, мониторингу и оценке предполагаемых угроз, а также их последствий, т.е. подчиняется *схематической логике* противодействия угрозам;

- *цель* интереса к информации — обеспечение безопасности — интегрируется с аналогичными мотивами, что усиливает *регуляцию* познавательной (*интеллектуальной*) деятельности и *когнитивный контроль* поведения. Данный эффект отражается в высоком количестве запросов и их узкой тематической направленности.

Общим выводом исследования может служить утверждение, что интерес к пандемии коронавируса порождается *чувством опасности* (врожденным механизмом самозащиты) и, как следствие, подчиняет себе *аффективные* и *когнитивные* сферы личности. Сложившееся когнитивно-аффективное единство *закономерно* проявляется через напряженность интереса к поиску информации о пандемии (аффективный компонент), а также иерархически выверенную структуру этого интереса, ориентированную на обеспечение личной безопасности (когнитивный компонент).

Представленные итоги исследования предположительно характерны для *начального этапа пандемии*, и их содержание может измениться в процессе ее развития, например, в связи с возможным *эмоциональным выгоранием* пользователей поисковых систем или появлением у них “*чувства усталости*” от социальной изоляции и т.д. Таким образом, описанные результаты достоверно присущи конкретному, первоначальному, этапу пандемии. В свою очередь, описание *динамики* интереса к информации о пандемии требует дальнейшего ее *мониторинга* или *повторного обращения* к изучению проблемы через определенный промежуток времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес пользователей поисковых систем к информации о пандемии носит *ярко выраженный, объективно-детерминированный* характер, направленный на *обеспечение личной безопасности*, своей и своих близких. Исследуемый феномен отличается *когнитивной осознанностью*, ситуативной устойчивостью и *силой проявления*, соразмерной с интенсивностью распространения пандемии. Когнитивная осознанность и аффективная выраженность, регулируемые чувством опасности, усиливают поисковую активность пользователей, которая сопоставима с более ранними “пиковыми” запросами (детерминированными потребностями второго плана), что подтверждает ранее выявленные в психологии положения о высоком приоритете *базовых потребностей* в жизнедеятельности личности (А. Маслоу).

Полученные результаты можно рассматривать в рамках классических теорий о связи между познавательными (когнитивными) и эмоциональными (аффективными) компонентами, которые нашли свое отражение в теоретических представлениях о системном подходе в психологии (Б.Ф. Ломов), эмоциональных конструктах отношений (Б.Г. Ананьев), смысловой регуляции мыслительной деятельности (О.К. Тихомиров). Основной смысл использования данных концепций состоит в системе представлений о том, что эмоции и чувства (переживания в целом) *нарушают равнозначность* ориентиров (критериев) в ситуации когнитивного выбора и, вызывая концентрацию лишь на некоторых из них, способствуют выделению *целей* познавательной, в частности поисковой, деятельности. В рамках выполненного исследования *потребность в безопасности* можно рассматривать как *функциональную систему регуляции* интереса личности к пандемии коронавируса, которая проявляется на *когнитивном и аффективном* уровнях одновременно.

Дальнейшее изучение проблемы возможно в направлении анализа прежде всего эмоциональных компонентов социально-психологического самочувствия человека в конкретных условиях развития коронавирусной инфекции. Такое исследование целесообразно продолжить в русле изучения *конкретных эмоциональных переживаний*, например паники, страха, тревоги, опасений и др., обусловленных пандемией. Именно данное направление представляется нам наиболее *перспективным* (подробнее см. [5]), за исключением необходимости проследить *динамику* интереса к информации о пандемии на разных этапах ее появления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апреликова Н.Р., Китова Д.А.* Отношение пользователей социальных сетей к знаниям по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2 (14). С. 99–128. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2019/t4-2/n19-02-05.html> (дата обращения: 12.04.2019).
2. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3–4. С. 10–21.
3. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Психологические особенности отношения к детям пользователей социальной сети Twitter // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 1 (17). С. 33–72. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-1/n20-01-02.html> (дата обращения: 12.04.2019).
4. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986.
5. *Китова Д.А.* Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 128–131.
6. Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.В. Тарабриной, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
8. *Соснин В.А., Китова Д.А., Нестик Т.А., Юревич А.В.* Массовое сознание и поведение как объекты исследования в социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4 (8). С. 71–105. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document396.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).
9. Социальная психология: учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕРСЭ, 2002.
10. *Тарабрина Н.В., Журавлев А.Л.* Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М., 2012. С. 5–21.
11. *Cornwall W.* Social scientists scramble to study pandemic, in real time // Science. 10 April 2020. V. 368. Iss. 6487.
12. *Cornwall W.* Crushing coronavirus means “breaking the habits of a lifetime”. Behavior scientists have some tips // Science. 16 April 2020. V. 368. Iss. 6488.

ATTITUDE OF RESIDENTS OF RUSSIA TO INFORMATION ON THE CORONAVIRUS PANDEMIA (ON THE EXAMPLE OF USERS OF THE INTERNET SEARCH SYSTEMS)⁵

A. L. Zhuravlev*, **D. A. Kitova****

*Federal State-Financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS;
129366, Yaroslavskaya str., 13, Moscow, Russia.*

**Member of RAS, Professor, Scientific Leader of Institute of Psychology RAS.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher,
Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: j_kitova@yandex.ru

Received 20.05.2020

Abstract. The interest in information about the coronavirus pandemic at the initial stage of its development was studied. It was assumed that in conditions of an objective lack of knowledge about coronavirus infection, the need for prompt and reliable facts about the pandemic, which will inevitably manifest itself in the nature of the search activity of users of search engines on the Internet, will inevitably manifest itself. The study was conducted using the praximetric method in psychology, through an appeal to methods of analyzing the results of already completed actions (queries). The purpose of the study is to establish the psychological patterns of interest in information about the coronavirus pandemic at its initial stage. The object of the study was users of the search engines Yandex and Google, and the subject — the content of user requests with the word “coronavirus” implemented in a pandemic. Based on the leading theoretical provisions on the psychological nature of interest, the main characteristics of the affective and cognitive components of interest in pandemic information that are characteristic of its initial stage are identified and described. In particular, the motives, content, structure and regional features of interest in information about the coronavirus pandemic were identified, as well as the characteristics that determine the direction, stability and strength of the manifestation of such interest are described. A cognitive structure of the orientation of interest has been established, which is characterized by an orientation toward ensuring personal security (of oneself and one’s loved ones). The necessity of studying the dynamics of interest in information about a pandemic, as well as the prospects for studying the emotional states of a person in the development of a coronavirus pandemic, is substantiated.

Keywords: pandemic, coronavirus infection, need for information, users of search engines, queries, regulation of interest, emotional tension, need for security.

REFERENCES

1. *Aprelikova N.R., Kitova D.A.* Otnoshenie pol’zovatelej social’nyh setej k znaniyam po psihologii. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social’naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. V. 4. № 2 (14). P. 99–128. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2019/t4-2/n19-02-05.html> (data obrashcheniya: 12.04.2019). (In Russian)
2. *Zhuravlev A.L., Kitova D.A.* Social’no-psihologicheskie determinanty razvitiya global’noj informacionnoj seti. Nauka. Kul’tura. Obshchestvo. 2017. № 3–4. P. 10–21. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Kitova D.A.* Psihologicheskie osobennosti otnosheniya k detyam pol’zovatelej social’noj seti Twitter. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social’naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2020. V. 5. № 1 (17). P. 33–72. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-1/n20-01-02.html> (data obrashcheniya: 12.04.2019). (In Russian)
4. *Zdravomyslov A.G.* Potrebnosti. Interesy. Cennosti. Moscow: Politizdat, 1986. (In Russian)
5. *Kitova D.A.* Otechestvennaya psihologiya v usloviyah razvitiya global’nyh processov. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 2. P. 128–131. (In Russian)
6. Psihologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie. Eds. A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina, E.A. Sergienko, N.E. Harlamenkova. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. (In Russian)
7. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshchej psihologii. St. Petersburg: Piter, 2002. (In Russian)
8. *Sosnin V.A., Kitova D.A., Nestik T.A., Yurevich A.V.* Massovoe soznanie i povedenie kak ob’ekty issledovaniya v social’noj psihologii. Institut psihologii Rossijskoj

⁵ The study was supported by the RFBR, the project under program “Viruses” № 20-04-60177.

- akademii nauk. *Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2017. V. 2. № 4 (8). P. 71–105. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document396.pdf> (data obrashcheniya: 12.04.2019). (In Russian)
9. *Social'naya psikhologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov*. Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: PERSE, 2002. (In Russian)
10. *Tarabrina N.V., Zhuravlev A.L. Psihologicheskaya bezopasnost': na puti k kompleksnym, mezhdisciplinarnym issledovaniyam (vmesto predisloviya)*. Problemy psikhologicheskoy bezopasnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina. Moskva, 2012. P. 5–21. (In Russian)
11. *Cornwall W.* Social scientists scramble to study pandemic, in real time. *Science*. 10 April 2020. V. 368. Iss. 6487.
12. *Cornwall W.* Crushing coronavirus means “breaking the habits of a lifetime”. *Behavior scientists have some tips. Science*. 16 April 2020. V. 368. Iss. 6488.

УДК 159.95

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ СВЯЗЕЙ С ИМПЛИЦИТНЫМИ ТЕОРИЯМИ И ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРОЙ¹

© 2020 г. Т. В. Корнилова*, М. А. Шестова**, Е. М. Павлова***

Факультет психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

E-mail: tvkornilova@mail.ru

** Аспирант кафедры общей психологии. E-mail: shestovamariya@yandex.ru

*** Кандидат психологических наук, инженер кафедры психологии образования и педагогики.

E-mail: pavlova.lisa@gmail.com

Поступила 12.03.2020

Аннотация. Рассмотрены соотношения понятий эмоциональных способностей, эмоционального интеллекта, эмоциональной креативности (ЭК) и имплицитных теорий креативности (ИТК). Представлены результаты апробации опросника Дж. Эверилла “Эмоциональная креативность” (ОЭК) на выборке российских студентов ($N = 631$). Установлена пятифакторная структура русскоязычной версии опросника в противовес трехфакторной в исходном варианте ОЭК. α Кронбаха для всех шкал превышает 0.7, что говорит о высокой согласованности пунктов в шкалах. Проанализированы связи шкал ОЭК с переменными эмоционального интеллекта (ЭИ), “психологической разумности” и имплицитными теориями креативности (ИТК). Такие факторы ЭК, как готовность размышлять и эффективность, положительно связаны со всеми шкалами межличностного ЭИ; фактор “новизна” также положительно связан со шкалами межличностного ЭИ, но отрицательно — со шкалами внутриличностного ЭИ; фактор “аутентичность” положительно связан с большинством шкал ЭИ. Фактор “многообразие эмоций” фиксирует этап потенциального зарождения эмоций, когда аспекты становления и опознания эмоций еще не разведены. Шкала ИТК “активность” связана с тремя из пяти шкал ЭК, в том числе с многообразием эмоций. Эта и другие установленные связи позволяют предполагать включенность имплицитных теорий креативности в актуальность ЭК. Апробированный на русскоязычной выборке “Опросник эмоциональной креативности” продемонстрировал хорошие психометрические показатели по пяти шкалам, выделение которых обосновано их связями с показателями эмоционально-личностной сферы и имплицитными теориями креативности.

Ключевые слова: эмоциональная креативность, эмоциональная регуляция, эмоциональный интеллект, эмоциональные способности, имплицитные теории креативности, “психологическая разумность”.

DOI: 10.31857/S020595920010388-2

Понятие *эмоциональной креативности* (ЭК) стало популярным после его обоснования Дж. Эвериллом и разработки специального опросника для диагностики ЭК в качестве способности. Оно объединило в единый конструкт три составляющие: когниции, эмоции и креативность. ЭК стала рассматриваться как третий домен общей креативности, наряду с “большой K ” и “малой k ”.

ЭК не связана с показателями дивергентного мышления, но связана с показателями креатив-

ности [20] и самовосприятием творческих способностей [13], что позволяет предполагать выход процессов ЭК на уровень самосознания личности, в качестве нижнего слоя которого можно рассматривать в том числе имплицитные теории креативности (ИТК) [7].

Интегративный характер этого конструкта предполагает его включение в анализ функционирования целостного интеллектуально-личностного потенциала человека, а также определяет актуальность апробации соответствующей методики. Первые его апробации на русском языке были

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-29-07069.

осуществлены на белорусских выборах [1]² и на небольшой российской [2], что оставило открытыми вопросы о его факторной структуре и надежности, а главное — о связях с другими переменными, что помогло бы прояснить стоящие за ЭК процессы.

Целью работы стали: 1) апробация русскоязычной версии “Опросника эмоциональной креативности” Дж. Эверилла и 2) выявление связей его шкал с эмоциональным интеллектом, имплицитными теориями креативности и личностными свойствами, отражающими особенности внутренней работы человека со сферой его переживаний.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ

Термин “эмоциональные способности” (*emotional abilities*, ЭС) представлен в литературе в двух основных значениях: во-первых, как синоним эмоционального интеллекта (ЭИ, модель Майера–Саловея–Карузо и др.), во-вторых, в более широком значении, включающем в себя различные конструкты, которые отражают способность личности работать со своими эмоциями. Так, Аллеманд относил к ЭС кроме ЭИ способность испытывать позитивные и негативные эмоции и удовлетворенность жизнью, эмоциональную сложность и способность выражать эмоциональный опыт [12]. К ЭС относят также способность регулировать эмоции, испытывать и выражать эмпатию, “психологическую разумность” (противопоставляемую алекситимии), эмоциональную осознанность [6; 19].

Эмоциональные способности, в том числе способность воспринимать, использовать, понимать эмоции и управлять ими, способствуют оптимальному социальному функционированию и, в частности, учебной деятельности [16]. В понятие ЭС включают и эмоциональный подход к копингу, и индивидуальную осознанность эмоций [18]. Термин *emotional capability* отражает социальный феномен — способность группы управлять эмоциями, предвидеть, дифференцировать и понимать переживания своих членов [27].

Недостающим звеном, на наш взгляд, при более широком понимании ЭС выступают эмоциональные предвосхищения, актуалгенез которых представлен в функционировании так называемых горячих процессов: принятия решений, ЭИ и т.д.

Наряду с развиваемыми в отечественной психологии подходами к пониманию единства интеллекта

и аффекта [3], продолжающими традиции школы Л.С. Выготского, в зарубежной психологии также обсуждается проблема соотношения когниций и эмоций за рамками исследований ЭИ [23; 28 и др.]. Примером является концепция Дж. Эверилла, связавшего эмоциональную креативность (ЭК) с саморегуляцией поведения и ориентировкой на социум. Другим важным аспектом стала позиция Эверилла в понимании порождения ЭК, которая вполне соотносима с идеей единства “мира чувств” и “чувства мира” [8].

Эверилл привел для уточнения понимания ЭК мысль Р. Коллингвуда о том, что до того, как человек испытал эмоции, он не знает, что это за эмоции; т.е. акт выражения является и актом исследования собственных эмоций [15]. Однако акт выражения эмоции не совпадает с этапом порождения эмоции — более глубинным процессом, базирующимся на мотивационно-смысловой представленности значимости и субъективных реконструкциях ситуации (и происходящего в ней), что включает не только процессы саморегуляции и возможной вербализации, но и регулятивную роль составляющих образа мира как максимально обобщенных амодальных глубинных структур сознания личности [9].

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ

Дж. Эверилл предложил понимать ЭК как способность переживать и выражать оригинальные, уместные и аутентичные комбинации эмоций [14; 15]. Человек, имеющий высокий балл по ЭК, предположительно испытывает более сложные эмоции, однако в самом ОЭК шкалы “эмоциональная сложность” нет.

В оригинальном варианте ОЭК включает 30 пунктов, раскрывающих три основных фактора: “Новизна”, “Готовность” и “Эффективность/Аутентичность” (Э/А).

1. “Новизна” — новое поведение человека в сравнении с типичным поведением, принятым в обществе, т.е. некоторый новый продукт творческого процесса. Креативность предстает в таком ракурсе как потенциал, чаще всего измеряемый по результату — созданному креативному продукту [3].

2. “Готовность” отражает необходимость длительной подготовки для достижения креативности в любой сфере. Готовность размышлять над эмоциями включает рефлекссию собственных эмоций, чувств и реакций, поиск их причин, а также

² В публикации не приводится величина выборки.

обращение внимания на эмоции и чувства других людей.

3. “Эффективность”. Чтобы быть отнесенной к разряду креативных, эмоциональная реакция должна обладать потенциальной пользой для индивида или общества в целом.

4. “Аутентичность”, или подлинность, — характеристика творческого эмоционального ответа человека, отражающая его ценности и убеждения, выступает свидетельством его личностного переживания, отнесенности к личностному Я.

Дж. Эверилл придерживается традиционного понимания критериев креативности, согласно которому основные ее характеристики — это оригинальность и полезность (применимость идеи). Однако в последние десятилетия изменялись (дополнялись) и критерии креативности, и представления об эмоциональной регуляции. Для определения креативности недостаточно учитывать только новизну и пользу от продукта. Р. Стернберг, М. Чиксентмихайли и другие авторы считают, что креативный продукт помимо новизны и целесообразности должен быть еще и высокого качества.

Отличие подхода Дж. Эверилла заключается в том, что *эмоции*, а не *мотивация* или *когниции* выступают опосредующим звеном при создании творческого продукта [14; 15].

Важным стало разведение понятий эмоциональной регуляции познания и деятельности и регуляции собственно эмоций, эмоциональной регуляции и эмоционального интеллекта (ЭИ). Бурное развитие проблематики ЭИ внесло свой вклад в понимание регуляции креативности: так, в метаанализах [18; 24] приводятся не только обоснования необходимости разделять понятия эмоциональной регуляции и ЭИ, но и данные о конструктивном влиянии ЭИ на стратегии разрешения проблемных ситуаций. Стратегии эмоциональной регуляции связываются со способностью человека модулировать эмоции с помощью когнитивных усилий [11]. Это проявляется, в частности, в улучшении контроля эмоций у пожилых людей до определенного порога когнитивного снижения [30].

Изучается влияние прогнозируемых человеком эмоциональных реакций от принятого решения на непосредственные эмоции. Так, согласно популярной гипотезе А. Дамасио, в качестве эмоционально-интуитивных предвосхищений выступают так называемые соматические маркеры [17], обеспечивающие неосознаваемые уровни обратной связи о реакциях на успех или неуспех. Однако ей противоречат данные о связях эффективности

прогнозов в стратегиях принятия многоэтапных решений с академическим интеллектом [4].

Понимание предвосхищений как *новообразований*, снижающих неопределенность ситуации при решении задач или принятии решений, предполагает эмоциональную регуляцию иным образом: не в контекстах “эмоции влияют на когниции” или “эмоции актуализируются в развертывании мыслительных стратегий”, а в полагании самих эмоциональных предвосхищений как составляющих эмоциональной креативности.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ КРЕАТИВНОСТИ

Кроме измерений креативности в исследованиях связей с ЭК могут выступать *имплицитные теории креативности* (ИТК). В них отражаются представления людей о содержании феномена креативности, стихийно складывающиеся в их жизни, но и в некоторой мере опирающиеся на эксплицированные учеными представления, как то было показано для имплицитных теорий (ИТ) интеллекта [10]. Изучение ИТК важно, так как они являются основой вынесения суждений в отношении способностей человека, которые не всегда связаны с объективными показателями [25; 29 и др.]. Классические исследования ИТК заключались в факторизации самооценок испытуемых по разным характеристикам, которые позволяют делать выводы об их структуре [20 и др.]. В наших исследованиях было показано, что процесс самооценивания креативности базируется не только на ИТК, но и на принятии неопределенности, актуализируемой неоднозначностью критериев оценки себя [7; 22].

Последнее известное исследование, посвященное ИТК, было направлено на выявление общего и различий в восприятии творческого ученика преподавателями четырех стран (Австралии, Великобритании, Польши и Италии) [21]. Из установленных трех факторов ИТК (*познавательное творчество, инакомыслие, адаптивность*) только последний существенно различался по странам, отразив вклад особенностей социума в ИТК. Таким образом, в кросскультурном аспекте нельзя считать стабильными основания ИТК, и в рамках каждой страны требуется уточнение шкал, характеризующих именно обследуемые выборки. Для российских выборок был разработан опросник ИТК, названный “Имплицитные теории креативности” (КИТ) [7].

Шкалы опросника КИТ содержательно могут быть соотнесены со шкалами опросника Эверилла: так, *новизна* по ОЭК может соотноситься со шкалой *оригинальность* по КИТ (новые действия в обычных ситуациях), *аутентичность* — со шкалой *креативный потенциал*, хотя в опроснике КИТ последняя шкала отражает более широкий спектр когнитивных и личностных особенностей креативного человека. Верификация предполагаемых связей соответствовала бы оценке возможной включенности ИТК в самооценивание эмоциональной креативности.

Резюмируя представленные в обзорах данные и наши предположения о возможных связях ЭК с ЭИ, “психологической разумностью” и ИТК, мы сформулировали следующие гипотезы исследования.

Гипотеза 1: предполагается, что более высокие показатели эмоциональной креативности будут у лиц с более высоким эмоциональным интеллектом.

Гипотеза 2: лица с более высокими показателями “психологической разумности” (как вовлеченности в работу со сферой своих переживаний) будут иметь более высокие показатели по эмоциональному интеллекту и эмоциональной креативности.

Гипотеза 3: шкала ОЭК *новизна* будет положительно связана со шкалами имплицитных теорий *новизна*, *оригинальность* и *активность* (по опроснику КИТ), а выделенная шкала ОЭК *многообразие эмоций* — со шкалой имплицитных теорий *активность* (шкалой КИТ).

МЕТОДИКА

Схема исследования включала два этапа.

1. *Апробация опросника Дж. Эверилла Emotional Creativity Inventory (ECI). Участники:* 631 человек, студенты разных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова и Московского института психоанализа ($M = 21$; $SD = 6.1$; $Med = 20$). Из них 222 мужчин и 407 женщин (2 не указали пол).

Мы ориентировались на исходный английский вариант и перевод Е.А. Валуевой [2]. Сопоставлялись наш прямой перевод на русский и обратный перевод (с английского варианта нашего перевода психологами, преподающими на английском языке). Из перевода Е.А. Валуевой неизменными остались формулировки пунктов 3, 11, 19, 23, 25, 29 и 30.

Выборка была разделена случайным образом на две части — $N = 319$ и $N = 309$ человек соответственно. Для данных по первой выборке в $N = 319$

был проведен эксплораторный факторный анализ. $N = 309$ (после удаления аутлайеров) составили репликационную выборку для конфирматорного факторного анализа, на материале которой были получены значения пригодности альтернативных моделей. Это было сделано, чтобы избежать неоправданной поддержки найденной в ЭФА модели.

2. *Выявление связей ЭК с переменными интеллектуально-личностного потенциала.* На этапе участвовали 553 человека, 200 мужчин и 352 женщины (1 человек не указал пол) ($M = 20.5$; $SD = 3.3$).

Применялись следующие *психодиагностические методики*.

Опросник ЭМИн [5]. Построен в ориентировке на авторскую концепцию ЭИ, предполагающую, понимание его, с одной стороны, как когнитивной способности, а с другой — как связанного с характеристиками личностной сферы. По ответам на 46 пунктов опросника строятся первичные и вторичные шкалы, что представлено в таблицах.

Шкалы “психологической разумности” (Psychological mindedness), ШПР [6]. Опросник из 45 пунктов построен для выявления различий в степени доступности человеку его опыта переживаний, эмоциональной включенности в построение образа Я, т.е. в шкалах, противопоставляемых алекситимии: *заинтересованность в сфере переживаний*; *ее доступность*; *вера в пользу от обсуждения личных проблем с окружающими*; *желание и готовность обсуждать свои проблемы*; *открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском*.

Опросник имплицитных теорий креативности, КИТ [7]. Включает 32 пункта и диагностирует имплицитные теории креативности в четырех шкалах: 1) *оригинальность* — направленность на поиск оригинальных решений; 2) *креативный потенциал*, т.е. представление о креативности как реализации своего интеллектуально-личностного потенциала; 3) *новизна* как стремление к новизне и принятию неопределенных ситуаций; 4) *активность*, т.е. креативность как способность, проявляющаяся в определенных видах деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

I. Факторная структура опросника ОЭК

Эксплораторный факторный анализ проводился с помощью функций пакета *psych* для программной среды *R*. Выделение факторов проводилось на основе матрицы поликорреляционных корреляций между пунктами опросника с помощью метода минимальных

Таблица 1. Показатели пригодности альтернативных конфирматорных факторных моделей в репликационной выборке ($N = 309$)

	χ^2	Df	χ^2/df	P	CFI	$RMSEA$
1 фактор	3544.236	405	8.75	<0.001	0.635	0.159
3 фактора (оригинал)	1356.464	402	3.3	<0.001	0.889	0.088
5 факторов	860.104	365	2.3	<0.001	0.940	0.066

остатков (*minimal residual; minres*) с косоугольным вращением геомин (*geomini*). Установление факторной структуры проводилось в контексте рассмотрения: 1) интерпретируемости факторной структуры, 2) непротиворечивости паттернов факторных нагрузок пунктов на факторы, 3) анализа критериев очень простой структуры [27] и Величера (*Velicer's minimum average partial*); 4) результатов анализа графика-осыпи собственных значений факторов в сравнении с таковой для симулированных данных, идентичной с выборочной в структуре и размере.

График осыпи и матрица факторных нагрузок даны на рис. 1 и в табл. 1 в приложении. Факторные нагрузки свыше 0.35 после вращения служили основой разработки ключа для подсчета баллов по шкалам опросника и формулировки конфирматорных моделей.

Конфирматорный факторный анализ проводился в программном пакете *lavaan* для R при использовании метода *WLSMV* (*weighted least square mean and variance adjusted*) для порядковых наблюдаемых переменных. В исследовании на материале репликационной выборки сравнивались три модели: общая (где все пункты опросника имели нагрузки на один общий фактор), исходная трехфакторная модель Эверилла, пятифакторная модель на основе факторной структуры, установленной с помощью ЭФА. Сравнение показателей пригодности моделей (табл. 1) показало, что наилучшая степень соответствия данным была получена для пятифакторной модели.

Показатель α Кронбаха для всех шкал превышает 0.7 (табл. 2), что говорит о высокой согласованности пунктов, принадлежащих к одной шкале.

Фактор *новизна* стал первым, *готовность рассуждать* о своих эмоциях — вторым, как и у Эверилла. *Эффективность* и *аутентичность* эмоциональных реакций образовали два фактора (вместо одного у Эверилла), что свидетельствует об их большей дифференцированности на русскоязычных выборках. Наконец, выделился пятый фактор, который включил пункты не только о многообразии испытываемых эмоций, но и о сложности их выражения.

II. Корреляционный анализ шкал эмоциональной креативности с другими переменными

Применялся ранговый коэффициент корреляции ρ Спирмена.

1. Связи шкал эмоциональной креативности и эмоционального интеллекта

С помощью опросника ЭМИн тестировались 429 человек (253 женщины, 176 мужчин, $M = 20.5$; $Med = 20$; $SD = 3.4$). Шкала ОЭК *новизна* положительно связана со шкалами *МЭИ*, но отрицательно — с *ВЭИ*, т.е. именно люди со снижением внутриличностного интеллекта подчеркивали уникальность и неповторимость своих эмоций. *Готовность размышлять над эмоциями* положительно связана со всеми шкалами ЭИ (кроме *ВЭ* и *ВУ*), с *пониманием* и *управлением эмоциями* и с одной шкалой внутриличностного ЭИ — *пониманием своих эмоций* (ВП) (см. табл. 3).

Эффективность эмоций также положительно связана со всеми показателями ЭИ, за исключением *контроля экспрессии своих эмоций* (ВЭ). Эта шкала отрицательно связана с *аутентичностью*, хотя другие показатели ЭИ положительно связаны с аутентичностью.

Шкала *многообразие эмоций* положительно связана с общим показателем *МЭИ* и *пониманием чужих эмоций*, но отрицательно — со всеми показателями *внутриличностного интеллекта* и суммарным показателем *управления эмоциями* (УЭ). То есть многообразие эмоций фиксируют у себя люди со снижением внутриличностного интеллекта, но не межличностного.

2. Связи шкал ЭК со шкалами “психологической разумности”

Связи со шкалами “психологической разумности” устанавливались на выборке студентов из 170 человек (126 женщин, 44 мужчины, $M = 21.5$; $Med = 20$; $SD = 3.7$). Интеркорреляции переменных ШПР: *заинтересованность* отрицательно связана с *доступностью* сферы переживаний ($\rho = -0.257^{**}$), положительно — с *пользой обсуждения* своих проблем ($\rho = 0.247^{**}$) с другими людьми и *открытостью изменениям* ($\rho = 0.240^{**}$).

Таблица 2. Пункты опросника и шкалы

№ п/п	Название фактора (шкалы)	№ пункта	Название пункта	α Кронбаха, если удалить пункт
1	Новизна — уникальность (α Кронбаха = 0.793)	8	Мои эмоциональные реакции уникальны и отличаются от эмоций других людей	0.769
		11	Я испытывал такие сочетания эмоций, которые другие люди, вероятно, никогда не переживали	0.755
		13	Я испытывал эмоциональные переживания, о которых можно сказать, что они необычны или выходят за рамки общепринятых	0.750
		14	В эмоциональных ситуациях я склонен реагировать не так, как другие люди	0.772
		15	Мне нравится выдумывать ситуации, требующие необычных, редких, нетрадиционных эмоциональных реакций	0.780
		16	В своих эмоциональных реакциях я довольно изобретателен и оригинален	0.754
		17	Мне нужно было стать поэтом или романистом, чтобы описать те эмоции, которые я иногда испытываю, настолько они неповторимые	0.782
2	Готовность размышлять над эмоциями (α Кронбаха = 0.732)	1	Когда у меня возникают сильные эмоциональные реакции, я ищу их причины	0.671
		2	Я считаю, что над эмоциональным развитием следует работать так же усердно, как и над интеллектуальным	0.704
		3	Я размышляю о своих эмоциональных реакциях и стараюсь понять их	0.635
		4	Меня не особенно интересует эмоциональная сторона моей жизни (<i>R</i>)	0.730
		5	Я обдумываю свой прошлый эмоциональный опыт, чтобы справиться с текущими эмоциональными проблемами	0.676
		6	После переживания сильных эмоций я стараюсь отстраниться от них и объективно оценить	0.741
3	Эффективность (α Кронбаха = 0.742)	7	Я внимателен к эмоциям других людей, так как мне это помогает лучше понимать свои чувства	0.729
		22	Я хорошо приспосабливаюсь к ситуациям, которые вызывают новые или необычные эмоции	0.731
		23	Мне хорошо удается выражать свои эмоции	0.713
		24	В отношениях с другими людьми мне помогает то, как я переживаю и выражаю свои эмоции	0.661
		25	Мои эмоции помогают мне достигать целей в жизни	0.678
		26	Мои эмоции играют важную роль в моей жизни: без них она не имела бы смысла	0.713
4	Аутентичность (α Кронбаха = 0.781)	27	Я стараюсь быть честным в своих эмоциональных реакциях, даже если это создает мне проблемы	0.734
		28	Мои эмоции почти всегда выражают мои подлинные мысли чувства	0.680
		29	Мои внешние эмоциональные реакции точно отражают мои внутренние чувства	0.702
		30	Я стараюсь маскировать и прятать свои эмоции (<i>R</i>)	0.785
5	Разнообразие порождаемых эмоций (α Кронбаха = 0.755)	9	Я могу представить себя одиноким, разгневанным и веселым одновременно	0.731
		10	Иногда я переживаю эмоции и чувства, которые нелегко описать обычными словами	0.712
		18	Я могу испытывать множество разных эмоций одновременно	0.689
		19	Я предпочитаю фильмы и книги, в которых изображаются сложные и невероятные эмоциональные ситуации	0.757
		20	Многообразие моих эмоциональных реакций иногда превышает мои возможности описания того, что я чувствую	0.705
		21	Я способен испытывать большое количество различных эмоций	0.722

Таблица 3. Связи эмоциональной креативности с переменными эмоционального интеллекта, “психологической разумности” и имплицитных теорий креативности

	Переменные	Новизна— уникаль- ность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффектив- ность	Аутентич- ность	Многообразие эмоций
Шкалы ЭМИн	МЭИ	0.166**	0.221**	0.487**	0.235**	0.093
	МП	0.184**	0.219**	0.423**	0.179**	0.127**
	ПЭ	-0.001	0.229**	0.420**	0.216**	-0.088
	УЭ	0.002	0.109*	0.359**	0.029	-0.153**
	ВЭ	-0.103*	-0.036	-0.035	-0.237**	-0.200**
	ВЭИ	-0.163**	0.104*	0.254**	-0.002	-0.300**
	ВП	-0.199**	0.170**	0.279**	0.168**	-0.277**
	ВУ	-0.034	0.088	0.319**	0.004	-0.224**
	МУ	0.112*	0.186**	0.458**	0.230**	0.033
Шкалы ШПР	Заинтересованность в сфере переживаний	0.209**	0.407**	0.219**	0.222**	0.249**
	Доступность сферы переживаний	-0.067	-0.091	0.023	-0.079	-0.144
	Польза от обсуждения переживаний	-0.016	0.286**	0.326**	0.185*	0.111
	Желание обсуждать проблемы с другими	-0.127	0.087	0.237**	0.053	-0.024
	Открытость новому опыту	0.188*	0.084	0.255**	-0.006	0.100
Шкалы КИТ	Оригинальность	0.041	0.102	0.187*	0.109	0.001
	Креативный потенциал	0.152	0.009	0.126	0.128	0.078
	Новизна	0.052	0.070	0.210*	0.159	0.058
	Активность	0.246**	0.168	0.181*	0.139	0.218**

Все шкалы ЭК положительно связаны со шкалой *заинтересованность в сфере переживаний* (табл. 3). Шкала ЭК *новизна* положительно связана с *открытостью изменениям; готовностью размышлять над эмоциями* — с *пользой обсуждения*. *Эффективность* положительно связана с четырьмя из пяти шкал “психологической разумности”, кроме *доступности сферы переживаний; аутентичности* — с *заинтересованностью и пользой*. *Многообразие эмоций* не связано ни с чем, кроме указанной шкалы *заинтересованности*.

Дополнительные данные дают не представленные в табл. 3 корреляции шкал “психологической разумности” с ЭИ. *Доступность сферы переживаний* отрицательно связана с *управлением эмоциями* и не связана с другими показателями ЭИ. Остальные взаимосвязи ЭИ и “психологической разумности” положительны.

Итак, спецификой нашей выборки можно считать в первую очередь невключенность *доступности внутреннего опыта* в связи со шкалами ЭИ и ЭК. Кроме того, отметим, что именно при трудностях *доступности эмоциональной сферы*

участники испытывали большую *заинтересованность* в ее анализе.

III. Связи ЭК и имплицитных теорий креативности

Анализ связей шкал имплицитных теорий (ИТ) и ЭК проведен на выборке в 127 человек (77 женщин, 50 мужчин, $M = 24.3$; $Med = 20$; $SD = 8$).

Шкала ЭК *эффективность* значимо положительно связана с ИТК *новизна, оригинальность и активность*; *новизна* и *многообразие порождаемых эмоций* также связаны с ИТ *активность*. То есть гипотеза 3 о связи имплицитных теорий *новизны* и *оригинальности* с *новизной* как показателем ЭК не принимается, но переформулируется как связь этих ИТ с *эффективностью*. Отметим максимальную связь ИТ *оригинальность* с *заинтересованностью в сфере переживаний* ($\rho = 0.379^{**}$), а также связь последней шкалы с ИТ *креативный потенциал* и *новизна*; при том что *активность* не связана ни с одной шкалой ЭИ (см. табл. 3).

Связь шкалы *многообразие эмоций* со шкалой ИТК *активность* поддерживает рассмотрение

этого выделенного для ОЭК пятого фактора как показателя актуалгенеза эмоций.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Выделение на русскоязычной выборке пяти шкал вместо трех для ОЭК Дж. Эверилла не только обосновано результатами факторного анализа, но и подкреплено выявленными связями с другими показателями эмоционально-личностной сферы.

Первые выделенные 4 шкалы соответствуют интерпретациям Эверилла. С точки зрения нашей интерпретации наиболее неоднозначна выделенная пятая шкала — именно как *многообразия эмоций*. Включение в анализ данных двух других методик, опросников эмоционального интеллекта и “психологической разумности”, позволяет прояснить основания для того, чтобы все же оставить такую интерпретацию. Эта шкала фиксирует диапазон порождаемых эмоций, т.е. тот “первичный” их диапазон, когда они еще не полностью идентифицированы, не вошли в процесс переработки эмоциональной информации, который приписывается ЭИ как способности.

Продемонстрированная конвергентная валидность *готовности размышлять над эмоциями* и *эффективности* эмоциональных реакций практически со всеми показателями ЭИ соответствует пониманию эмоциональной креативности как способности. Для этих шкал гипотеза 1 принимается: более высокому ЭИ сопутствует и более высокая ЭК.

Но для связей шкалы ЭК *новизна* получены отрицательные связи с показателями внутриличностного интеллекта, что позволяет принять гипотезу 1 только с уточнением, что она соответствует показателям межличностного эмоционального интеллекта. Данной Дж. Эвериллом интерпретации шкалы *новизна* соответствует связь с показателем имплицитной теории креативности *активность*. В этом аспекте гипотеза 3 принимается. Но она отвергается для других предполагаемых связей ЭК с ИТК. Так, не выявлено связей 1-го фактора ОЭК *новизна* со шкалами *новизны* и *оригинальности* по КИТ. Таким образом, предположение о возможной конвергентной валидности здесь не подтверждается, т.е. имплицитные представления о креативности (как новизне или оригинальности идей) не включено в становление — конструирование, по Эвериллу, — собственных новых эмоций.

Наши данные позволяют принять в целом гипотезу 2 о том, что лица с более высокими показателями “психологической разумности” характеризуются

и более высоким уровнем эмоциональной креативности и эмоционального интеллекта. Гипотезу, однако, нельзя принять для шкалы *многообразие эмоций*, показатели которой оказались выше у лиц со снижением ЭИ и *доступности сферы переживания*. Здесь мы вносим поправку на само понимание *многообразия эмоций* как трудности выражения их словами и идентификации как разных эмоций, что возвращает нас к проблеме актуалгенеза: несовпадение моментов порождения и идентификации эмоций, что фиксируется пятой выделенной нами шкалой ОЭК.

Отметим также, что для *аутентичности* — при положительных связях с другими показателями, в первую очередь межличностного ЭИ, — связь с *контролем экспрессии* (ВЭ) становится отрицательной. Это может свидетельствовать о том, что именно недостаточность контроля над своими эмоциями приводит человека к представлению об их уникальности и непохожести на обычные эмоциональные реакции других людей.

Сопоставление связей эмоциональной креативности и эмоционального интеллекта с “психологической разумностью” позволило нам уточнить отличия именно данной выборки респондентов — неинтегрированность *доступности сферы переживания* в структуры ЭИ и ЭК.

Дж. Эверилл считал социальные представления (социальные нормы) и экзистенциальные верования источником возникновения структур, определяющих эмоциональные синдромы (которые человек испытывает как чувства). Наши данные позволяют фокусировать “пропущенный” источник — актуалгенез эмоций. Это позволяет сделать выделение пятой шкалы, названной *многообразием эмоций* и отражающей, на наш взгляд, индивидуальные различия в диапазоне порождаемых эмоций до их закрепления в идентифицированных с теми или иными названиями.

Положительная связь *многообразия эмоций* с ИТ *активность* креативной личности (при отрицательных связях с большинством показателей ЭИ) поддерживает рассмотрение этой пятой шкалы ЭК не как показателя способности, а как проявления активности личности не только в выражении, но и в порождении ее эмоций.

ВЫВОДЫ

1. Проведенная апробация опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла показала его хорошие психометрические свойства при

выделении пяти факторов, а не трех, как в исходном варианте ОЭК.

2. Установленные связи шкал эмоциональной креативности с эмоциональным интеллектом позволяют рассматривать их как свидетельства в пользу понимания эмоциональной креативности как составляющей эмоциональных способностей.

3. Выделение шкалы *многообразие эмоций* фиксирует глубинные слои эмоциональной регуляции — потенциального зарождения эмоций, когда аспекты становления, выражения и опознания эмоций еще не разведены.

4. Связи эмоциональной креативности с “психологической разумностью” сходны с положительными связями эмоционального интеллекта, но *субъективная доступность сферы переживаний* не интегрирована в структуры ЭИ и ЭК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева И.Н.* Адаптация опросника эмоциональной креативности (ЕСИ) // Психологический журнал (Минск). 2011. № 1–2. С. 75–81.
2. *Валуева Е.А.* Диагностика эмоциональной креативности: адаптация опросника Дж. Эверилла // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 216–227.
3. *Корнилова Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
4. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А.* Интеллект и успешность стратегий прогнозирования при выполнении Айова-теста (IGT) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15 (1). С. 10–21.
5. *Люсин Д.В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.
6. *Новикова М.А., Корнилова Т.В.* “Психологическая разумность” в структуре интеллектуально-личностного потенциала (апробация опросника) // Психологический журнал. 2014. Т. 35 (1). С. 95–110.
7. *Павлова Е.М.* ИмPLICITные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11 (4). С. 75–95.
8. *Смирнов С.Д.* Мир чувств и чувство мира // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 224–245.
9. *Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилова Т.В.* Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.
10. *Стернберг Р., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж., Григоренко Е. и др.* Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002.
11. *Allard E.S., Kensinger E.A.* Age-related differences in functional connectivity during cognitive emotion regulation // Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2014. V. 69 (6). P. 852–860.
12. *Allemand M., Steiger A.E., Fend H.A.* Empathy Development in Adolescence Predicts Social Competencies in Adulthood // Journal of Personality. 2015. V. 32 (2). P. 229–241.
13. *Andiliou A., Murphy K.P.* Examining variations among researchers’ and teachers’ conceptualizations of creativity: A review and synthesis of contemporary research // Educational Research Review. 2010. V. 5. P. 201–219.
14. *Averill J.R.* Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates // Journal of personality. 1999. V. 67 (2). P. 331–371.
15. *Averill J.R.* Intelligence, emotion, and creativity: From trichotomy to trinity // Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace / Eds. R. Baron, J.D.A. Parke. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000. P. 363–376.
16. *Brackett M.A., Rivers S.E., Reyes M.R., Salovey P.* Enhancing academic performance and social and emotional competence with the RULER feeling words curriculum // Learning and Individual Differences. 2012. V. 22. P. 218–224.
17. *Damasio A.* Feelings of emotion and the self // Annals of the New York Academy of Sciences. 2003. V. 1001 (1). P. 253–261.
18. *Gutiérrez-Cobo M.J., Cabello R., Fernández-Berrocal P.* The relationship between emotional intelligence and cool and hot cognitive processes: A systematic review // Frontiers in behavioral neuroscience. 2016. V. 27. P. 101.
19. *Foran H.M., O’Leary K.D., Williams, M.C.* Emotional Abilities in Couples: A Construct Validation Study // The American Journal of Family Therapy. 2012. V. 40. P. 189–207.
20. *Ivcevic Z., Mayer J.D.* Mapping Dimensions of Creativity in the Life-Space // Creativity Research Journal. 2009. V. 21 (2–3). P. 152–165.
21. *Karwowski M., Gralweskib J., Patston T., Cropleyd D.H., Kaufman J.C.* The creative student in the eyes of a teacher: A cross-cultural study Author links open overlay panel // Thinking Skills and Creativity. 2020. V. 35. P. 100636.
22. *Pavlova E.M., Kornilova T.V.* Implicit theories and self-esteem of creativity in the structure of self-consciousness // Understanding Creativity: Past, Present and

- Future Perspectives. New York: Nova Science Publishers, 2019. P. 61–79.
23. *Pessoa L.* On the relationship between emotion and cognition // *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. V. 9 (2). P. 148–158.
24. *Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J.* Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: a meta-analysis // *Frontiers in psychology*. 2015. V. 6 (160). P. 1–27.
25. *Reiter-Palmon R., Robinson-Morrall E., Kaufman J.C., Santo J.* Evaluation of self-perceptions of creativity: Is it a useful criterion? // *Creativity Research Journal*. 2012. V. 24. P. 107–114.
26. *Revelle W., Rocklin T.* Very Simple Structure: An alternative procedure for estimating the optimal number of interpretable factors // *Multivariate Behavioral Research*. 1979. V. 14. P. 403–414.
27. *Reus T.H., Liu Y.* Rhyme and Reason: Emotional Capability and the Performance of Knowledge-Intensive Work Groups // *Human Performance*. 2004. V. 17 (2). P. 245–266.
28. *Rothermund K., Koole S.L.* Three decades of *Cognition & Emotion*: A brief review of past highlights and future prospects // *Cognition and Emotion*. 2018. V. 32 (1). P. 1–12.
29. *Runco M.A.* Implicit theories of creativity // *Encyclopedia of creativity* / Eds. M.A. Runco, S. Pritzker. San Diego, CA: Academic Press, 2006. P. 27–30.
30. *Trnka R., Cabelkova I., Kuška M., Nikolai T.* Cognitive Decline Influences Emotional Creativity in the Elderly // *Creativity Research Journal*. 2019. V. 31 (1). P. 93–101.

THE EMOTIONAL CREATIVITY AND ITS RELATIONSHIPS WITH IMPLICIT THEORIES AND EMOTIONAL-PERSONAL SPHERE³

T. V. Kornilova^{*}, M. A. Shestova^{**}, E. M. Pavlova^{***}

Lomonosov Moscow State University;

125009, Moscow, Mokhovaya str. 11/9, Russia.

**ScD (Psychology), Professor, General Psychology Department.*

E-mail: tvkornilova@mail.ru

*** PhD Student, General Psychology Department.*

E-mail: shestovamariya@yandex.ru

**** PhD (Psychology), Engineer, Department of Psychology of Education and Pedagogics, Faculty of Psychology.*

E-mail: Pavlova.lisa@gmail.com

Received 12.03.2020

Abstract. This article discusses the relationship between the concepts of emotional abilities, emotional intelligence, emotional creativity (EC) and implicit theories of creativity (ITC). J. Averill's Emotional Creativity Inventory (ECI) is validated for Russian student samples ($N = 631$). A five-factor structure is established in contrast with the original ECI three-factor structure. Cronbach's α for all scales exceeds 0.7, which indicates a high reliability of scale items. The relationship between ECI scales and emotional intelligence (EI), "psychological mindedness" and implicit theories of creativity is analyzed. Preparedness to reflexion of emotion and *effectiveness* are positively associated with all scales of interpersonal EI; *novelty* is also correlated with scales of interpersonal EI (positively) and intrapersonal EI (negatively); *authenticity* is positively linked to most EI scales. The established *emotional diversity* factor potentially captures the phase of the emergence of emotions, when the aspects of formation and recognition of emotions are not yet separated. The ITC scale *activity* is linked to three ECI scales, including *emotional diversity*. This and other established correlations let us assume that implicit theories of creativity are included in the nascence of EC. The Emotional Creativity Inventory validated for the Russian population demonstrates good psychometric properties with 5 scales. The grounds for these scales is supported by correlations with the emotional-personal domain variables and implicit theories of creativity.

³The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-29-07069.

Keywords: emotional creativity, emotion regulation, emotional intelligence, emotional abilities, implicit theories of creativity, psychological mindedness.

REFERENCES

1. *Andreeva I.N.* Adaptaciya oprosnika emocional'noj kreativnosti (ECI). *Psikhologicheskii zhurnal* (Minsk). 2011. № 1–2. P. 75–81. (In Russian)
2. *Valueva E.A.* Diagnostika emocional'noj kreativnosti: adaptaciya oprosnika Dzh. Everilla Socialnyy i ehmcionalnyy intellekt: Ot processov k izmereniyam. Eds. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Iz-dvo "Institut psikhologii RAN", 2009. P. 216–227. (In Russian)
3. *Kornilova T.V.* Intellektualno-Lichnostnyi Potentsial Cheloveka v Usloviyakh Neopredelennosti i Riska. Saint Petersburg: Iz-dvo "Nestor-Isoriya", 2016. P. 344. (in Russian)
4. *Kornilova T.V., Chumakova M.A., Kornilov S.A.* Intellekt i uspeshnost' strategij prognozirovaniya pri vypolnenii Ajova-testa (IGT). *Psikhologija. Zhurnal Vyshey Shkoly jekonomiki*. 2018. № 15 (1). P. 10–21. (In Russian)
5. *Lyusin D.V.* Oprosnik na ehmcional'nyy intellekt EmIn: novye psihometricheskie dannye. *Socialnyy i ehmcionalnyy intellekt: Ot processov k izmereniyam*. Eds. Lyusin, Ushakov. Moscow: Iz-dvo "Institut psikhologii RAN", 2009. P. 264–278. (In Russian)
6. *Novikova M.A., Kornilova T.V.* Shkaly 'psikhologicheskoy razumnosti': aprobaciya oprosnika na rossijskikh vybornokah. *Psikhologicheskij Zhurnal*. 2014. № 35 (1). P. 63–78. (In Russian)
7. *Pavlova E.M.* Implizitnye teorii i samoozenka kreativnosti. *Psikhologija. Zhurnal Vyshey Shkoly jekonomiki*. 2014. № 11 (4). P. 75–95. (in Russian)
8. *Smirnov S.D.* Mir chuvstv i chuvstvo mira. *Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Iz-dvo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 224–245. (In Russian)
9. *Smirnov S.D., Chumakova M.A., Kornilova T.V.* Obraz mira v dinamicheskom kontrole neopredelennosti. *Vo-prosy Psikhologii*. 2016. № 4. P. 3–13. (In Russian)
10. *Sternberg R.J., Forsythe G.B., Hedlund J., Wagner R.K., Horvath J.A., Williams W.M., Grigorenko E. et al.* Practical intelligence in everyday life. Cambridge University Press, 2000.
11. *Allard E.S., Kensinger E.A.* Age-related differences in functional connectivity during cognitive emotion regulation. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2014. V. 69 (6). P. 852–860.
12. *Allemand M., Steiger A.E., Fend H.A.* Empathy Development in Adolescence Predicts Social Competencies in Adulthood. *Journal of Personality*. 2015. V. 32 (2). P. 229–241.
13. *Andiliou A., Murphy K.P.* Examining variations among researchers' and teachers' conceptualizations of creativity: A review and synthesis of contemporary research. *Educational Research Review*. 2010. V. 5. P. 201–219.
14. *Averill J.R.* Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates. *Journal of personality*. 1999. V. 67 (2). P. 331–371.
15. *Averill J.R.* Intelligence, emotion, and creativity: From trichotomy to trinity. *Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace* / Eds. R. Baron, J.D.A. Parke. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000. P. 363–376.
16. *Brackett M.A., Rivers S.E., Reyes M.R., Salovey P.* Enhancing academic performance and social and emotional competence with the RULER feeling words curriculum. *Learning and Individual Differences*. 2012. V. 22. P. 218–224.
17. *Damasio A.* Feelings of emotion and the self. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2003. V. 1001 (1). P. 253–261.
18. *Gutiérrez-Cobo M.J., Cabello R., Fernández-Berrocal P.* The relationship between emotional intelligence and cool and hot cognitive processes: A systematic review. *Frontiers in behavioral neuroscience*. 2016. V. 27. P. 101.
19. *Foran H.M., O'Leary K.D., Williams, M.C.* Emotional Abilities in Couples: A Construct Validation Study. *The American Journal of Family Therapy*. 2012. V. 40. P. 189–207.
20. *Ivcevic Z., Mayer J.D.* Mapping Dimensions of Creativity in the Life-Space. *Creativity Research Journal*. 2009. V. 21 (2–3). P. 152–165.
21. *Karwowski M., Gralweskib J., Patstone T., Cropleyd D.H., Kaufman J.C.* The creative student in the eyes of a teacher: A cross-cultural study Author links open overlay panel. *Thinking Skills and Creativity*. 2020. V. 35. P. 100636.
22. *Pavlova E.M., Kornilova T.V.* Implicit theories and self-esteem of creativity in the structure of self-consciousness. *Understanding Creativity: Past, Present and Future Perspectives*. New York: Nova Science Publishers, 2019. P. 61–79.
23. *Pessoa L.* On the relationship between emotion and cognition. *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. V. 9 (2). P. 148–158.
24. *Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J.* Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: a meta-analysis. *Frontiers in psychology*. 2015. V. 6 (160). P. 1–27.
25. *Reiter-Palmon R., Robinson-Morrall E., Kaufman J.C., Santo J.* Evaluation of self-perceptions of creativity: Is it a useful criterion?. *Creativity Research Journal*. 2012. V. 24. P. 107–114.

26. *Revelle W., Rocklin T.* Very Simple Structure: An alternative procedure for estimating the optimal number of interpretable factors. *Multivariate Behavioral Research*. 1979. V. 14. P. 403–414.
27. *Reus T.H., Liu Y.* Rhyme and Reason: Emotional Capability and the Performance of Knowledge-Intensive Work Groups. *Human Performance*. 2004. V. 17 (2). P. 245–266.
28. *Rothermund K., Koole S.L.* Three decades of *Cognition & Emotion*: A brief review of past highlights and future prospects. *Cognition and Emotion*. 2018. V. 32 (1). P. 1–12.
29. *Runco M.A.* Implicit theories of creativity. *Encyclopedia of creativity*. Eds. M.A. Runco, S. Pritzker. San Diego, CA: Academic Press, 2006. P. 27–30.
30. *Trnka R., Cabelkova I., Kuška M., Nikolai T.* Cognitive Decline Influences Emotional Creativity in the Elderly. *Creativity Research Journal*. 2019. V. 31 (1). P. 93–101.

ПРИЛОЖЕНИЕ

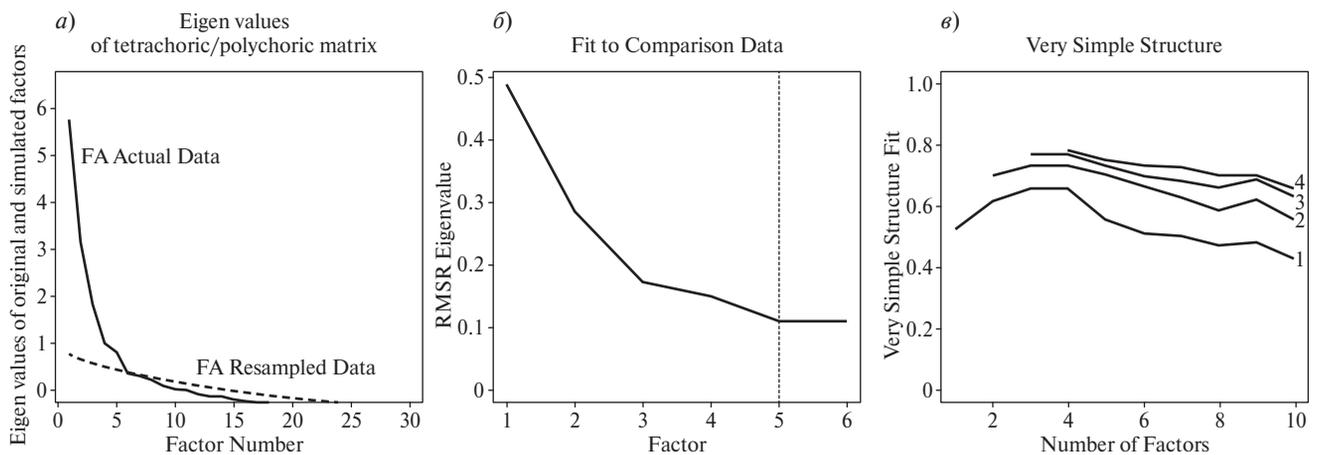

Рис. 1. Результаты анализа количества выделяемых факторов: *а* — график осыпи в сравнении со случайными данными; *б* — график улучшения предсказания собственных значений в сравнении со случайными данными; *в* — график показателя критерия простой структуры

Таблица 1. Матрица факторных нагрузок (после вращения) для ЭФА решения

Пункт	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Пункт	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
1					0.692	16	0.567				
2					0.405	17	0.368				
3					0.828	18				0.733	
4					-0.386	19				0.375	
5					0.639	20				0.566	
6					0.428	21				0.593	
7		0.455				22		0.503			
8	0.634					23		0.447	0.347		
9				0.521		24		0.792			
10				0.497		25		0.730			
11	0.716					26		0.536			
12*						27			0.631		
13	0.658					28			0.835		
14	0.737					29			0.769		
15	0.430					30			-0.529		

Примечание. Представлены только нагрузки больше 0.35 по модулю. Пункт 12 не вошел ни в один из выделенных факторов.

Таблица 2. Показатели процентиля по шкалам ОЭК (для перевода сырых баллов)

		Новизна— уникальность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффективность	Аутентичность	Разнообразие порождаемых эмоций
Выборка в целом $N = 631$						
Минимальное значение по шкале		7	6	8	5	6
Максимальное значение по шкале		33	30	30	25	30
Среднее		19	24	20	16	21
Процентиль	10	12	19	14	11	14
	25	15	22	17	13	17
	50	18	25	21	16	21
	75	22	27	24	19	24
	90	26	29	26	22	27
Для женщин $N = 407$						
Минимальное значение по шкале		7	10	8	6	7
Максимальное значение по шкале		33	30	30	20	30
Среднее		19	22	21	13	21
Процентиль	10	12	18	14	10	14
	25	15	20	17	11	18
	50	18	22	21	13	21
	75	22	24	24	15	24
	90	26	26	26	16	28
Для мужчин $N = 222$						
Минимальное значение по шкале		7	12	8	6	6
Максимальное значение по шкале		33	29	30	20	30
Среднее		19	21	20	13	20
Процентиль	10	12	16	14	9	14
	25	15	19	17	11	17
	50	18	22	21	13	20
	75	23	24	24	15	24
	90	26	26	25	16	26

УДК 159.9

КОНТИНУУМ “ЗАДАТКИ — СПОСОБНОСТИ — ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫЕ КАЧЕСТВА — КОМПЕТЕНЦИИ”: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ¹

© 2020 г. В. А. Толочек

Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии.*

E-mail: tolochekva@mail.ru

Поступила 27.11.2019

Аннотация. Обсуждается проблема отношений и содержания ряда (континуума) научных понятий, сопряженных с понятием эффективности профессиональной деятельности субъекта: “задатки”, “способности” (общие, специальные, профессиональные), “профессионально важные качества” (ПВК), “компетенции” и др. Предполагается, что с помощью историко-теоретического анализа содержательных аспектов отношений разных характеристик профессионального становления субъекта (или единой характеристики на разных стадиях ее эволюции), а также формальных аспектов отношений обозначающих их понятий, можно выявлять новые свойства и связи этих характеристик (этой характеристики), а также восстанавливать их сущностные свойства, генезис, динамику и факторы эволюции. Для анализа стадий эволюции профессионального становления субъекта используются два критерия — мера специализации функциональных систем и то, насколько тесно связаны функциональные системы субъекта с условиями среды. Оба критерия отражают один вектор эволюции профессионального становления субъекта, сопряженный с повышением и (или) понижением эффективности его профессиональной деятельности и его социальной успешности. По двум критериям можно различить и выделить стадии эволюции профессионального становления субъекта, представленные разными функциональными системами (психологическими системами) с последовательно возрастающей мерой их специализации и избирательной интеграции с новыми условиями среды. Такие системы являются эволюционно изменяющимися функциональными системами (ФС), становление, развитие, функционирование и угасание которых обусловлено мерой опыта субъекта, накапливаемого в процессах познания и решения задач деятельности. Стадии эволюции профессионального становления субъекта можно представить как континуум последовательных трансформаций его функциональных систем: задатки — способности (общие) — специальные способности — профессиональные способности — профессионально важные качества (ПВК) — компетенции — дополняющие командные качества — диадные дополняющие качества и т.д. Даны определения вышеназванных понятий с учетом пространства-времени их становления и функционирования, а также обсуждаются вопросы, возникающие при новой постановке проблемы и методологии ее дальнейшего изучения.

Ключевые слова: задатки, способности, специальные способности, профессиональные способности, профессионально важные качества (ПВК), компетенции, дополняющие командные качества, диадные дополняющие качества.

DOI: 10.31857/S020595920010427-5

Развитие науки сопряжено с появлением новых научных понятий, призванных отражать (описывать, уточнять) новые фрагменты реальности, включаемой в изменяющийся предмет дисциплины.

Новые факты не только расширяют наше понимание фрагментов действительности, а также уточняют ранее сделанные определения, но и оспаривают и отрицают их, тем самым развивая наши представления о социальной действительности. Нередко новые научные понятия появляются “спонтанно” в процессах научного поиска вследствие необходимости фиксировать новые научные

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания Минобрнауки России, тема № 0159-2018-0001 “Психологические проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций”.

факты. В таких случаях исследователи часто не ставят задачи согласования своих констатаций с ранее сложившимся дисциплинарным тезаурусом. Так, например, разработка вопросов профессионального становления субъекта, его личностного и профессионального развития, его профессиональных деструкций и деформаций требует объяснения множества сопряженных явлений, а следовательно, и привлечения новых понятий. В эти ряды взаимосвязанных понятий можно включать следующие: способности (общие, специальные, профессиональные), профессионально важные качества, компетенции, компетентность, ресурсы, потенциал, знания, умения, навыки и др. Очевидно, что такое естественное развитие дисциплинарного тезауруса также должно становиться отдельным предметом исследования — подвергаться критическому анализу, методологической оценке, прогнозированию дальнейших тенденций развития и т.п.

Первый наш опыт методологической рефлексии процессов становления новых понятий представлялся ранее [25–27]; настоящую работу можно считать его продолжением. Ввиду многообразия научных традиций и задач исследования сильно разнятся понимание и объяснения специалистами отдельных феноменов и психологических механизмов их проявлений. Подобный анализ дисциплинарного тезауруса не может быть исчерпывающе полным и законченным. Но периодически повторяющийся опыт такой рефлексии должен становиться обязательным условием, сопровождающим эволюцию дисциплины, отражающим ее исторические вехи, расширяющим возможности дисциплины своевременно и полноценно отзываться на требования социального запроса.

Цель исследования — выявить отношения феноменов (или единого феномена на разных стадиях его эволюции), сопряженных с эффективностью *профессиональной деятельности* субъекта, представленных в разных научных понятиях современной психологии (“задатки”, “способности (общие, специальные, профессиональные)”, “профессионально важные качества” (ПВК), “компетенции” и др.). *Гипотеза*: рассматривая содержательные аспекты отношений феноменов (или единого феномена на разных стадиях его эволюции), а также формальные аспекты отношений понятий, их обозначающих, можно выявлять новые свойства и связи феноменов (феномена), а также восстанавливать их существенные свойства, генезис, динамику и факторы эволюции. *Методы*: историко-теоретический анализ.

ФЕНОМЕН «“ЗАДАТКИ”,
“СПОСОБНОСТИ (ОБЩИЕ,
СПЕЦИАЛЬНЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ)”,
“ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫЕ
КАЧЕСТВА” (ПВК), “КОМПЕТЕНЦИИ”»: ОПИСАНИЕ, ОТНОШЕНИЯ

В отечественной психологии Б.М. Тепловым было предложено четкое концептуальное решение проблемы “задатков” и “способностей”, с которым в целом согласуется их понимание и другими ведущими отечественными учеными середины XX в. — Б.Г. Ананьевым, А.Г. Ковалевым, В.Н. Мясищевым, Н.Д. Левитовым, Н.С. Лейтисом, А.Н. Леонтьевым, А.В. Петровским, С.Л. Рубинштейном и др., равно как и учеными, активно работающими во второй половине XX в., — Е.В. Волковой, Э.А. Голубевой, В.Н. Дружининым, Е.П. Ильиным, М.А. Холодной, Д.В. Ушаковым, В.Д. Шадриковым и др.

Под *задатками* Б.М. Теплов понимал “врожденные анатомо-морфологические особенности”, лежащие “в основе развития способностей”; под *способностями* — “такие индивидуальные особенности, которые не сводятся к наличным навыкам, умениям или знаниям, но которые могут объяснить легкость и быстроту приобретения этих знаний и навыков” [23, с. 16]. Способности, по Б.М. Теплову, можно описывать через три признака как: 1) “индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого”; 2) особенности, “которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей”; 3) качества, “не сводимые к знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека” [Там же, с. 16]. Способности проявляются в деятельности, более того, “они создаются в этой деятельности” [Там же, с. 20].

Если понимание задатков отечественными учеными согласовано, понимание формирующихся на их основе способностей (общих) — чаще всего принципиально сходно, то понимание более специфических явлений (способностей специальных, профессиональных) заметно разнится, а сами эти явления (их составляющие, связи, структуры, механизмы развития) нередко объясняются по-разному. Упомянутые расхождения становятся еще более очевидны, если сделать попытку выстроить сравнительно полный “ряд” таких проявлений (вероятно, составляющих некоторый континуум эволюционных преобразований феномена): “задатки — способности (общие, специальные,

профессиональные) — профессионально важные качества (ПВК) — компетенции”.

Обратившись к характерным описаниям и определениям понятий “*способности (общие, специальные, профессиональные)*”, “*профессионально важные качества*” (ПВК), “*компетенции*”, представленных в работах отечественных специалистов, мы находим крайне широкий спектр суждений, вплоть до утверждений противоположного. Различия представлений ученых затрагивают, пожалуй, все ключевые аспекты проблемы.

1. Способности имеют биологическую природу/социальную: “...*Способности — это закрепленная в индивиде система обобщенных психических деятельностей*” [20, с. 546]; “...*способности и функции, отвечающие специфическим человеческим приобретениям, не могут закрепляться морфологически*” [14, с. 215]; “...*процесс овладения миром предметов и явлений, созданных людьми в процессе исторического развития общества, и есть тот процесс, в котором происходит формирование у индивидов специфически человеческих способностей и функций*” [14, с. 217]; “...*способности не формируются из задатков...*” [30, с. 83]; “...*способности — это функциональное свойство структур ментального опыта...*” [6, с. 68]; “*реконструкция процесса генезиса способностей позволяет выделить в качестве индикатора зарождения специальных способностей первичную дифференциацию объектов и их свойств, которые в дальнейшем станут предметом специальной деятельности*” [Там же] (здесь и далее курсив наш. — Т.В.).

2. Биологическая природа способностей включает все/немногие основания: “*Основная трудность в изучении природных предпосылок способностей состоит в том, что они могут быть определены как задатки только при сопоставлении анатомо-физиологических особенностей с... индивидуальными различиями в способностях как сложнейших приобретенных и прижизненных образованиях...*” [7, с. 33–34]; “...*к врожденным (генотипическим) факторам (задаткам) относятся конституциональные, морфологические особенности... морфофункциональные особенности... физиологические... психофизиологические... простейшие психические функции... Максимальный уровень способностей обусловлен наличием у человека максимального количества задатков*” [10, с. 40]. Психофизиологические основания и их роль в эволюции способностей обстоятельно изучал Н.С. Лейтес [13]; это понимание также последовательно было реализовано в работах В.С. Мерлина, Е.А. Климова, их учеников и последователей.

3. Способности специфичны/имеют общую основу: “...*Все специальные способности — это... различные проявления, стороны общей его способности...*” [20, с. 538]. (Позже, в другой работе, С.Л. Рубинштейн [19] повторит все эти тезисы, дополняя и аргументируя их.); “...*на фоне общечеловеческих способностей возникают специальные (технические, гуманитарные, художественные, музыкальные и др.)... Профессиональные способности формируются на основе общечеловеческих способностей и позднее их, а также с опорой на специальные способности...*” [15, с. 85]; “...*профессиональные способности можно рассматривать как аспект или способ реализации специальных способностей*” [6, с. 70]; “...*способности есть свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности*” [30, с. 50].

4. “Узловые связки” и преобразования феномена; наиболее сложные его проявления: “...*понятие “профессиональные способности” является наименее определенным с точки зрения его соотношения с общими и специальными способностями...*” [5, с. 223]; “*вопрос об общих и специальных способностях является одним из наиболее сложных...*” [30, с. 52]; “*роль профессионально важных признаков различна по мере перехода от уровня непригодности... до уровня мастерства в профессии; значимость ряда признаков растет до определенного уровня, начиная с которого... оказывается безразличным...*” [15, с. 84].

5. Состав (компоненты) и структура феномена на разных стадиях эволюции: “...*вся совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые определяют успешность обучения и реальной деятельности, получили название “профессионально важные качества” (ПВК) субъекта деятельности*” [5, с. 223]; “...*в понятие “профессиональные способности” включают не только характеристики способностей, но и особенности... профессионально важных качеств*” [Там же, с. 224]; “*в качестве ПВК могут выступать психические процессы... психические состояния, а также мотивы, отношения...*” [15, с. 84]; “...*профессионально значимые качества — педагогическая направленность, педагогическое целеполагание, педагогическое мышление, педагогическая рефлексия, педагогический такт — составляют центральный уровень структурно-иерархической модели личности учителя... Более высокий уровень... составляют педагогические способности,*

которые рассматриваются как особая комбинация личностных качеств и свойств...” [18, с. 19]; “к профессионально важным качествам относятся *соматические, нейродинамические и психологические*: умения (навыки, способности, личностные качества)” [32, с. 212]; “...к летным способностям относят сочетание ряда качеств... направленность на летную работу, эмоциональная устойчивость... объем, распределение, быстрое переключение и устойчивость внимания; практический тип мышления, высокий темп мыслительных процессов...” [Там же, с. 224].

6. Контексты анализа феномена: “...*профессионально важные качества* (ПВК) — это качества человека, влияющие на эффективность осуществления его труда ...” [15, с. 83]; «Термин “*профессионально-важные качества*” означает качества, важные для профессии...» [16, с. 17]; «...определяют успешность обучения и реальной деятельности... “*профессионально важные качества*” (ПВК) субъекта деятельности» [5, с. 223]; “основные структурные компоненты пригодности человека к работе следующие. 1. Гражданские качества... 2. Отношение к труду, профессии... 3. Дееспособность (общая)... 4. Единичные, частные, *специальные способности*. 5. Навыки, выучка, знания, опыт...” [12, с. 59–60].

На рубеже столетий отечественные ученые вслед за зарубежными коллегами стали активно использовать понятие “компетенции”, но и в оперировании этим понятием до сих пор много разночтений.

“...Под компетенциями мы будем понимать требования, которые работа предъявляет к работнику. Под компетентностью работника понимаются качества субъекта деятельности, позволяющие ему успешно выполнять трудовые функции” [32, с. 339]; “...под педагогической компетентностью мы понимаем гармоничное сочетание знания предмета, методики и дидактики преподавания, умений и навыков (культуры) педагогического общения, а также приемов и средств саморазвития, самосовершенствования, самореализации” [17, с. 75].

Тема компетенций (и компетентности) становится и предметом квалификационных работ отечественных специалистов: «...термин “компетенции” обозначает качества, важные для эффективной работы данного сотрудника именно на данной должности в данном подразделении» [16, с. 17]; “...*профессиональные компетенции* — это характеристики личности, необходимые для эффективного выполнения работы. Важными составляющими компетенции являются... знания, умения, навыки, опыт, ценностные ориентации и личностные характеристики” [Там же, с. 24]; “...*профессиональная*

компетентность — это... специальные знания, эрудиция и опыт в какой-либо сфере деятельности... моральные принципы, убеждения, ценности, этические нормы, которым следует человек” [4; 29]; “...психологическая компетентность представляет собой структурированную систему знаний о человеке... включенном в индивидуальную или совместную деятельность, осуществляющую профессиональные и иные взаимодействия, и состоит из нескольких взаимосвязанных подсистем...” [22, с. 98].

Если обратиться к исходным представлениям зарубежных ученых о понятии “компетенции”, выделим следующее. Д.Р. Мак-Клелланд, анализируя опыт тестирования (1920–1970 гг.), акцентировал внимание на качествах людей, лучше других выполняющих свою работу. Новый подход к решению таких задач предполагал: 1) “использование критерийных выборок” (т.е. изучение особенностей именно “лучших”, а не всех работников, не “средних” и (или) “плохих”) и 2) изучение “оперативных мыслей и поведения” (т.е. изучение личностных особенностей, влияющих на успешность конкретных профессиональных задач, определяющих конструктивное поведение людей в конкретных рабочих группах) [21; 35]. Вскоре работа Д.Р. Мак-Клелланда была поддержана и оценена как “новый взгляд” на понимание подходов и методов оценки качеств субъекта деятельности, как начало движения “компетенций” в психологии [21; 33 и др.].

“Компетенции” как способность человека к поведению, “удовлетворяющее требованиям работы в определенной организационной среде”, в научный оборот ввел Р. Бояцис [33, с. 11]. Сходно это качество определяли и другие: “...базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и (или) наилучшему... исполнению работы” [21, с. 9]; “компетенции — это поведенческие модели, которые демонстрируют люди, эффективно выполняющие рабочие задачи в организационном контексте” [28, с. 128].

Если обобщать представления зарубежных специалистов, можно сказать, что содержание компетенций обычно описывается посредством следующих характеристик: четко определенный диапазон проявления: *недостаточно/удовлетворительно/чрезмерно*; специфичность (четкая определенность для каждого вида работ, *должностной позиции*); опора на несколько критериев — эффективность выполнения *конкретной работы* (количественные и качественные результаты, затраты не единицу продукции), затраты на работу (зарплата/затраты на единицу продукции), удовлетворенность; “взгляд сверху вниз”: объяснение “просто-го” на основании изучения сложного; ориентация

на рациональное (экономное) расходование всех ресурсов (временных, материальных, психофизиологической цены работы, поддержание экологии среды и пр.); на эффективные *взаимодействия с другими; ориентация на командную работу* и др. [24].

Если под “компетенциями” подразумевались отдельные особенности человека, подлежащие корректному измерению, то под “компетентностью” — общая способность, общая состоятельность человека как работника, как члена данной рабочей группы, данной организации. Соотношение понятий “компетенция” и “компетентность” как “часть” и “целое” разделяют и многие отечественные ученые [4; 16; 17; 22; 32 и др.]. С начала 2000-х годов в отечественной психологии понятие “компетенции” в научной и учебно-методической литературе де-факто вытесняет более привычное для нас понятие ПВК, не добавляя ясности в отношениях названных выше понятий (см. обзор [24]).

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ФЕНОМЕНА И ЕГО ЭКСПЛИКАЦИИ В НАУЧНЫХ ПОНЯТИЯХ: ФАКТОРЫ ОГРАНИЧЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Заметим, что довольно редко внимание психологов фокусируется на дискретности в цепочке “задатки—способности”: “*между задатками и способностями очень большая дистанция...*” [20, с. 536]; “*...между задатками и способностями, по Теплому, — пропасть, но эта пропасть не замечается. Мосты через эту пропасть не обозначены. Рассматривая соотношение задатков и способностей, согласимся, что способности являются врожденными свойствами человека*” [30, с. 25]; “высказанные Тепловым представления впоследствии были... канонизированы...” [Там же, с. 30]. Обсуждаемая проблема не сводится лишь к уточнению стадий качественного преобразования задатков в способности. Она заостряется вопросом выявления существенных характеристик анализируемого нами феномена (феноменов). Заметим лишь, что ряд ученых (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин и др.) в вопросах происхождения и детерминации способностей занимали едва ли не противоположную выше представленной позицию.

Выделим еще несколько моментов, раскрывающих причины множества несогласованностей ученых. Прежде всего это вопросы *модели и контекстов* исследования. Много в выводах ученых разнится от того, изучаются ли проявления феномена на примере музыкально-исполнительской

деятельности, математических или двигательных способностей; соотносятся ли описания и определения с понятиями “деятельность”, “труд”, “трудовая деятельность”, “профессиональная деятельность”, “жизнедеятельность”; выступают ли в качестве критерия эффективность деятельности, легкость обучения, успешность субъекта, удовлетворенность, психофизиологические затраты, взаимодействия в совместной деятельности; изучаются ли способности у дошкольников, школьников, студентов (слушателей, курсантов), молодых специалистов или зрелых профессионалов. Так, в музыкально-исполнительской деятельности как *модели*, изучаемой Б.М. Тепловым, действительно очевидна роль *анатомо-морфологических* особенностей человека; Э.А. Голубева [7], изучавшая психофизиологические особенности человека, к задаткам относит *анатомо-физиологические* особенности. Е.П. Ильин [10; 11], изучавший способности на модели спорта, еще более расширяет спектр биологических предпосылок. Одни ученые относят к задаткам психофизиологические особенности и базовые психические процессы [7; 10; 11; 20 и др.], другие включают их в состав эволюционно более поздние образования — профессионально важные качества [5; 15; 31].

Итак, если способности понимать предельно широко, в том числе и проявляющиеся в спорте, в профессиях с экстремальными условиями, в управленческой деятельности, то понимание задатков не должно ограничиваться лишь *анатомо-морфологическими* особенностями человека; к задаткам следует также относить и *физиологические и биохимические процессы* организма человека. В цепочке «задатки—способности» роль биологического неоднозначна и, вероятно, должна включать ряд стадий и уровней *преобразований биологической материи в психическое* (предпсихическое).

Не менее важно уточнение *контекстов*, в которых обсуждается вопрос способностей. Например, Е.А. Климов [12], А.К. Маркова [15] способности соотносят с понятием *труда* (трудовой деятельности), способности интерпретируются ими крайне широко — как способность к труду, к самой возможности включаться в общественное разделение труда. Напротив, В.А. Бодров [5], Л.М. Митина [18] соотносят способности с понятием *профессиональной деятельности* и раскрывают их содержание как форму обобщения разнообразных качеств человека и его психических процессов, как их специализацию в ситуациях продолжительного обучения и выполнения профессиональных функций. Немаловажен и вопрос исторического масштаба анализа феномена. Одни ученые отношения

задатки—способности и их производные рассматривают в масштабе филогенеза и антропогенеза [6; 14; 20]; другие — в пределах субъектогенеза, а точнее, лишь небольшого периода возрастной эволюции человека [2; 7; 9–11; 31].

Если от анализа позиций персоналий перейти к обобщениям, нужно признать, что определения научных понятий всегда приводятся в рамках базовых научных концепций с использованием материала и методологических средств данной исторической фазы развития дисциплины. Если мы признаем развитие дисциплины, ее методологии и методических средств, необходимо признать и относительность всех ее частных моментов, в том числе полноты и адекватности концепций и формулировок понятий. Особенности научного подхода влияют и на *тип определений*, предлагаемых учеными. Например, в начале 1950-х годов американские культурологи А. Кребер и К. Клакхон предприняли попытку типологизации подходов к определению “культуры”, выделив шесть основных групп определений (описательные, психологические, нормативные, структурные, генетические, исторические) [34]. Ученые, изучавшие ментальность и менталитет, также констатируют наличие множества таких же подходов к определению научных понятий [8; 29]. В отношении рассматриваемых нами феноменов мы видим ту же картину. Как легко заметить, здесь явно преобладают *описательные* и *структурные* определения (точнее, указания на наличие некоторой предполагаемой структуры), вопреки декларациям о следовании принципам развития, системности, детерминизма.

Зафиксируем этот важный факт. В объяснениях и в описаниях психологов внимание акцентируется именно на *составе* феномена, его *связи с другими* составляющими, на упоминаниях о некоторой структуре; в анализе чаще рассматриваются два, реже три близких явления (задатки—способности; способности — специальные способности; специальные способности — профессиональные способности; специальные способности — профессионально важные качества и т.п.). Очевидно, что короткий ряд понятий, или, точнее, *ограниченный интервал стадий проявления феномена*, едва ли способствует адекватному выявлению их отношений и сущностных свойств.

Назовем еще один “проблемный аспект”, требующий разъяснений. Ряд ученых, активно изучавших *профессионально важные качества* (ПВК) субъекта обучения и (или) трудовой деятельности и оперировавших понятием ПВК в 1970–1990-х годах, в 2000-х годах стали использовать понятие

компетенции, не предлагая объяснения особенностей различия/сходства этих понятий [17; 18; 31; 32].

Обобщая особенности подходов к изучению обобщаемых вопросов и предлагаемых учеными типов определений научных понятий, мы констатируем: а) феномен “задатки—способности—...” изучался и изучается в разных содержательных контекстах, на разных моделях деятельности, в разных исторических (временных) интервалах; б) в описаниях и определениях доминируют описательные (собираательные, экстенсивные) и структурные типы определений (перечисления составляющих, указания на их связи, иногда — на иерархию); в) анализу подвергался и подвергается ограниченный набор феноменов (или стадий проявления феномена).

СТАДИИ ЭВОЛЮЦИИ ФЕНОМЕНА КАК КОНТИНУУМ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ СВОЙСТВ, ОБЪЯСНЕНИЯ СВЯЗЕЙ

Сделаем несколько предварительных пояснений. *Первое*. В качестве исходного момента для наших позитивных констатаций изберем резонное замечание В.Д. Шадрикова [30] о том, что *эффективность* деятельности определяется не только способностями, но и мотивами, опытом и пр. Но именно *эффективность* (и шире — *успешность*) *деятельности* человека как субъекта мы признаем ключевой характеристикой роли и психологического статуса феномена, отражающего его сущностные свойства. При этом *эффективность деятельности* будем рассматривать как “узкое” проявление феномена, а его более широкие социальные эффекты — как *успешность деятельности* субъекта (т.е. проявляющиеся не только в эффективности, но и в надежности, стабильности, удовлетворенности человека работой с оптимальными психофизиологическими затратами) и как *успешность субъекта* (т.е. его позитивную роль в совместной деятельности, его эффективные взаимодействия с коллегами, высокий статус в рабочих группах, адекватное социальное вознаграждение и т.п.).

Второе. Мы полагаем, что анализируемые нами понятия отражают не множество разных свойств (качеств, особенностей, психологических функций и (или) систем), а разные *эволюционные стадии проявления единого феномена*. Первые из них достаточно четко описаны, определены в отечественной психологии и могут рассматриваться как “общепризнанные”: *задатки — способности — специальные*

способности; другие отличаются высокой вариативностью суждений ученых: *профессиональные способности — профессионально важные качества (ПВК) — компетенции*. Как отмечалось выше, одной из сложностей выделения состава, структур, психологических механизмов функционирования и развития феномена выступает именно ограниченность числа (ряда, набора) анализируемых явлений, по нашему мнению, представляющих собой целостный ряд стадий его проявлений. Поэтому мы добавляем еще две стадии (к слову, достаточно хорошо описанные в других дисциплинарных областях — в психологии организационного развития, социальной психологии, психологии спорта и др.). Первая из них характеризует особенности деятельности и поведения людей, работающих в спаянных и согласованных рабочих группах до 7–12 человек (“командах” — управленческих, кризисных, креативных, спортивных и т.п.), в которых определена структура коммуникаций, а каждый из немногих их членов имеет закрепленные специфические функции, социальные роли и подчинен особым групповым нормам и ценностям. Вторая обозначает особые отношения, которые могут и иногда складываются в согласованных микрогруппах *функционально дополняющих друг друга субъектов — в диадах*, иногда очень продуктивных социальных симбиозах (учитель—ученик, преподаватель—студент, воспитатель—воспитуемый, научный руководитель — соискатель, руководитель—подчиненный, тренер—спортсмен, инженер (конструктор) — летчик (испытатель) и т.п.). С учетом логики нашего анализа эти стадии мы назвали *дополняющие командные качества (ДоКК)* и *диадные дополняющие качества (ДиДок)*. (Рабочими понятием мы избираем не “свойства”, “функции” или “системы”, а именно “качества”, согласно устоявшимся смысловым значениям, представленным в профессиональных словарях.) Этот расширенный ряд, интервал возможных эволюционных преобразований и проявлений феномена условно назовем *континуум* (согласно трактовке этого понятия в словарях). Можно также предположить, что *диадные дополняющие качества* — не самая последняя из возможных стадий эволюции феномена.

Третье. В качестве *единицы* анализа феномена изберем понятие *функциональные системы*. Наиболее содержательно близкой концепцией мы считаем понимание *способностей* как *функциональных систем* В.Д. Шадриковым [30; 32], который описывал их становление и развитие как процесс изменения их свойств (вследствие развития собственно функциональных механизмов, но преимущественно за счет развития и расширения *операциональных механизмов* при обучении, осуществления деятельности,

рефлексии и произвольного управления человеком своими функциями). Сходное понимание *способностей* как *функциональных систем* также представлено в работах Ю.И. Александрова, В.Н. Дружинина [1; 9; 11] и др.

Четвертое. Обратим внимание на то, что в последние годы многие психологи, опираясь на концепцию *функциональных систем* П.К. Анохина, понимают *способности* как *функциональные системы* и описывают их как *свойства, качества*, как достаточно *устойчивые, стабильные* психологические явления. Однако в описаниях и в объяснениях П.К. Анохиным сущности *функциональных систем* они проявляются, скорее, как *физиологические процессы*, ориентированные на достижение *конкретного результата* (действия), после чего *система распадается* [3]; становление таких систем “запускается” внешними причинами (повреждение органа, нарушение взаимодействий и пр.) либо биологической потребностью (голод и др.). В отношении к психологическим реалиям, тем более ассоциируемым с понятием *деятельность* (участники которой чаще имеют разные цели, ее итогами чаще бывают многогранные результаты, в том числе и непредсказуемые), *способности* далеко не всегда выступают как *свойства*, но и не как *процессы*. В масштабе нашего анализа — континуума эволюционных преобразований феномена — его *отдельные стадии* (про-явления) более конструктивно считать *состояниями системы* (рассматривая эволюционно более поздние преобразования как открытые системы — *профессиональные способности — (ПВК) — компетенции — дополняющие командные качества — диадные дополняющие качества*). Другими словами, объяснение множества возможных преобразований феномена требует допущения существования моментов нестабильности системы (фаз, периодов, состояний фазовых переходов), когда периодически возрастает роль как внешних условий, так и вариаций собственного состояния системы, влияющих на процессы ее эволюции как в плане развития, так и регресса.

Пятое. Признавая в целом правомерность представленных в научной литературе содержательных описаний анализируемых нами стадий проявления феномена (способности общие, специальные, профессиональные, ПВК, компетенции), мы предлагаем несколько моделей анализа — несколько вариантов научной экспликации содержания стадий проявлений феномена, акцентируя внимание на их преемственности, эволюционном развитии, факторах последовательной специализации психологических систем на каждой последующей стадии

развития (вопросы распада и регресса систем сейчас нами не обсуждаются).

Шестое. Завершая наш анализ, предложим опыт преодоления практики *описательных* и *структурных* определений как первых фаз научного осмысления фрагментов действительности, как преобладающих типов первоначального описания явлений. В определении разных стадий проявления феномена целесообразно ввести характеристики *пространства* и *времени*. Наш опыт можно понимать как следование *эволюционному подходу, экологическому подходу*.

Рассмотрим разные способы научной экспликации и проведем анализ свойств феномена на разных стадиях его эволюции. Допустим, что возможны хронологически последовательное “подключение” и совместные действия ряда эволюционных процессов (фило-, антропо-, субъектогенеза и, вероятно, процессов особой и уникальной “огранки” человека в контактных микро- и малых социальных группах, рассматриваемых нами в контексте *профессионального становления субъекта*). (Такое базовое положение вполне соответствует имеющимся научным данным.) При этом множество функциональных систем, складывающихся в процессе социализации человека (в том числе его профессионального становления как субъекта), оправданно рассматривать как взаимосвязанные социальные объекты (в частности, функциональные системы человека), подчиненные принципу *развития* ($A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow \dots \rightarrow Z$). Если эти объекты представляют собой эволюционно последовательные стадии, здесь имеют место именно процессы *развития* как *усложнения* объектов, проявляющихся: 1) в последовательной *специализации* функциональных систем; 2) полноте их избирательной *интеграции с условиями среды (окружения)*. Анализ таких причинно-следственных отношений поддерживает наше предположение о единстве феномена (а не множестве разных феноменов), о разных проявлениях (*про-явлениях*) феномена на разных стадиях его эволюции (рис. 1).

Отношения составляющих функциональных систем, их компоненты и структуры и некоторые психологические механизмы можно рассмотреть как отношения “*функции*” системы и ее основных “*аргументов*” и представить следующим образом:

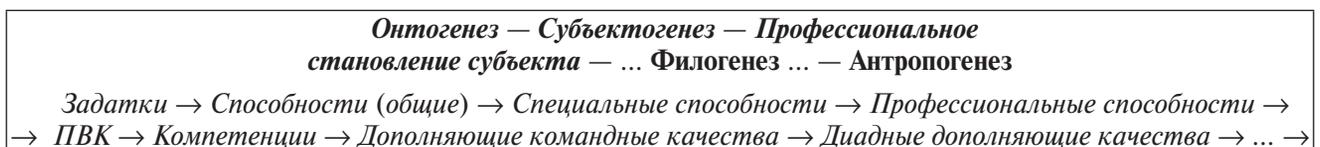

Рис. 1. Отношения функциональных систем: последовательность (континуум) преобразований феномена

Задатки = f [Биологическая организация человека, *Био-психическая, Психо-биологическая* организация];

Способности (общие) = f [Задатки, *Деятельность* (эпизодическая)].

Способности специальные = f [Способности (общие), *Деятельность* (специализированная, регулярная), *Пространство* (условия социальной микро-среды), *Время* (настоящее)].

Способности профессиональные = f [Способности (специальные), *Деятельность* (профессиональная), *Пространство* (условия и организация социальной микро- и мезосреды), *Время* (настоящее, будущее)].

ПВК = f [Способности (профессиональные), *Деятельность* (профессиональная), *Пространство* (условия и организация социальной микро-, мезо- и макросреды), *Время* (настоящее, будущее)].

Компетенции = f [Способности (профессиональные), *ПВК*, *Деятельность* (профессиональная), *Пространство* (условия и организация социальной микро-, мезо- и макросреды), *Время* (настоящее, будущее), *Организационная культура*, *Взаимодействия субъектов и социальных групп*].

Дополняющие командные качества = f [Способности (профессиональные), *ПВК*, *Деятельность* (профессиональная), *Пространство* (условия и организация социальной микро- и мезосреды), *Время* (настоящее, будущее), *Организационная культура*, *Взаимодействия субъектов в микро- и малых социальных группах*, *Социальные роли (фиксированные)*, *Структура коммуникаций*].

Диадные дополняющие качества = f [Способности (профессиональные), *ПВК*, *Деятельность* (профессиональная), *Пространство* (условия и организация социальной микро- и мезосреды), *Время* (настоящее, будущее), *Взаимодействия субъектов в микро- и малых социальных группах*, *Социальные роли (динамичные комплексы)*, *Структура коммуникаций (гибкая)*].

Основные траектории эволюционных изменений функциональных систем также можно представить в логике и понятиях синергетики (рис. 2). При таком варианте экспликации в процессах эволюции феномена внимание акцентируется на периодически возникающих состояниях

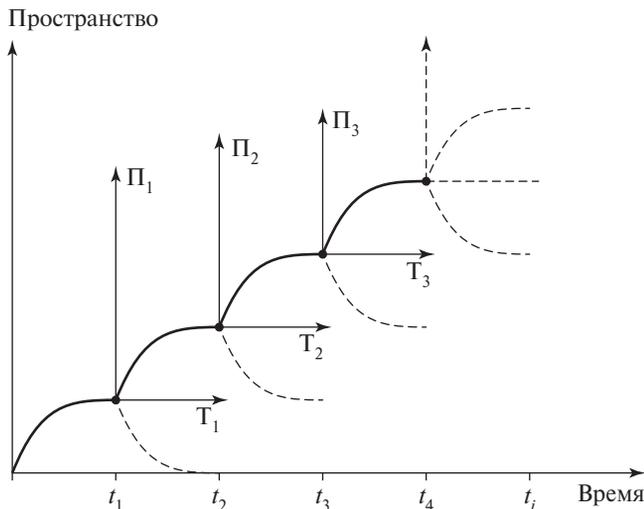

Рис. 2. Динамика развития функциональных систем в координатах “Пространство” и “Время”

нестабильности системы (в точках “Эбифуркации”), допускающих вероятности разных альтернатив последующего развития (“аттракторов”). По мере эволюции на более высоких уровнях развития систем они становятся все более неустойчивыми; “внешнее” объективное физическое время и “внутреннее”, субъективное в эволюции системы все менее совпадает.

Понятно, что представленные выше варианты экспликации не исчерпывают всего их многообразия. Эволюционные стадии преобразования феномена можно также анализировать в понятиях изменений роли и взаимодействия функциональных и операциональных систем (по Б.Г. Ананьеву); как интериоризация внешних форм и средств поддержки их переходы во внутренние (по Л.С. Выготскому) или средств ориентации, исполнения, контроля умственных действий (по П.Я. Гальперину); как, например, актуализация “внешних” психомоторных модуляций и их преобразования во “внутренние” при формировании звуковысотного слуха (по А.Н. Леонтьеву) и др. При этом разные способы экспликации выделяют и выявляют те или иные свойства и отношения складывающихся функциональных систем субъекта. Но в целом мы находим достаточно аргументов в пользу принятия нашей гипотезы о единстве феномена и его разных стадиях эволюции.

Вероятно, функциональные системы эволюционируют, вбирая в себя социальный опыт человечества и опыт, приобретаемый субъектом в процессах познания действительности, в процессах решения задач деятельности в заданных условиях. Можно отделять способности (общие) от знаний, умений, навыков (“ЗУН”), но нельзя их разделять и противопоставлять. Уже в процессах социализации более

или менее полно человек приобретает (усваивает, присваивает, вбирает, впитывает, интериоризирует) достижения современной и доступной ему культуры. И тем более нельзя разделять знания, умения, навыки и способности специальные и профессиональные: как таковое их становление и развитие возможно и происходит именно благодаря приобретаемым человеком знаниям, умениям, навыкам; ПВК и компетенции — это собственно и есть функциональные системы, управляемые и регулируемые профессиональными знаниями, умениями, навыками в пределах полноты их освоения субъектом. Становление и развитие специальных и профессиональных способностей “обязано” именно приобретаемым знаниям, умениям, навыкам, а ПВК и компетенции — это вообще знаковая среда профессиональных знаний, умений, навыков.

Итак, разделение и противопоставление “способностей” в их высших стадиях развития и “знаний, умений, навыков” (“ЗУН”) неправомерно; можно признавать ограничения исходных биологических оснований формирующихся психологических систем, но при этом должно признавать неограниченность возможностей обучающих воздействий.

В подтверждение этого вывода ограничимся лишь несколькими ссылками на суждения авторитетных ученых: “...ни одна способность не является актуальной способностью к определенной деятельности, пока она не вобрала в себя, не инкорпорировала систему соответствующих операций, но способность никак не сводится в системе операций”; «...результаты человеческой деятельности, обобщаясь и закрепляясь, входят как “строительный материал” в построение его способностей» [20, с. 547] (здесь и далее курсив наш. — Т.В.); “...эти общественно выработанные способы действия включаются в природные способности индивида по мере того, как они стереотипизируются и превращаются в... генерализованную систему рефлекторных связей” [19, с. 266]; “...функциональные механизмы... реализуют филогенетическую программу и складываются задолго до возникновения операциональных механизмов, составляя их внутреннее основание, на котором в процессе научения, воспитания и накопления опыта... строится все более усложняющаяся система... действий, т.е. операциональные механизмы” [2, с. 134]; “...операциональные механизмы выступают как фактор стабилизации функций...” [Там же, с. 136]; “...операциональные механизмы... усваиваются индивидом в процессе воспитания, образования, в общей его социализации... Функциональные механизмы относятся к характеристикам человека как индивида, операциональные как

субъекта...” [30, с. 57]; “...развитие способностей представляет собой процесс: *развития функциональной системы*, реализующей конкретную психическую функцию... развитие операциональных механизмов... овладения субъектом своими познавательными способностями через рефлексию и овладение операциональными механизмами...” [Там же, с. 201].

Исходя из предположения, что вневременные и внепространственные определения формирующихся у субъекта *функциональных систем*² не вполне адекватны, предложим наши рабочие определения понятий, давно используемых в современной психологии.

Задатки — биологические предпосылки становления психического в процессах филогенеза, антропогенеза, онтогенеза и субъектогенеза.

Способности (общие) — функциональные системы, обеспечивающие легкость овладения знаниями, умениями, навыками и способствующие эффективности выполнения отдельных задач эпизодически выполняемой деятельности.

Способности специальные — функциональные системы, формирующиеся на основе общих способностей посредством особых средств и социальных технологий, обеспечивающие легкость овладения знаниями в определенной сфере, умениями, навыками и способствующие эффективности регулярно выполняемой деятельности в определенных условиях социальной среды.

Способности профессиональные — функциональные системы, формирующиеся на основе специальных способностей в процессах выполнения разнообразных задач профессиональной деятельности, способствующих ее эффективности в определенных условиях социальной среды. Накапливаемые

специальные знания, умения, навыки в процессах регулярного обучения и выполнения деятельности в разных условиях среды выступают средствами развития *профессиональных способностей*, которые формируются, поддерживаются и развиваются при регулярном обучении и выполнении деятельности, они ослабевают и разрушаются в их отсутствии.

Профессионально важные качества (ПВК) — функциональные системы, формирующиеся на основе профессиональных способностей в процессах выполнения разнообразных задач профессиональной деятельности, способствующие ее успешности (эффективности, стабильности, надежности) в разнообразных условиях социальной среды в течение продолжительного времени. Сформированность ПВК у субъекта проявляется в оптимальных психофизиологических затратах в процессе работы, удовлетворенности ею, устойчивости деятельности к изменениям внешней и внутренней среды (при воздействии стрессогенных факторов, при эмоциональных и физиологических нарушениях, снижении состояния здоровья, мотивации, возрастных изменениях и пр.). Стабильность состояния ПВК обеспечивается инвариантностью сформированных структур функциональных и операциональных систем.

Компетенции — функциональные системы, формирующиеся на основе профессиональных способностей и профессионально важных качеств (ПВК) в процессах выполнения специфических задач совместной профессиональной деятельности в специфических условиях социальной среды. Компетенции есть адаптивные и узкоспециализированные функциональные системы субъекта, проявляющиеся в успешности его деятельности (ее эффективности, стабильности, надежности), в адекватном данной среде поведении (согласованном с деятельностью и поведением других субъектов).

Дополняющие командные качества — функциональные системы, формирующиеся на основе профессиональных способностей и профессионально важных качеств (ПВК) в процессах кратковременного выполнения человеком специфических задач совместной профессиональной деятельности в составе небольших рабочих групп (команд) в специфических условиях социальной среды. *Дополняющие командные качества* формируются при четком распределении рабочих функций и социальных ролей между участниками совместной профессиональной деятельности и проявляются как *качества субъекта, дополняющие качества с ним взаимодействующих партнеров как порождающие эффекты синергии.*

² Принципиальный вопрос, что есть феномен “способности” — лишь функция (свойство) какой-то иной системы (какой?) или же на определенных стадиях эволюции он — феномен — выступает уже как относительно самостоятельное и целостное образование, — требует более серьезного обсуждения. Проблема способностей в психологии разрабатывается с начала XX в. (когда понятие “система” не входило в активный тезаурус ни естественных, ни гуманитарных наук). На протяжении более столетия способности рассматривались лишь как функция психического (в целом). Но если системный подход предполагает готовность и в самой “малости психического” увидеть более сложную организацию, чем лишь проявления свойства (функции), нужно ли игнорировать факты усложнения феномена? Если согласно принципу развития мы признаем “моменты” усложнения способностей (т.е. изменения их составляющих и структур, следовательно, и изменения системы), признаем развитие способностей, то что же развивается? Функции и свойства могут лишь изменяться (возрастать, ослабевать).

Диадные дополняющие качества — функциональные системы, формирующиеся на основе профессиональных способностей и профессионально важных качеств (ПВК) в процессах продолжительного выполнения человеком задач совместной профессиональной деятельности в составе рабочих микрогрупп (диад) в специфических условиях социальной среды. *Диадные дополняющие качества* формируются при гибком и динамичном распределении рабочих функций и социальных ролей между партнерами и проявляются как *качества субъекта, дополняющие качества с ним взаимодействующих партнеров, порождающие эффекты синергии и “социального симбиоза”*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целью исследования мы различаем три задачи: *минимальная* — проведение критического анализа феномена, сопряженного с эффективностью *профессиональной деятельности* субъекта, представленного в разных научных понятиях (“*задатки*”, “*способности*”, “*профессионально важные качества*” (ПВК), “*компетенции*”); *оптимальная* — привлечь внимание специалистов к множеству частных “открытых вопросов” в описаниях и определениях феномена и тем самым расширить горизонт его видения, способствовать “*позитивному сдвигу проблемы*” (по И. Лакатосу); *максимальная* — представить основания, побуждающие к переосмыслению проблемы “*здатков—способностей—ПВК—компетенций*”, способствующих становлению эволюционного и экологического подхода в изучении проблемы как множества преобразований единого феномена.

Для анализа стадий эволюции феномена мы используем два критерия как “*достаточные и необходимые*” — *меру специализации* функциональных систем человека и *тесноту связи* функциональных систем с *условиями среды*. Два критерия отражают два взаимно предполагающих друг друга аспекта эволюции феномена. Оба критерия отражают один вектор исторической эволюции феномена — вектор *антропогенеза — онтогенеза — субъектогенеза — профессионального становления субъекта*. Два критерия отражают процессы *профессионального становления субъекта*, сопряженные с повышением и (или) понижением эффективности его профессиональной деятельности и его социальной успешности. Согласно двум критериям можно различить и выделить стадии эволюции феномена, представленные разными функциональными системами (психологическими системами) с последовательно

возрастающей мерой их специализации и избирательной интеграции с новыми условиями среды.

Такие системы являются *эволюционно изменяющимися функциональными системами (ФС)*, становление, развитие, функционирование и угасание которых обусловлено мерой социального опыта субъекта (его знаний, умений, навыков), накапливаемого в процессах познания и решения задач деятельности. Стадии эволюции феномена можно представить как континуум последовательных трансформаций его представляющих функциональных систем: *Задатки* → *Способности (общие)* → *Специальные способности* → *Профессиональные способности* → *Профессионально важные качества (ПВК)* → *Компетенции* → *Дополняющие командные качества (ДоКК)* → *Диадные дополняющие качества* (ДиДоК) → ... →.

Вопросы специализации функциональных систем следует рассматривать не только в русле *теорий деятельности* (как индивидуальной деятельности), а предпочтительнее — в русле концепций *совместной деятельности* [7; 12], в русле *экологического подхода*, в русле *системогенетического подхода*, т.е. рассматривая в единстве составляющих большой социальной системы “*человек—деятельность—окружение*” (*среда*); рассматривать их как возрастание меры влияния условий окружения (*среды*) на человека, его деятельность, поведение, его развитие как индивида, субъекта, личности. Признавая, что “...внешние причины действуют через внутренние условия (которые сами формируются в результате внешних воздействий)” [19, с. 209], предложенное нами обсуждение проблемы “*здатков—способностей—ПВК—компетенций*” можно рассматривать как один из путей подхода к более масштабной проблеме — “*изучение внутренних психологических закономерностей, обуславливающих психический эффект внешних воздействий, составляет фундаментальную задачу психологического исследования*” [Там же, с. 209].

На этом пути познания открытыми остаются вопросы механизмов преобразования биологического в психическое в базовой (“стартовой”) цепочке “*здатки—способности*”, равно как и механизмы становления функциональных систем в завершающих стадиях эволюции феномена (“*финальных*”?). Есть ли интеграция индивидуальности человека с индивидуальностью другого человека, предел или же психическое побуждает эволюционировать в разных направлениях — например, к трансцендентности? Эти фазы последовательные или же в “*точках бифуркации*” траектории эволюции психического расщепляются и могут пойти по разным путям (в зависимости от влияния внешних

и внутренних условий)? Что определяет восприимчивость функциональных систем, их готовность реагировать на внешние воздействия как на “сильные” и (или) “слабые” силы? Когда, почему и в какие моменты времени функциональные системы обнаруживают готовность к очередным эволюционным преобразованиям? (Анализ одного из важнейших “внутренних условий”, одной из детерминант развития психического — активности субъекта, — не входил в задачи настоящей работы. Предмет нашего анализа ограничивался рассмотрением особенностей и эффектов трансформаций функциональных систем субъекта в процессах его становления как субъекта профессиональной деятельности.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И., Дружинин В.Н. Теория функциональных систем в психологии // Психологический журнал. 1998. Т. 10. № 6. С. 4—19.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
3. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
4. Башкин Е.Б. Эффективность стратегических ассесмент-сессий в развитии профессиональных компетенций. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. С. 24.
5. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2001.
6. Волкова Е.В. Роль дифференционно-интеграционного подхода в разработке теории специальных способностей // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2 / Сост. и ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 61—85.
7. Голубева Э.А. Способности и индивидуальность. М.: Прометей, 1993.
8. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье: РА “Тандем-У”, 1998.
9. Дружинин В.Д. Психология способностей. Избранные труды. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
10. Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2008.
11. Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания: Факторы, влияющие на эффективность спортивной деятельности. М.: Педагогика, 1983.
12. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
13. Лейтес Н.С. Умственные способности и возраст. М.: Педагогика, 1971.
14. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
15. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: РАГС, 1996.
16. Мартиросова Н.В. Психологическое обеспечение расстановки кадров в подразделениях охраны общественного порядка органов внутренних дел. Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2014. С. 24.
17. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: Изд. центр “Академия”, 2004.
18. Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал (психологические проблемы). М.: Дело, 1994.
19. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
20. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
21. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. М.: Нипро, 2005.
22. Степнова Л.А. Развитие аутопсихологической компетентности государственных служащих. М.: РАГС, 2003.
23. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
24. Толочек В.А. Компетентностный подход и ПВК-подход: возможности и ограничения // Вестник СПбГУ. Сер. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 2 (30). С. 123—137.
25. Толочек В.А. Личностное и профессиональное развитие субъекта: способности, профессионально важные качества и компетентность, ресурсы и потенциал // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 107—116.
26. Толочек В.А. Профессиональное становление субъекта: способности и профессионально важные качества, компетенции и компетентность // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 3—30.
27. Толочек В.А. Психология труда. 3-е изд., доп. СПб.: Питер, 2019.
28. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. М.: Нипро, 2003.
29. Харитонова Е.В. Соотношение понятий “менталитет” и “ментальность” // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 226—239.

30. *Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.
31. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
32. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности человека. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013.
33. *Boyatzis R.E.* The Competent Manager: A model for effective performance. Chichester: John Wiley & Sons, 1982.
34. *Krober A., Kluckhohn C.* Culture. A critical review of concepts and definitions. Cambridge, Massachusetts, 1952.
35. *McClelland D.C.* Testing for competence rather than for intelligence. American Psychologist, 1973.

CONTINUUM OF "INCLINATIONS — ABILITIES — PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES — COMPETENCE": OPEN QUESTIONS³

V. A. Tolochek

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Labour,
Engineering Psychology and Ergonomics.
E-mail: tolochekva@mail.ru*

Received 27.11.2019

Abstract: The problem of relations and the content of a number (continuum) of scientific concepts is discussed. The purpose of the study: to identify the relations of phenomena (or a single phenomenon at different stages of its evolution), associated with the effectiveness of the subject's professional activity, presented in different scientific concepts of modern psychology ("inclinations", "abilities (general, special, professional)", "professionally important qualities" (PIQ), "competence", etc.). Hypothesis: Considering the substantive aspects of the relations of phenomena (or a single phenomenon at different stages of its evolution), as well as the formal aspects of the relations of concepts that designate them, it is possible to identify new properties and relationships of phenomena (phenomena), as well as restore their essential properties, genesis, dynamics and evolutionary factors. Methods: historical and theoretical analysis. To analyze the stages of the evolution of a phenomenon, two criteria are used as "sufficient and necessary" — a measure of the specialization of functional systems and the tightness of the relationship between the functional systems of the subject and environmental conditions. Both criteria reflect one vector of the historical evolution of the phenomenon — anthropogenesis — ontogenesis — subjectogenesis — the professional formation of the subject, associated with an increase and / or decrease in the effectiveness of his professional activity and his social success. According to two criteria, it is possible to distinguish and distinguish the stages of the evolution of the phenomenon represented by different functional systems (psychological systems) with a successively increasing measure of their specialization and selective integration with new environmental conditions. Such systems are evolutionarily changing functional systems (FS), the formation, development, functioning and extinction of which is determined by the measure of the subject's experience (his knowledge, skills), accumulated in the processes of cognition and solving activity tasks. The stages of the evolution of a phenomenon can be represented as a continuum of successive transformations of its representing functional systems: Makings — Abilities (general) — Special abilities — Professional abilities — Professionally important qualities (PIQ) — Competencies — Complementary team qualities — Dyadic complementary qualities, etc. In conclusion, the definitions of the above concepts are proposed taking into account the space-time of their formation and functioning, and also discusses open issues of a new formulation of the problem and the methodology for its further study.

Keywords: makings, abilities, special abilities, professional abilities, professionally important qualities (PVC), competencies that complement team qualities, dyadic complementary qualities.

³ The research was carried out within the framework of Russian Federation Ministry of science and higher education's State Task: Project № 0159-2018-0001 "Psychological problems of professional mentality in the conditions of organizational and technological innovations".

REFERENCES

1. *Aleksandrov Yu.I., Druzhinin V.N.* Teoriya funktsional'nykh sistem v psikhologii. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1998. V. 10. № 6. P. 4–19. (In Russian)
2. *Anan'yev B.G.* O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya. Saint Petersburg: Piter, 2001. (In Russian)
3. *Anokhin P.K.* Ocherki po fiziologii funktsional'nykh sistem. Moscow: Meditsina, 1975.
4. *Bashkin E.B.* Effektivnost' strategicheskikh assessment-sessiy v razvitiy professional'nykh kompetentsiy. Diss. kand. ... psikhol. nauk. Moscow, 2010. P. 24. (In Russian)
5. *Bodrov V.A.* Psikhologiya professional'noy prigodnosti. M.: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2001. (In Russian)
6. *Volkova E.V.* Rol' differentsionno-integratsionnogo podkhoda v razrabotke teorii spetsial'nykh sposobnostey. *Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya*. Kn. 2. Eds. N.I. Chuprikova, E.V. Volkova. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Znak, 2014. P. 61–85. (In Russian)
7. *Golubeva E.A.* Sposobnosti i individual'nost'. Moscow: Prometey, 1993. (In Russian)
8. *Dodonov R.A.* Etnicheskaya mental'nost': opyt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya. Zaporozh'ye: RA “Tandem-U”, 1998. (In Russian)
9. *Druzhinin V.D.* Psikhologiya sposobnostey. Izbrannyye trudy. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2007. (In Russian)
10. *Il'yin E.P.* Differential psychology of professional activity. Saint Petersburg: Peter, 2008. (In Russian)
11. *Il'yin E.P.* Psikhofiziologiya fizicheskogo vospitaniya: Faktory, vliyayushchiye na effektivnost' sportivnoy deyatel'nosti. Moscow: Pedagogika, 1983. (In Russian)
12. *Klimov E.A.* Introduction to the psychology of labor. Moscow: Publishing House of Mosk. University, 2004. (In Russian)
13. *Leites N.S.* Mental abilities and age. Moscow: Pedagogy, 1971. (In Russian)
14. *Leontiev A.N.* Problems of the development of the psyche. 4th ed. Moscow: Publishing House of Mosk. University, 1981. (In Russian)
15. *Markova A.K.* Psychology of professionalism. M.: RAGS, 1996. (In Russian)
16. *Martirosova N.V.* Psychological support for the placement of personnel in the units of public order protection of internal affairs bodies. Diss. ... kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2014. P. 24. (In Russian)
17. *Mitina L.M.* The psychology of labor and professional development of a teacher. Moscow: Izd. Center “Academy”, 2004. (In Russian)
18. *Mitina L.M.* Teacher as a person and a professional (psychological problems). Moscow: Delo, 1994. (In Russian)
19. *Rubinstein S.L.* Being and consciousness. Man and the World. Saint Petersburg: Peter, 2003. (In Russian)
20. *Rubinstein S.L.* Fundamentals of General Psychology. Saint Petersburg: Peter, 1999. (In Russian)
21. *Spencer L.M., Spencer S.M.* Competencies at Work. Moscow: Hippo, 2005. (In Russian)
22. *Stepnova L.A.* Development of autopsychological competence of civil servants. Moscow: RAGS, 2003. (In Russian)
23. *Teplov B.M.* Problems of individual differences. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the RSFSR, 1961. (In Russian)
24. *Tolochek V.A.* Competency-based approach and PVK-approach: opportunities and limitations. *Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. Psychology*. 2019. V. 9. № 2 (30). P. 123–137. (In Russian)
25. *Tolochek V.A.* Personal and professional development of the subject: abilities, professionally important qualities and competence, resources and potential. Modern trends in the development of labor psychology and organizational psychology. Eds. L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev, A.N. Zankovsky. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology RAS”, 2015. P. 107–116. (In Russian)
26. *Tolochek V.A.* Professional formation of the subject: abilities and professionally important qualities, competencies and competence. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*. 2017. V. 2. № 2. P. 3–30. (In Russian)
27. *Tolochek V.A.* Psychology of labor. 3rd ed., dop. Saint Petersburg: Peter, 2019. (In Russian)
28. *Widdet S., Holliford S.* Competency Guide. Moscow: Hippo, 2003. (In Russian)
29. *Kharitonova E.V.* The correlation of the concepts of “mentality” and “mentality”. *Historiogenesis and the current state of the Russian mentality*. Eds. V.A. Koltsova, E.V. Kharitonova. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2015. P. 226–239. (In Russian)
30. *Shadrikov V.D.* The mental development of man. Moscow: Aspect-Press, 2007. (In Russian)
31. *Shadrikov V.D.* Problems of the systemogenesis of professional activity. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)
32. *Shadrikov V.D.* Psychology of human activity. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology RAS”, 2013. (In Russian)
33. *Boyatzis R.E.* The Competent Manager: A model for effective performance. Chichester: John Wiley & Sons, 1982.
34. *Krober A., Kluckhohn C.* Culture. A critical review of concepts and definitions. Cambridge, Massachusetts, 1952.
35. *McClelland D.C.* Testing for competence rather than for intelligence. *American Psychologist*, 1973.

УДК 159.9(091)

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ РАБОТЫ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б.Д. ПАРЫГИНА (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹⁾

© 2020 г. И. А. Мироненко^{1,*}, А. Л. Журавлев^{2,**}

¹Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., д. 7/9, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор факультета психологии.

E-mail: mironenko.irina1@gmail.com

** Академик РАН, профессор, научный руководитель ИП РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 27.04.2020

Аннотация. Раскрыта значимость эмпирических и прикладных исследований в целостной системе социальной психологии Б.Д. Парыгина, который известен научному сообществу прежде всего как основатель философско-социологического направления в социальной психологии, автор фундаментальных теоретических работ. Обоснованы единство теории, методологии и практики в творчестве Парыгина, непосредственная связь его разработок с конкретной исторической реальностью жизни общества. Рассматриваются проведенные Парыгиным эмпирические исследования способов организации групповой деятельности и общения; его работы по проблемам лидерства и руководства; практические разработки в сфере диагностики, прогнозирования и регуляции социально-психологического климата коллектива; предложенная Парыгиным модель тренинга партнерских отношений. Показаны целостный и оригинальный характер системы социальной психологии, разработанной Парыгиным, ориентированность ученого на отечественную научную традицию и культуру.

Ключевые слова: эмпирические и прикладные работы, духовно-философская традиция, российская гуманитарная наука, личность, общение, лидерство, руководство, социально-психологический климат коллектива, социально-психологический тренинг.

DOI: 10.31857/S020595920010431-0

В текущем году отмечается 90-летие со дня рождения Бориса Дмитриевича Парыгина, творчество которого по праву можно назвать уникальным явлением в отечественной психологической науке. В сложном и противоречивом дискурсе российской социальной психологии, которая создавалась на основе марксистской методологии, а деятельностный подход был здесь идеологически одобренным “мейнстримом”, труды Парыгина занимают особое место. Другим важным фактором развития российской социальной психологии было освоение в 1960–1970-х годах теории и методов зарубежной психологии. В результате «ее особенностью оказалась двойное “гражданство” — категориально-понятийный аппарат имел отечественное и “импортное” происхождение» [25, с. 407], что “создает

глубокое противоречие в ее развитии, которое до сих пор полностью не выявлено” [Там же, с. 401]. В этой непростой ситуации Парыгин не был в строгом смысле ни марксистом, ни приверженцем западных направлений. С необходимостью декларируя положения марксизма, виртуозно владея искусством эзопова языка, Парыгин смог состояться и предложить собственную целостную, оригинальную, укорененную в национальной научной традиции концепцию социальной психологии как системы научного знания, в контексте которой общие и частные вопросы теории, методологии и практики рассматриваются с единых методологических позиций, и последовательно развивал ее на протяжении всей жизни. Закономерно, что его статус в профессиональном сообществе и отношение к нему коллег на протяжении его жизни были неоднозначными. Среди тех, кто оказывал Борису

¹⁾ Исследование поддержано РФФИ, проект 20-013-00260.

Дмитриевичу важную для него профессиональную и моральную поддержку, назовем Алексея Александровича Бодалёва (1923–2014), Екатерину Васильевну Шорохову (1922–2004) и др.

Парыгин известен прежде всего как основатель философско-социологического направления в социальной психологии и автор фундаментальных теоретических работ [1; 2; 4]. Однако было бы неверно видеть в Парыгине только теоретика. Уникальность его подхода заключается в целостном видении всей *системы социальной психологии* — ее истории, методологии, теории и праксиологии. Все эти элементы предметной области этой науки рассматривались им в единстве. Именно так ставится задача построения социальной психологии как самостоятельной системы знаний и исследований в первой опубликованной им в 1965 г. монографии “Социальная психология как наука” [17]. Целостная система социально-психологических представлений Парыгина разрабатывалась и уточнялась в последующих крупных монографиях: “Основы социально-психологической теории” [9], “Социальная психология: Проблемы истории, методологии и теории” [18], “Социальная психология: Истоки и перспективы” [16].

Между выходом в свет первых двух монографий Парыгина 1965 и 1971 годов издания [17; 9] и монографиями 1999 и 2010 гг. [18; 16] прошло почти 40 лет. Первые монографии писались в эпоху после хрущевской оттепели. Последние — уже в постсоветский период, в стране, пережившей “брежневский застой”, перестройку и время радикальных социальных и экономических реформ. Вслед за изменением предметной сферы в обращении к новым задачам развиваются и методология Парыгина, и теоретические конструкты. Эмпирические, направленные на решение конкретных практических задач работы Парыгина не только служили апробацией его теоретических конструктов, но и в существенной степени были той почвой, на которой эти теоретические конструкты вырастали.

Прикладные разработки Парыгина прежде всего обращены к проблемам жизнедеятельности *реальных* трудовых коллективов. Такие группы существенно отличаются от лабораторных групп и групп общения. Во-первых, в таких группах имеются уже сложившиеся отношения. Во-вторых, они подчинены целям реальной предметно-функциональной деятельности. Это определяет и *специфику* социально-психологических феноменов в таких группах: они возникают на пересечении межличностных и функционально-ролевых деловых отношений. В них Парыгин рассматривает проблемы лидерства

и руководства [15]; вопросы диагностики, прогнозирования и регуляции социально-психологического климата [14; 20]; для реальных же трудовых коллективов Парыгиным разработана оригинальная модель постдиагностического тренинга — коррекции внутриколлективных отношений и общения [10].

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СПОСОБОВ ОРГАНИЗАЦИИ ГРУППОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕНИЯ: ЛИДЕРСТВО И РУКОВОДСТВО

Центральное место в разработках Парыгина, непосредственно обращенных к прикладной социальной психологии, занимают вопросы определения способов организации групповой деятельности и общения, способствующих достижению групповых целей с наибольшим эффектом, высокоактуальные и сегодня [3]. Важнейшими факторами, оказывающими решающее влияние на структуру общения в группе и групповую интеграцию, Парыгин полагал стихийно складывающееся лидерство и институционально оформленное официальное руководство в рамках социальной организации. Б.Д. Парыгин первым из отечественных социальных психологов обратился к разработке проблем лидерства и руководства [15] и последовательно развивал эту тематику на протяжении всей своей творческой деятельности. В организации структуры группового общения, эффективного руководства и управления групповой деятельностью лидерство и руководство, в отличие от частных механизмов влияния и взаимовлияния (заражения, внушения, убеждения и т.д.), рассматривались им как формы социального контроля и интеграции всех механизмов и способов социально-психологического воздействия с целью достижения максимального эффекта групповой деятельности и общения. В работах Парыгина с исчерпывающей полнотой характеризуются природа, специфика и место лидерства в структуре общения; особенности и функции руководства как фактора социально-психологического общения и его отличие от феномена лидерства.

Известно, что в мировой социальной психологии существуют различные *теории лидерства*, авторы которых объясняют его природу либо отдельно взятыми индивидуально-психологическими характеристиками субъекта, либо особенностями групповой деятельности или конкретной ситуации. Парыгин отрицает саму возможность такой односторонней трактовки. Он рассматривал лидерство

как системное свойство, порожаемое взаимодействием *объективных* и *субъективных* факторов.

В соответствии с логикой *структурно-динамического подхода* [1; 2], существенное внимание в работах Парыгина уделяется анализу динамики лидерства: природе и механизмам смены одного лидера другим. Лидерство функционирует в социальной как микро-, так и в макросреде. В социальной среде причиной смены лидера обычно оказывается его несоответствие требованиям, нормам, целям и задачам группы. Причиной может быть как чрезмерная авторитарность лидера, так и его неспособность справиться с новыми возникающими на практике задачами групповой деятельности. Парыгин отмечает и зависимость уровня активизации лидерства от социальной макросреды и конкретно-исторических условий, в которых работает группа. Этот взгляд представляется актуальным в контексте развития современной экономической и организационной психологии [3].

По результатам эмпирических исследований коллег и учеников Парыгина (Н.С. Жеребовой, В.Д. Гончарова и В.Ф. Ануфриевой) им была предложена теоретическая *модель типологии лидерства*, которая активно использовалась для диагностики и прогнозирования состояния реальных трудовых коллективов.

Парыгин подчеркивал значимость социально-психологического компонента руководства как со стороны объекта, так и со стороны субъекта управления. Он придавал большое значение взаимодействию и взаимоотношениям в трудовой группе неформального лидера и облеченного административной властью руководителя: “Нельзя не учитывать, что сам механизм лидерства... несет определенный заряд противопоставления официальному руководству, системе официально культивируемых ценностей, норм и социальных значений. В некоторых случаях лидерство может рассматриваться до известных пределов и как средство восполнения определенных пробелов и пустот в официально сложившейся системе отношений руководства и подчинения” [16, с. 368]. На основе глубокого анализа вопроса Парыгин предложил вошедшую позднее в учебники четкую *систему качественных различий руководства и лидерства*.

Таким образом, в работах Парыгина глубоко проанализированы и систематически описаны социально-психологические феномены лидерства и руководства. Им предложена оригинальная теоретическая модель типологии лидерства. Обращаясь к вопросу взаимоотношения и взаимодействия лидерства и руководства в группе, Парыгин предложил ясную и четкую систему качественных

различий руководства и лидерства, которая также стала полезным инструментом социально-психологического сопровождения работы трудовых коллективов.

ДИАГНОСТИКА, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И РЕГУЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА

Среди работ Бориса Дмитриевича, непосредственно обращенных к практике, едва ли не наиболее известными и востребованными являются его разработки по диагностике, прогнозированию и регуляции социально-психологического климата (СПК) коллектива [14; 20].

Диагностика СПК коллектива по Парыгину — это “интегральная содержательная характеристика проявлений его преобладающего настроения и оценка уровня его качества” [16, с. 389]. Эта диагностика должна быть выражена “не в представлении о тех или иных конкретных отношениях и взаимоотношениях, а в понятиях преобладающего настроения или атмосферы коллектива применительно к делу, личности, творчеству” [Там же, с. 390]. Диагностика также предполагает “качественную оценку уровня оптимальности основных составляющих климата, равно как и его структурных модификаций в целом” [Там же].

Центральным понятием в диагностике СПК становится психический настрой, или настроение личности, т.е. “интегральное структурное образование, которое характеризует тональность и степень предметной направленности психического состояния человека в каждый данный конкретный отрезок времени” [Там же, с. 190]. Психический настрой рассматривается в качестве “эквивалента той модели динамической структуры личности, которая связана с психическим состоянием человека в каждый конкретный момент его деятельности” [Там же].

Парыгин использует уникальный подход к оценке СПК. В фокусе его анализа не интегральные характеристики группы, но *личность* в коллективе, удовлетворение ее потребностей в коллективной работе и соответствие групповых норм ее ориентациям. Таким образом, в центре внимания оказывается не *деятельностное* опосредование межличностных отношений, как это предполагается в контексте деятельностного подхода [21], а *личностное* опосредование функционально-ролевых отношений в процессе коллективной деятельности.

Структурная модель социально-психологического климата коллектива (СПК) Б.Д. Парыгина [14; 20] построена на основе анализа, охватывающего в единстве уровни личности, малой группы (т.е. собственно коллектива) и макросоциальной среды, в которую коллектив включен. В качестве критерия оптимальности СПК рассматривается степень соответствия или несоответствия последнего актуальным социально-психологическим тенденциям. “Наибольшее соответствие СПК требованиям социального развития обеспечивает максимальную включенность человека в деятельность. А это, в свою очередь, оказывается условием социальной и экономической эффективности самой деятельности” [16, с. 397].

При изучении социально-психологического климата, наряду с определением актуальных тенденций, Парыгин применяет структурно-динамический подход, в соответствии с логикой которого предполагается использование “парных” теоретических моделей изучаемого явления. В них отражаются как статическая, предельно отвлеченная от контекста какого-либо момента реальности, так и динамическая структура, привязанная к конкретному моменту и характеризующая актуальное состояние объекта исследования. Для диагностики СПК ученый использует также понятие потенциала социально-психологического климата коллектива. Потенциал “характеризует не столько ту или иную направленность развертывания процессов, сколько состояние и уровень реализации имеющихся возможностей деятельности” [Там же, с. 402]. Использование понятия потенциала позволяет определить направленность возможных изменений актуального состояния СПК.

На этой основе им далее формулируется система показателей и индикаторов СПК, позволяющая измерять и прогнозировать динамику, а также регулировать СПК.

Главными инструментами диагностики, прогнозирования и регуляции СПК, разработанными Парыгиным, которые нашли применение в практике, являются: 1) структурные модификации модели СПК; 2) шкала их пространственного распределения по уровню оптимальности, или “климометр” [14; 20]. Обращает на себя внимание единство диагностики, прогноза и регуляции СПК, осуществляемое на основе этих инструментов. Методика Парыгина позволяет оценить актуальное состояние СПК коллектива, показывает направления его возможной оптимизации и содержит рекомендации в отношении выбора методов его регуляции.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализу деятельности в трудах Парыгина уделяется достойное место. Однако деятельность предстает для него не как “системная детерминанта психического”, в качестве которой она выступает в русле деятельностного подхода, доминировавшего в советской социальной психологии, а как область проявлений динамики психических состояний человека [7; 8; 11; 16]. При этом определяющее значение имеет “сфера межличностного общения, играющая особенно существенную роль как мощный стимулятор психической активности индивида” [16, с. 323].

Никак не умаляя значимости и ценности деятельностного подхода в российской социальной психологии, отметим, что система научных взглядов Парыгина не может быть отнесена к нему. Парыгину чуждо “понимание социально детерминированной предметной деятельности как творца человеческих отношений” [21, с. 142], а также представление о том, что “такое понимание детерминирующей роли предметной деятельности может быть распространено на интерпретацию любых межличностных отношений, хотя эффекты деятельностного опосредствования в них могут быть стертыми, неявными” [Там же, с. 143]. Напротив, Парыгин говорит о “глубокой и органической потребности человека в понимании, сопереживании и эмоциональном отклике себе подобному” [16, с. 323] как о факторе, детерминирующем включенность человека в предметную деятельность, и, соответственно, определяющем мотивацию и эффективность трудовой деятельности.

Человек в видении Парыгина — это прежде всего “Человек общающийся”, т.е. социальное существо, формирующееся в процессе общения как основного механизма социализации и существующее в переплетении пластов и нитей *общения*.

В монографии 1999 г. проблеме деятельности посвящен целый раздел, состоящий из трех глав: “Феномен деятельности в социальной психологии”; “Психологическая готовность к деятельности”; “Психологическая включенность в деятельность”.

Говоря о месте феномена деятельности в социальной психологии, Парыгин отмечает, что эта категория парадоксальным образом не занимает добавочного ей по значимости места в социальной психологии: “мы до сих пор имеем дело с социальной психологией недействующего человека” [18, с. 180]. В социальной психологии деятельности Парыгин усматривает существенные отличия от подхода к феномену деятельности в общей

психологии: «Если в рамках общей психологии человеческая деятельность рассматривается как некий целостный процесс “взаимодействия субъекта с миром”, где субъективность и предметность еще не отделены друг от друга, то в социальной психологии механизмы, тенденции и логика личностной активности в ходе деятельности могут не совпадать и, как правило, не совпадают с логикой развития самой деятельности как объективного процесса... Это объясняется более сложной социально-психологической структурой деятельности, где ее субъект может не исчерпываться отдельным индивидом, но может быть представлен общностью» [18, с. 184].

Субъектом деятельности в социальной психологии оказывается уже не индивид, но “многокачественный и могущий быть весьма дифференцированным интегральный субъект” [18, с. 185] — коллектив.

Характеризуя деятельность как социально-психологическую проблему, Парыгин выделяет ее основные противоречия, первым из которых он называет противоречие между уровнем психического потенциала личности и степенью его реализации в деятельности. С этим противоречием непосредственно связаны феномены психологической готовности к деятельности и включенности в деятельность. Психологическая готовность определяется им как “состояние наивысшей варибельности и максимальной включенности творческих сил и способностей субъекта в деятельность” [18, с. 202], представлена структурная модель феномена. По отношению к готовности включенность играет двоякую роль: во-первых, является важнейшим компонентом психологической готовности к деятельности; во-вторых, может компенсировать недостаток готовности.

Среди основных противоречий, определяющих проблему деятельности в социальной психологии, Парыгин называет и противоречие между социальными мотивами и ожиданиями, связанными с деятельностью и не совпадающими с ними результатами. Говоря о противоречивых отношениях между психологией социальных ожиданий успехов и практическими достижениями, он отмечает: “Для возбуждения больших социальных ожиданий нужен только яркий образ желаемой цели, заверения в его легкой достижимости и живое воображение... Этого вполне достаточно, чтобы страсть и фантазия, воспламенившие массу людей... создали иллюзорные ощущения возможности беспрепятственного движения к цели... Другими оказываются психология и логика реального практического действия... А этот разрыв в скорости между эмоциональным, образным и практическим действием уже содержит

в себе источник неудовлетворенности и разочарования, тормозит, если не подрывает, и без того трудный процесс практического достижения цели” [18, с. 187].

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РАБОТАХ ПАРЫГИНА ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Парыгин в высокой степени обладал способностью чувствовать и предвидеть тенденции развития общества и науки. Уже в 1970-х годах он обращается к проблеме влияния научно-технического прогресса (НТП) на человека [5; 6]. Задолго до того, как на них сместился фокус общего внимания ученых, Парыгин поднимал такие вопросы, как растущая динамичность социальных процессов, возрастание неопределенности и, как следствие, место и значение функции выбора в жизни человека, которые сегодня активно обсуждаются в отечественной и мировой науке.

В постсоветский период в фокусе его внимания оказываются драматические перемены в состоянии общества, которыми сопровождаются происходящие социальные и экономические реформы. Общественные настроения всегда находились в фокусе научных интересов Парыгина. Бурное постсоветское время представляло богатую почву для наблюдений и исследований. С позиций структурно-динамического подхода Парыгин обращается к социально-психологическим аспектам практики регионального реформирования [16; 19]. Размышляя над острыми практическими проблемами времени, в поисках пути их решения Парыгин обращается не к вопросу о национальном характере, что традиционно доминирует в дискурсе, но к проблеме социально-психологического состояния общества и конкретных факторов, его определяющих: “связь успехов или неудач социально-экономического реформирования с духовно-нравственным состоянием общества становится все более очевидной. Интегральным эмпирическим индикатором качества этой связи является вера народа в эффективность и успехи прежде всего радикальной экономической реформы” [16, с. 473].

Социально-психологическое состояние общества изменяется день ото дня, оно доступно наблюдению, измерению и даже прогнозу и регуляции в значительно большей степени, чем национальный характер. Значит, есть надежда на этом пути перейти от вопроса “кто виноват” к вопросу “что делать”. Здесь он видит как причины неудач

проводимых реформ, так и возможные рычаги влияния на ситуацию: “Психическое состояние напряженности и тревожности населения — фактор, не способствующий процессу радикального экономического реформирования. В свою очередь тот или иной характер, те или иные региональные особенности и, в частности, темпы данного процесса способны оказывать не менее значительное обратное как стабилизирующее, так и, наоборот, дестабилизирующее влияние на социальную психику” [16, с. 478].

Представляется, что и сегодня такой подход к практическим аспектам диагностики и регуляции общественных настроений не утратил своей актуальности.

ТРЕНИНГ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Парыгин в своих эмпирических и прикладных работах широко обращался к *социально-психологическому тренингу*, который он рассматривал как метод повышения эффективности совместной деятельности. Он предложил оригинальную модель тренинга партнерских отношений [10].

Известно, что в традиционной практике тренинга используются априорно подготовленные программы и методы. Исходная посылка такой модели состоит в предположении, что тренер и так заранее знает, что и как надо делать. Парыгин предложил модель *отношений взаимного сотрудничества* на партнерских началах в качестве альтернативы традиционной, несколько авторитарной модели. Для проведения такого тренинга необходима диагностика социально-психологических условий жизнедеятельности группы, достаточно глубокая и разносторонняя. В том случае, когда целевая установка и программа тренинга целиком определяются результатами диагностики, правомерно говорить о таком специфическом варианте социально-психологического тренинга, как *постдиагностический тренинг-коррекция* тех или иных характеристик экспериментальной группы. Последние могут касаться как всей группы, так и различных включенных в нее участников — лидеров или официального руководителя.

В 1990-х годах под редакцией Парыгина вышел “Практикум по социально-психологическому тренингу”, в котором были представлены “Программа социально-психологической коррекции позиций руководителя первичного коллектива” и “Программа эксперимента по регуляции социально-психологического климата”, а также подробные описания процесса тренинга в форме дневниковых

записей. Материалом для дневниковых записей послужил опыт тренинговой коррекции позиций официальных руководителей и лидеров научных, инженерно-технических и рабочих коллективов, осуществленной в 1980-е годы в Санкт-Петербурге, в отделе социально-психологических проблем управления Института социально-экономических проблем Академии наук СССР.

Книга вызвала такой интерес читателей, что переиздавалась трижды, каждый раз в переработанном и дополненном виде и все большим тиражом: первое издание было выпущено в 1994 г. тиражом 500 экземпляров, оно включало 176 страниц [22]. Уже в 1997 г. вышло второе издание объемом 307 страниц и тиражом 1000 экземпляров [23]. В 2000 г. вышло третье издание объемом 350 страниц и тиражом 3000 экземпляров [24], которое, как и первые два, мгновенно разошлось.

Постдиагностический тренинг партнерского общения Парыгина воплощает типические характеристики его творчества: единство диагностики, прогноза и воздействия, в основе которого лежит единая теоретическая модель и глубокое уважение к личности участника тренинга. Парыгин отмечал противоречие в том, что формирование демократического стиля общения в традиционном тренинге часто реализуется авторитарными методами. Такому отношению к группе он противопоставил принцип равноправного партнерства, прежде всего в его психологическом смысле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работы Парыгина в области социально-психологической практики являются неотъемлемой и существенной частью созданной им целостной системы социальной психологии. В прикладных, практических разработках апробировались и рождались его теоретические положения. В своих эмпирических исследованиях, обращаясь к практическим вопросам, Парыгин оставался на позициях четко сформулированного им философско-социологического подхода, авторской оригинальной общей социально-психологической концепции, в которой центральное место занимают личность и общение. Именно эти феномены находятся в фокусе его интересов, когда он обращается к проблемам жизнедеятельности реального трудового коллектива, ищет пути оптимизации его функционирования и развития. Свой подход — исследование личностного опосредствования деятельности — он противопоставляет более характерному для социальной психологии того времени анализу деятельностного опосредствования отношений в коллективе, что

позволяет непосредственно рассматривать в единстве вопросы объективного и субъективного качества жизни коллектива. Структурно-динамический анализ Парыгина охватывает в единстве личность, социальный микроконтекст группы и макроконтекст социума, в котором личность и группа существуют в его конкретно-исторической специфике.

Основными сферами его исследований, непосредственно реализованных в практике, были лидерство и руководство, рассматриваемые как способы организации групповой деятельности и общения, диагностика и регуляция СПК, тренинг партнерского общения. Авторские теоретические модели служили основанием методов диагностики, прогноза и воздействия, осуществляемых в их единстве.

Метод структурно-динамического анализа, теоретически обоснованный и технологически разработанный Парыгиным, с позиций которого решались общие и конкретные прикладные задачи исследования социально-психологических явлений в их живой динамике, объединял все его эмпирические работы, делал их неотъемлемой частью целостной системы социальной психологии, которую он разработал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев А.Л., Мироненко И.А. Вклад Б.Д. Парыгина в возрождение отечественной социальной психологии (к 85-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 117–124.
2. Журавлев А.Л., Мироненко И.А. Система научных представлений Б.Д. Парыгина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 28–38.
3. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
4. Мироненко И.А. Личность ученого: Борис Дмитриевич Парыгин // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 281–290.
5. Парыгин Б.Д. Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. М.: Политиздат, 1978.
6. Парыгин Б.Д. Научно-техническая революция и социальная психология. Л.: Знание, 1976.
7. Парыгин Б.Д. Общественное настроение: монография. М.: Мысль, 1966. 327 с.
8. Парыгин Б.Д. Общественное настроение как социологическая категория // Вестн. Ленингр. ун-та. 1963. № 5. Сер. Экономика, философия и право. Вып. 1. С. 129–132.
9. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 348 с.
10. Парыгин Б.Д. Постдиагностический тренинг-коррекция // Практикум по социально-психологическому тренингу / Под ред. Б.Д. Парыгина. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. С. 117–157.
11. Парыгин Б.Д. Проблема готовности в социальной психологии // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996. С. 87–90.
12. Парыгин Б.Д. Проблема опосредованности в социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 31–44.
13. Парыгин Б.Д. Психологический барьер и его природа // Социальная психология и философия. Л., 1975. Вып. 3. С. 3–13.
14. Парыгин Б.Д. (науч. ред.). Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива. Л.: Наука, 1986. 239 с.
15. Парыгин Б.Д. Руководство и лидерство // Руководство и лидерство / Под ред. Б.Д. Парыгина. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 5–12.
16. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы / Под ред. А.С. Запесоцкого. СПб.: СПбГУП, 2010. 536 с.
17. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука: монография. Л.: ЛГУ, 1965. 208 с.
18. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы истории, методологии и теории / Под ред. А.С. Запесоцкого. СПб.: ИГУП, 1999. 591 с.
19. Парыгин Б.Д. Социальная психология территориального самоуправления / Науч.ред. А.Е. Когут. СПб.: Унигум, 1993. 166 с.
20. Парыгин Б.Д. Социально-психологический климат коллектива. Пути и методы изучения / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1981. 192 с.
21. Петровский А.В. Психология в России. XX век. М.: УРАО, 2000.
22. Практикум по социально-психологическому тренингу / Под ред. Б.Д. Парыгина. СПб.: СПбГУП, 1994.
23. Практикум по социально-психологическому тренингу / Под ред. Б.Д. Парыгина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГУП, 1997.
24. Практикум по социально-психологическому тренингу / Под ред. Б.Д. Парыгина. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000.
25. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997.

EMPIRICAL AND APPLIED WORKS IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF B.D. PARYGIN (THE 90-TH ANNIVERSARY)²⁾

I. A. Mironenko^{1,*}, A. L. Zhuravlev^{2,**}

¹*Saint Petersburg State University;
199034, Saint Petersburg, Makarova emb., 6, Russia.*

²*Federal State-Financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaia str., 13, Russia.*

^{*}*ScD (Psychology), Professor. E-mail: mironenko.irina1@gmail.com*

^{**}*Member of RAS, Professor, Scientific Leader of Institute of Psychology RAS.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

Received 27.04.2020

Abstract. The significance of empirical and applied research in the holistic system of social psychology proposed by B.D. Parygin is revealed. The scientist is known to the scientific community primarily as the founder of the philosophical and sociological trend in social psychology, the author of fundamental theoretical works. The paper explicates the integral unity of theory, methodology and practice in the work of Parygin, the inextricable links of his developments to the specific historical reality of the society. Empirical studies conducted by Parygin on group activities and communication are presented in detail and analyzed; his developments on leadership; practical developments in the field of diagnostics, forecasting and regulation of the socio-psychological climate of the team; the model for partnership training, which Parygin proposed. The holistic, authentic and original nature of the system of social psychology developed by Parygin, the scientist's focus on the domestic scientific tradition and culture is shown.

Keywords: empirical and applied work, methodology of social psychology, spiritual and philosophical tradition of the Russian humanities, personality, communication, leadership, socio-psychological climate of the team, socio-psychological training.

REFERENCES

1. Zhuravlev A.L., Mironenko I.A. Vklad B.D. Parygina v vozrozhdenie otechestvennoj social'noj psichologii (k 85-letiju so dnya rozhdeniya). *Psichologicheskii zhurnal*. 2015. V. 36. № 5. P. 117–124. (In Russian)
2. Zhuravlev A.L., Mironenko I.A. Sistema nauchnyh predstavlenij B.D. Parygina v oblasti social'noj psichologii. *Psichologicheskii zhurnal*. 2012. V. 33. № 5. P. 28–38. (In Russian)
3. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Psichologiya upravleniya sovmestnoj deyatel'nost'yu: Novye napravleniya issledovanij. Moscow: Izd-vo "Institut psichologii RAN", 2010. (In Russian)
4. Mironenko I.A. Lichnost' uchenogo: Boris Dmitrievich Parygin. Metodologiya, teoriya, istoriya psichologii lichnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Harlamenkova. Moscow: Izd-vo "Institut psichologii RAN", 2019. P. 281–290. (In Russian)
5. Parygin B.D. Nauchno-tehnicheskaya revolyuciya i lichnost'. Social'no-psichologicheskie problemy. Moscow: Politizdat, 1978. (In Russian)
6. Parygin B.D. Nauchno-tehnicheskaya revolyuciya i social'naya psichologiya. L.: Znanie, 1976. (In Russian)
7. Parygin B.D. Obshchestvennoe nastroyenie: monografiya. Moscow: Mysl', 1966. 327 p. (In Russian)
8. Parygin B.D. Obshchestvennoe nastroyenie kak sociologicheskaya kategoriya. *Vestn. Leningr. un-ta*. 1963. № 5. Seriya "Ekonomika, filosofiya i pravo". Vyp. 1. P. 129–132. (In Russian)
9. Parygin B.D. Osnovy social'no-psichologicheskoy teorii. Moscow: Mysl', 1971. 348 p. (In Russian)
10. Parygin B.D. Postdiagnosticheskij trening-korrekcija. Praktikum po social'no-psichologicheskomu treningu. Ed. B.D. Parygin. 3-e izd., ispr. i dop. St. Petersburg: Izd-vo Mihajlova V.A., 2000. P. 117–157. (In Russian)
11. Parygin B.D. Problema gotovnosti v social'noj psichologii. Dinamika social'no-psichologicheskikh yavlenij v izmenyayushchemsya obshchestve. Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psichologii RAN", 1996. P. 87–90. (In Russian)
12. Parygin B.D. Problema oposredovannosti v social'noj psichologii. Metodologicheskie problemy social'noj psichologii. Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1975. P. 31–44. (In Russian)

²⁾ This work was supported by RFBR, grant № 20-013-00260.

13. *Parygin B.D.* Psihologicheskij bar'er i ego priroda. Social'naya psihologiya i filosofiya. L., 1975. Vyp.3. P. 3–13. (In Russian)
14. *Parygin B.D.* (nauch. red.). Regulyaciya social'no-psihologicheskogo klimata trudovogo kollektiva. L.: Nauka, 1986. 239 p. (In Russian)
15. *Parygin B.D.* Rukovodstvo i liderstvo. Rukovodstvo i liderstvo. Ed. B.D. Parygin. L.: LGPI im. A.I. Gercena, 1973. P. 5–12. (In Russian)
16. *Parygin B.D.* Social'naya psihologiya. Istoki i perspektivy. Ed. A.S. Zapesockij. St. Petersburg: SPbGUP, 2010. 536 p. (In Russian)
17. *Parygin B.D.* Social'naya psihologiya kak nauka: monografiya. L.: LGU, 1965. 208 p. (In Russian)
18. *Parygin B.D.* Social'naya psihologiya. Problemy istorii, metodologii i teorii. Ed. A.S. Zapesockij. St. Petersburg: IGUP, 1999. 591 s. (In Russian)
19. *Parygin B.D.* Social'naya psihologiya territorial'nogo samoupravleniya. Nauch. red. A.E. Kogut. St. Petersburg: Unigum, 1993. 166 s. (In Russian)
20. *Parygin B.D.* Social'no-psihologicheskij klimat kollektiva. Puti i metody izucheniya. Pod red. V.A. YAdova. L.: Izd-vo "Nauka", 1981. 192 p. (In Russian)
21. *Petrovskij A.V.* Psihologiya v Rossii. HKH vek. Moscow: URAO, 2000. (In Russian)
22. Praktikum po social'no-psihologicheskomu treningu. Ed. B.D. Parygin. St. Petersburg: SPbGUP, 1994. (In Russian)
23. Praktikum po social'no-psihologicheskomu treningu. Ed. B.D. Parygin. 2-e izd., ispr. i dop. St. Petersburg: SPbGUP, 1997. (In Russian)
24. Praktikum po social'no-psihologicheskomu treningu. Ed. B.D. Parygin. 3-e izd., ispr. i dop. St. Petersburg: Izd-vo Mihajlova V.A., 2000. (In Russian)
25. Psihologicheskaya nauka v Rossii HKH stoletiya: problemy teorii i istorii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1997. (In Russian)

УДК 159.99

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РККА В 1920-х годах¹⁾

© 2020 г. И. Н. Елисева^{1,*}, Ю. Н. Олейник^{2,**}, Ю. И. Радченко^{1,***}

¹Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 100, Россия.

²Московский гуманитарный университет;
111395, г. Москва, ул. Юности, 5, Россия.

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-практического центра.
E-mail: vagsh@mil.ru

**Кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии и истории психологии.
E-mail: yurii03@mail.ru

***Начальник научно-практического центра.
E-mail: vagsh@mil.ru

Поступила 12.03.2020

Аннотация. Выявление показателей институционализации психологических знаний способствует реконструкции сложной динамики развития отечественной психологии. В качестве одного из таких показателей рассмотрено создание и функционирование официально утвержденных научных и научно-практических центров. Показателем институционализации военно-психологических исследований в начале 1920-х годов выступила организация Опытной психологической лаборатории при Академии Генерального штаба РККА. Выделены два этапа ее работы, отличающиеся тематикой исследований и персональным составом. Одним из индикаторов деинституционализации военно-психологических исследований в этот исторический период стала ликвидация лаборатории.

Ключевые слова: история психологии, военно-психологические исследования, институционализация, научно-практический центр, опытная психологическая лаборатория, психотехника.

DOI: 10.31857/S020595920010439-8

Актуальной проблемой современных историко-психологических исследований является выявление показателей институционализации производства психологических знаний. В их качестве можно рассматривать и подготовку профессиональных кадров с выдачей дипломов, и выпуск научных периодических изданий, и проведение масштабных научных мероприятий. Одним из важных показателей такой институционализации является *организационный показатель* — наличие официально утвержденных и функционирующих научных и научно-практических центров. История создания и деятельности таких центров, с одной стороны, свидетельствует об актуальности, востребованности и динамике определенных направлений психологических исследований и разработок в конкретный исторический период; с другой — раскрывает сложный, а иногда и драматический путь формирования отечественной академической и практической

психологии в контексте развития общества; с третьей — показывает роль и значение отдельных ученых и практиков, часто забытых или неизвестных, в становлении психологии. Все это в совокупности обеспечивает воссоздание целостной картины развития отечественной психологии в ее проблемно-тематическом, организационно-управленческом и кадрово-коммуникационном аспектах (подробно см. [9–11]).

Важным направлением теоретических и в первую очередь практических разработок в нашей стране в период 1920-х годов, наряду с педологическими исследованиями в образовании и психотехническими — в промышленности, гораздо менее изученными являются *военно-психологические* исследования. Этим термином обозначаются психологические разработки и исследования, проводимые на контингенте военнослужащих и в интересах повышения боеспособности армии, в рассматриваемый исторический период — Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА).

¹⁾ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-013-00779.

В качестве *гипотезы нашего исследования* рассматривается предположение, что институционализация военно-психологических исследований в РККА связана с созданием Опытной психологической лаборатории (ОПЛ) при Академии Генерального штаба РККА.

Упоминания ОПЛ среди других московских психологических научно-практических центров 20-х годов XX в. содержались в ряде публикаций [15; 29], однако конкретные и развернутые сведения о ее организации стали появляться относительно недавно, с 2016 г. [6; 23]. Дальнейшие исследования, результаты которых представлены в настоящей статье, позволили реконструировать историю ОПЛ начиная с ее открытия в 1920 г. до ликвидации в 1924 г.

Источниковой базой настоящей работы явились: материалы Российского государственного военного архива; сборники Академии Генерального штаба РККА; научные труды, посвященные отдельным персоналиям и направлениям психологии, имеющим отношение к работе ОПЛ; труды сотрудников ОПЛ и связанных с ее работой исследователей.

ОПЛ была создана приказом Реввоенсовета Республики от 2 марта 1920 г. № 340, тогда же утверждено Положение, определен штат в количестве 20 единиц, выделены средства на приобретение оборудования и инструментария. С одной стороны, ОПЛ находилась в прямом подчинении начальника академии, а с другой — являлась лабораторным дополнением к кафедре военной психологии. Заведующий лабораторией назначался начальником академии (без согласования с кем-либо) из числа “обладающих полным знакомством и опытом в деле психологического исследования и достаточным военно-образовательным цензом” (РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 9. Л. 167).

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА ЛАБОРАТОРИИ

Доктор Тимофей Ефимович Сегалов (1881—1928), первый заведующий ОПЛ, приступил к работе в академии 22 марта 1920 г. (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 157. Л. 116 об.). В период Первой мировой войны Т.Е. Сегалов опубликовал несколько статей о контузиях военного времени, которые вызвали дискуссию в профессиональном сообществе. Никаких иных сведений о его работе по проблемам военной психиатрии, неврологии или военной психологии до 1920 г. обнаружить не удалось. Несколько позже, 29 марта 1920 г., приступил к выполнению обязанностей помощника начальника ОПЛ

полковник Филипп Григорьевич Павловский (1867—?). В апреле 1920 г. была принята на работу большая группа сотрудников, включая Наталию Павловну Ферстер (1888—?). В начале мая были приняты на работу Николай Иванович Жинкин (1893—1979) (лаборант ОПЛ) и Николай Александрович Рыбников (1880—1961) (помощник заведующего ОПЛ) (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 157. Л. 6—135 об.).

Примечательно, что согласно приказам по академии все сотрудники ОПЛ через 2—3 недели после поступления на работу “зачислялись на провиантское, приварочное и чайное довольствие по фронтовым нормам”, даже если работали по совместительству (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 159. Л. 249).

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В апреле—мае 1920 г. велась активная работа по обустройству рабочих помещений лаборатории, закупались литература, оборудование и инструментарий. В мае—июне 1920 г. были приобретены “коллекции для психологических испытаний по методу О-де-Санктиса и по методу Россолимо”, также тахистоскоп, миллиамперметр и т.д. Помимо перечисленных приборов и инструментария в сентябре 1920 г. в распоряжении лаборатории были: миллисекундомер, динамоскоп, эстезиометр, мнемометр, кимограф, циркуль Вебера и кубы для изучения иллюзии тяжести (РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 186. Л. 41). Таким образом, ОПЛ была оснащена для проведения как психологических, так и психофизиологических исследований, однако данных по результатам последних обнаружить не удалось. В дальнейшем средства на покупку нового или починку вышедшего из строя оборудования не выделялись, и сотрудники ОПЛ планировали исследования, ограничиваясь самыми простыми методиками, не требующими применения оборудования. В этот период была сформирована небольшая библиотека, которая включала 34 издания. Наряду с другими, в нее вошли работы К.Н. Корнилова, Т. Рибо, Н.А. Рыбникова, В.Е. Смирнова, Г.И. Челпанова и др.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПЕРВОГО ЭТАПА

В это же время разворачивалась научно-исследовательская работа. Начиная с 22 апреля 1920 г. почти еженедельно проводились конференции

(совещания) лаборатории под руководством Т.Е. Сегалова. К участию в конференциях приглашались сотрудники ОПЛ и других подразделений академии, руководство академии, а также представители центральных органов военного управления и профильных гражданских организаций. Тематика конференций была самой разнообразной: от организации исследований до “постройки” тахистоскопа. Включение в повестку конференций таких вопросов, как изучение индивидуальных особенностей командиров и разработка плана массового анкетирования красноармейцев, совпало с приходом в ОПЛ Н.А. Рыбникова и Н.И. Жинкина.

Психологические исследования проводились по приказам начальника академии. Первое исследование проведено 24 апреля 1920 г. и было направлено на изучение индивидуальных способностей при составлении военного донесения по правилам Полевого устава. В результате была установлена взаимосвязь между скоростью, продуктивностью мышления и “лаконичностью, формой операции и другими моментами в письменном донесении”. В этом исследовании в качестве респондента принимал участие председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий (РГВА. Ф. 33758. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–9).

Исследование, направленное на изучение “творческих ассоциаций”, было проведено 6 мая 1920 г. Предположительно в этом исследовании использовалась методика, при которой испытуемый должен был перечислить возникающие ассоциации в ответ на названное экспериментатором слово, при оценке учитывалось количество “экстенсивных” ассоциаций [16, с. 279]. В отчете о работе ОПЛ в сентябре 1920 г. представлена кривая распределения количества ассоциаций, близкая к кривой нормального распределения.

В сентябре 1920 г. был подготовлен отчет о работе ОПЛ, включенный в отчет о двухлетней деятельности академии. Основные задачи ОПЛ в этом отчете конкретизированы: “изучение элементов военной психологии” и разработка “методов для оценки и отбора лиц, пригодных для военной деятельности, особенно в командных должностях” (РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 186. Л. 2–30 об.).

Меньше чем за 6 месяцев сотрудниками ОПЛ, помимо упомянутых ранее исследований, экспериментально изучалось слуховое восприятие, “реконструкция” (по всей видимости — комбинаторные способности) с участием слушателей академии и слушателей Военно-педагогического института (сотрудники ОПЛ не дали определения комбинаторной способности, опираясь на данные о психодиагностических методиках, имеющих

в распоряжении ОПЛ, уместно предложить следующее определение: “способность сочетать известные предметы в известную группу так, чтобы получилось одно определенное целое” [24, с. 44]). Также была разработана анкета о вожде-командире, направленная на выявление профессионально важных качеств военачальников и офицеров штабов.

Как несомненное достижение лаборатории, указывались разработка и внедрение методики проведения “коллективных опытов”, т.е. групповых психодиагностических исследований. В чем суть этой методики и чем она отличается от групповых исследований, проведенных, например, в американской армии в 1917 г., в документах лаборатории не указано.

В планах ОПЛ указывалось изучение вопросов “военно-трудового перевоспитания морально дефективных и социально изуродованных подростков”, разработка программы лекций и занятий для системы всеобщего воинского обучения, консультативная поддержка по исследованию читательских интересов красноармейцев, изучение воздействия агитационных и пропагандистских плакатов, выявление желательных и нежелательных качеств красного командира и критериев отбора лиц для назначения на штабные должности, разработка инструментария для исследования влияния “звуковой команды” на выполнение приказов. Таким образом, в планы работы ОПЛ на этом этапе были включены задачи, ориентированные на государственный и ведомственный масштаб, при этом задачи, связанные с академией, прямо сформулированы не были. Предположительно перечень этих задач не был объединен единым замыслом. Скорее его можно соотнести с научными интересами и последующими исследованиями (после работы в ОПЛ) ряда ее сотрудников: Т.Е. Сегалова, Н.А. Рыбникова, Н.И. Жинкина, Н.П. Ферстер.

В ближайших планах ОПЛ стояла подготовка к изданию первого тома трудов. Помимо статей начальника академии А.Е. Снесарева и сотрудников ОПЛ, планировались публикации Р.Ю. Виппера и Л.А. Бызова — сотрудников Института социальной психологии. По воспоминаниям Л.А. Бызова, институт и представители РККА разработали обширную программу социально-психологических исследований, однако она не была реализована [1]. О связях ОПЛ и Института социальной психологии свидетельствует и выступление Н.И. Жинкина 21 июня 1921 г. на заседании института. В докладе о деятельности ОПЛ (апрель 1922 г.) также упомянуто сотрудничество с Институтом социальной психологии, а Л.А. Бызов и Р.Ю. Виппер указаны

консультантами, участвовавшими в некоторых конференциях ОПЛ.

В целом ОПЛ была ориентирована на развитие межведомственных профессиональных коммуникаций. Так, в докладе ОПЛ, подготовленном в апреле 1922 г., в качестве участников такого взаимодействия указаны: Центральный институт труда ВЦСПС, Московский психоневрологический институт, Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, Центральный комитет Российской Коммунистической Партии Большевиков и др.

Свидетельством включения ОПЛ в широкую сеть научных коммуникаций является эпизод, связанный с историко-филологическим факультетом Нижегородского университета. По данным Н.Ю. Стоюхиной, в апреле 1920 г. на заседании факультета было принято решение о создании комиссии по разработке проекта Института изучения революционной современности. В состав комиссии в том числе вошли ученики Г.И. Челпанова: П.С. Попов и Н.В. Петровский (в 1923–1924 гг. — сотрудник ОПЛ), при этом первый был командирован в Москву для уточнения задач по этому вопросу. После командировки П.С. Попов предложил “обратиться в опытную психологическую лабораторию Генерального штаба в Москву с целью организации постановки этого дела в Нижнем Новгороде”; в дальнейшем в университете к этому вопросу не возвращались [26, с. 131].

О некоторых результатах работы ОПЛ в начале 1921 г. можно судить по статье лаборанта ОПЛ Н.И. Жинкина “Что такое психотехника военного дела” [8]. В статье кратко описаны результаты исследований, проведенных ОПЛ. Помимо уже упомянутых, автор указал исследования пространственного интеллекта, в котором приняли участие слушатели академии, красноармейцы и учащиеся школ 14–17 лет. В результате была выявлена взаимосвязь выраженности пространственного интеллекта и уровня образования. В докладе ОПЛ, подготовленном в апреле 1922 г., это исследование описано более подробно: испытуемым необходимо было правильно выбрать направление в пространстве и графически его зафиксировать. Представляется, что здесь можно проследить влияние “метода единого процесса” А.П. Нечаева, деятельность которого в дальнейшем станет весьма значимой для ОПЛ, а сам “метод единого процесса”, который предполагал возможность использования одних и тех же методик для изучения особенностей интеллектуально-мнестической сферы респондентов различных возрастов и уровня образования, подвергал критике И.Н. Шпильрейн [28, с. 261].

Статья Н.И. Жинкина представляет интерес тем, что в ней перечислены перспективные проблемы военной психотехники: 1) разработка методологии и методики профессионального психологического отбора военнослужащих: от руководящего состава до рядовых бойцов; 2) “приспособление оружия к солдату” по аналогии с “фабричной психотехникой”; 3) изучение внешних факторов, влияющих на психическое состояние и поведение военнослужащего, его психологическую готовность к участию в боевых действиях (называя эти факторы внешними, автор указывал, что важна не объективная характеристика этих факторов, а то, как они отражаются в сознании военнослужащего).

Обсуждая методологические и методические трудности изучения этих факторов, автор указывает на актуальный аспект даже для современных психологических исследований: разрыв между изучением индивидуально-психологических качеств военнослужащих и *коллективным характером их деятельности*. По мнению Н.И. Жинкина, эта сложная задача могла быть решена в рамках коллективной психологии.

Таким образом, в статье лаборанта ОПЛ Н.И. Жинкина просматриваются элементы программного заявления не только в отношении деятельности ОПЛ, но и в отношении *военной психотехники* в целом. К сожалению, на данный момент не представляется возможным установить, насколько идеи, изложенные в статье, разделяли другие сотрудники ОПЛ.

Еще одно свидетельство о деятельности ОПЛ относится к апрелю 1922 г. и содержится в докладе, направленном в Управление делами всех военных академий РККА. В докладе сформулирована цель деятельности ОПЛ как содействие “воссозданию военной мощи Республики” посредством “систематического изучения всех отделов психологии, так или иначе связанных с военной практикой: проблема воли, воспитание военных масс, проблема характера и личности в связи с психологией вождя, внушение и воздействие, психология пропаганды и т.д.”, подчеркивается *междисциплинарный характер* исследований ОПЛ, охватывающих “генетические, психопатологические и экспериментально-психологические” проблемы (РГВА. Ф. 33758. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–9). Указывается, что методы исследования ОПЛ подбирает, исходя из исследовательской задачи и опираясь на уже имеющийся методический арсенал психологии. Разработка новых методов комплектования и отбора военнослужащих, в том числе командного состава, и распространение среди командного состава психологических знаний, необходимых для

эффективной деятельности, также отнесены к задачам ОПЛ.

В докладе кратко приведены результаты анализа ответов на анкету о вожде-командире, представленную еще в отчете ОПЛ в сентябре 1920 г., которую заполнили более 600 человек с различным уровнем образования и служебным положением. Наиболее значимыми качествами для вождя-командира стали волевые качества: “сильная воля, выдержанность, решительность, настойчивость”. Меньшими по значимости выступили коммуникативные, управленческие качества и ценностно-смысловые ориентации: “внимание к подчиненным, умение разбираться в людях, любовь к делу, политическое развитие”.

В докладе указывается, что на основании психологического исследования 250 кандидатов на обучение и уже поступивших слушателей академии были обоснованы критерии психологического отбора поступающих на обучение в академии. Исследование проходило в индивидуальной форме и занимало около двух часов на одного человека. Изучались особенности памяти, внимания и мышления. Была выявлена положительная взаимосвязь ряда показателей с внешним критерием — экзаменационными оценками на вступительных экзаменах (коэффициент корреляции 0.70).

Приведены сведения об исследовании зрительного восприятия, в результате которого выявлены положительные корреляции между скоростью выполнения заданий и успешностью обучения (по экспертным оценкам преподавателей) и другими показателями. Также была разработана методика исследования, направленного на изучение способности к интуитивным решениям.

Таким образом, несмотря на ранее сформулированные задачи ОПЛ, существенная часть исследований была направлена на изучение профессионально важных качеств командного состава РККА, обучавшегося в академии.

Также в отчете упоминается исследование, проведенное ОПЛ по инициативе Политического управления РККА по изучению читательских интересов красноармейцев. Указывается общее количество собранных анкетных листов, содержащих ответы на 15 вопросов, — 10750. Ко времени подготовки отчета было обработано около половины анкет. Промежуточные результаты этого масштабного исследования были опубликованы в статье Н.А. Рыбникова “Что и как читают московские красноармейцы” (1921) и представлены им на первом Всероссийском съезде библиотечных работников Красной армии и Флота “Изучение психологии

читателя” (1922). А в монографии “Массовый читатель и книга” (1925) был приведен полный анализ читательских интересов красноармейцев.

В докладе указывалась важная работа по сбору документов, отражающих индивидуальные переживания, связанные с военным делом, а также по разработке “биографического и психографического материала”.

В планах лаборатории было проведение масштабного исследования интеллекта красноармейцев с использованием шкалы Бине—Симона и изучение индивидуальных особенностей красноармейцев с использованием теста Роршаха (в оригинале — Розбаха). В распоряжении ОПЛ имелся соответствующий оригинальный альбом.

В отчете приводится и такое направление работы ОПЛ, как ответы на обращения военных организаций и подразделений по вопросам военной психологии, например библиотечного отделения Реввоенсовета, Всеобуча, курсов военной маскировки, а также Политуправления РККА.

Отчет завершается перечислением *трудностей*, с которыми сталкивалась ОПЛ в конце 1921 — начале 1922 г.:

- 1) игнорирование руководством академии предложений ОПЛ о включении: разработанного курса по военной психологии в программу обучения слушателей; информационных лекций для слушателей; доклада для военно-научного общества академии (в этот период общество возглавлял начальник академии);
- 2) невозможность попасть на личный доклад к начальнику академии;
- 3) отсутствие финансирования на приобретение оборудования;
- 4) частные переезды ОПЛ в конце 1921 г., приведшие к утрате части данных и оборудования.

Управление делами всех военных академий РККА в марте 1922 г. поручило Г.Ф. Гирсу² изучить деятельность ОПЛ и представить в рапорте ответы на следующие вопросы: насколько целесообразно существование ОПЛ; если целесообразно, то какое место в организационно-штатной структуре военных учебных заведений она должна занимать;

² Георгий Федорович Гирс (1877–1943?) — военный педагог и военный теоретик, в 1905 г. закончил Александровскую военно-юридическую академию, в 20-х годах XX в. был начальником Военно-педагогической академии и главным редактором “Военно-педагогического журнала”. В 1922 г. — штатный преподаватель Военной академии РККА, также выполнял научные поручения Управления делами всех военных академий РККА.

соответствуют ли результаты деятельности ОПЛ задачам РККА; насколько реалистично выполнение тех широких задач, которые ставит перед собой ОПЛ; “можно ли ждать реальных результатов ОПЛ при данной обстановке и при методах работы, принятых в ОПЛ” (РГВА. Ф. 33758. Оп. 1 Д. 105. Л. 2).

В рапорте Г.Ф. Гирса от 11 апреля 1922 г. указывается, что: существование ОПЛ необходимо; ОПЛ занимает адекватное место в организационно-штатной структуре академии; задачи ОПЛ не в полной мере соответствуют задачам армии; поставленные задачи чрезмерно обширны, необходимо сконцентрироваться на “обслуживании кафедры военной психологии” и решении задач только в интересах академии. Содержание последнего пункта рапорта Г.Ф. Гирса противоречит данным о том, что курс психологии в этот период не был включен в учебные планы академии, а в именных списках штатных и нештатных преподавателей академии не указан ни один преподаватель по психологическим дисциплинам. Также Г.Ф. Гирс рекомендует формировать кадровый состав лаборатории в основном из числа офицеров, а при них только в качестве консультантов могли быть психологи.

В целом выводы Г.Ф. Гирса находятся в полном соответствии с содержанием опубликованной им в 1921 г. программной статьи “Задачи науки и военная доктрина в связи с переживаемой нами революционной эпохой”, где он дает оценку развитию военной психологии как слабо разработанной дисциплины для практического применения в военном деле. Вместе с тем военная психология была им указана как неотъемлемая часть системы военного знания [4, с. 53]. Подчеркивая значение “морального фактора” в успехе военных действий, Г.Ф. Гирс отмечал практически полное отсутствие анализа психологического содержания переживаний в условиях боя, особенно в отечественной военной психологии. В качестве первоочередных исследовательских задач для отечественной военной психологии Г.Ф. Гирс указывал изучение “рядового бойца и вождей, действующих в разнообразных условиях боевой обстановки” [Там же, с. 63], особенно — эмоциональных состояний, прежде всего страха [Там же, с. 71]. Вопросы обучения и подготовки командного состава армии, воинских подразделений и отдельных бойцов автор относил к проблематике военной педагогики.

Через 2–3 месяца после проверки, летом 1922 г., была опубликована статья Т.Е. Сегалова о результатах изучения профессионально важных качеств командиров и начальников штабов Красной Армии — слушателей академии. Автор описал специальные

профессионально важные качества военачальников и начальников штабов, выделяя три личностных типа: “предусмотрительные — стратегически мыслящие”, “рассудительные — способные к тактическим действиям (способность принятию к интуитивным верным решениям)” и “исполнительные”. При перечислении личностных качеств, необходимых лицам “исполнительного” типа, автор отмечал такое качество, как нервно-психическая устойчивость, однако не обозначал его специальным термином.

В статье указаны методики, использованные в исследовании, — быстрая сортировка слов по шести категориям (на слух), “штрихат и пунктат, dreivormmethode” (содержание этих методик установить пока не удалось, за исключением того, что “штрихат и пунктат” предполагали выявление способности сосредоточиться на работе, требующей “быстроты и точности руки и глаза и умения не отвлекаться”) [25, с. 61].

Автор выстраивает иерархию уровней волевой одаренности, определяя “исполнительных” как представителей уровня более общего, ниже лежащего по отношению к “рассудительным” и “предусмотрительным”, и указывая, что ниже лежащие уровни волевой одаренности являются необходимой основой для вышележащих. При этом возможности психологического отбора Т.Е. Сегалов видел в отсеке “неспособных” к конкретной деятельности, а не в выявлении наиболее способных.

К сожалению, пока не найдены подробные сведения о последующем развитии событий в ОПЛ, однако стоит отметить несколько фактов.

1. Летом 1922 г. был подготовлен проект штата Военной академии РККА, в котором ОПЛ отсутствовала. Проект штата ОПЛ был подготовлен отдельным документом и предусматривал всего 5 штатных единиц (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1 Д. 186. Л. 48).

2. Изученные материалы начиная с лета 1922 г. не содержат упоминаний о деятельности сотрудников лаборатории первого состава.

3. В опубликованных автобиографиях и трудах профессора Н.А. Рыбникова и профессора Н.И. Жинкина не найдены упоминания об их работе в академии.

С уверенностью можно утверждать, что активная работа лаборатории “первого призыва” завершилась летом 1922 г. Также с сожалением можно констатировать утрату ценных данных, полученных в процессе исследований, результаты которых не были опубликованы. Многие исследования не были доведены до завершения, и в дальнейшем

уже бывшие сотрудники ОПЛ решали вне военного ведомства те научные задачи, которые впервые были поставлены в ОПЛ.

ВТОРОЙ ЭТАП РАБОТЫ ЛАБОРАТОРИИ

В книге учета постоянного состава Военной академии РККА отражено поступление на работу новых сотрудников ОПЛ в конце 1922 — начале 1923 г. Так, Лебедев Петр Петрович (1865—?) стал заведующим ОПЛ. Доктор Дубровин Евгений Алексеевич (1889—?) стал его помощником. Петровский Николай Васильевич (1890—1931?) поступил на должность счетчика ОПЛ, а в последующем стал помощником заведующего. Никольский Николай Петрович (1901—?) работал в ОПЛ сначала в должности статистика, а затем — ассистента. Шумская Зинаида Александровна (1896—?) пришла в ОПЛ в феврале 1923 г. (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 180).

Новое положение об опытной психо-физиологической лаборатории было утверждено 14 июля 1923 г. и предполагало переименование лаборатории, а также изменение тематики исследований (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 189. Л. 49). В полной мере это сделать не удалось. В дальнейшем в документах академии возникла путаница: лабораторию часто называли по первому наименованию — психологической. Вероятно, это отражало несущественные изменения в методах исследований лаборатории.

В положении об опытной психофизиологической лаборатории основной целью ее деятельности указано научное психологическое и физиологическое исследование обучающихся в академии. Задачи лаборатории определялись так: нормирование учебной работы слушателей академии; выяснение их индивидуальных наклонностей и свойств; психофизиологические исследования юношей, обучающихся в военных учебных заведениях при Малом академическом военно-педагогическом совете (МАНПС). Отдельный пункт положения определял порядок назначения заведующего ОПЛ: его кандидатура должна была согласовываться с МАНПС.

Необходимо отметить, что более точное наименование лаборатории было бы не “психофизиологическая”, а “психологическая и антропометрическая”. Экспериментальная работа ОПЛ координировалась секцией психофизиологии МАНПС, членом которой являлся А.П. Нечаев. По указаниям этого совета проводились масштабные антропометрические исследования в военных учебных

заведениях. Представляет интерес, что в заключительном отчете ОПЛ приводятся результаты корреляционного анализа между показателями памяти, внимания, мышления, скорости реакции и 1) оценками слушателей на промежуточных аттестациях и 2) их антропометрическими показателями. И если в первом случае коэффициенты корреляции лежали в диапазоне от 0.37 до 0.73 в зависимости от периода промежуточной аттестации, то во втором случае коэффициенты корреляции варьировались от 0.09 до 0.23.

Об определенном статусе лаборатории свидетельствует приказ Реввоенсовета 1923 г., определивший порядок приема слушателей в академию (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 189. Л. 76). Кандидаты на обучение должны были последовательно пройти: делопроизводство; медицинскую комиссию; опытную психофизиологическую лабораторию; мандатную комиссию; учебные испытания.

Психологическое исследование проводилось в группах по 30–40 человек. Краткое заключение по каждому кандидату предоставлялось в мандатную комиссию не позднее следующего за тестированием дня [17, с. 17].

Приказ Реввоенсовета СССР от 28 сентября 1924 г. № 1208 предписывал расформировать лабораторию в связи с открытием Центральной психофизиологической лаборатории Военного санитарного управления РККА (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 197. Л. 245). Положение о Центральной лаборатории предусматривало ее работу прежде всего в интересах военно-воздушного флота. Это означало полное свертывание систематических психологических исследований в Военной академии РККА. Ранее, в апреле 1924 г., был упразднен Высший академический военно-педагогический совет, в составе которого был учрежден МАНПС.

Основные итоги деятельности ОПЛ в 1923–1924 гг. были изложены в отчете “Опыт психологической работы в Военной академии РККА”. Среди его авторов (П.П. Лебедев, Н.В. Петровский, З.А. Шумская, Н.П. Никольский) уже не было ни одного сотрудника ОПЛ состава 1920 г. В качестве основной задачи ОПЛ указано исследование “психической работоспособности слушателей в связи с их физическим состоянием в конкретных условиях работы” [17], что отличается от задач, сформулированных ранее в положении 1923 г. и свидетельствует о незавершенности цикла исследований.

В отчете подробно описаны используемые при проведении групповых исследований методики, в том числе применяющиеся в работах МАНПС,

заимствованные из арсеналов профессоров Ф.Е. Рыбакова и А.П. Нечаева, а также использованные в исследованиях американской армии.

Необходимо отметить, что заимствование части методик совсем не случайно, поскольку П.П. Лебедев, З.А. Шумская, Н.В. Петровский являлись сотрудниками Московского психоневрологического института, первым руководителем которого являлся Ф.Е. Рыбаков и в котором с 1921 г. работал А.П. Нечаев.

В ОПЛ внимательно относились к изучению американского опыта. До 1924 г. Н.В. Петровский составил альбом тестов, использованных в американской армии. А результатом изучения им организационных и методических аспектов проведенных в США исследований стала статья “Психотехнические испытания в американской армии”, опубликованная весной 1924 г. [18].

На втором этапе работы ОПЛ в исследования были включены более 800 респондентов. В отчете приведены данные изучения динамики работоспособности различных категорий слушателей академии в течение учебного года. Результаты ряда исследований, проведенных в академии, сопоставлялись с данными аналогичных исследований, полученных в других военных учебных заведениях разного уровня, гражданских учебных заведениях, группах рабочих и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В деятельности лаборатории явно прослеживаются два этапа, отличающиеся не только персональным составом сотрудников, но и спектром выполняемых задач. В трудах сотрудников лаборатории в 1920–1922 гг. не обнаруживается единства и согласованности подходов к исследованиям. Скорее они носили поисковый характер и не имели четкого теоретического обоснования и конкретного практического приложения (за исключением изучения читательских интересов красноармейцев). Методологические проблемы прикладной военной психологии обозначались только в работе Н.И. Жинкина, который по своему статусу не мог претендовать на позицию лидера научного коллектива. Также можно с сожалением отметить определенную небрежность и недостаточность в описании исследований, проведенных на этом этапе.

С начала 1923 г. можно говорить о втором этапе деятельности лаборатории. Тематика исследований заметно сузилась и в основном сконцентрировалась на изучении интеллектуально-мнестической сферы слушателей академии, а проблемы

социальной психологии более не затрагивались. Вместе с тем на этом этапе можно отметить общее повышение культуры представления результатов проведенных исследований. Работа лаборатории, по всей видимости, носила более организованный и планомерный характер.

Ценным явилось и прямое обращение к опыту зарубежных армий, и расширение спектра заимствованных методик. Однако признаков программных заявлений не выявлено. Практическую ценность своей работы в 1923–1924 гг. сотрудники лаборатории видели в совершенствовании мероприятий профессионального психологического отбора кандидатов на обучение в академии и консультативном сопровождении процесса обучения. При этом теоретическое обоснование исследований, выбор методического аппарата делегировались психофизиологической секции МАВПС. Другими словами, лаборатория в определенном смысле утратила самостоятельность в научном поиске и не имела свойственных только ей исследовательских задач, что в конечном итоге могло способствовать ее закрытию.

Несмотря на существенные различия в условиях и содержании двух этапов деятельности ОПЛ, их объединяет общая интенция — поиск ответов на злободневные вопросы руководства и командиров РККА в контексте повышения боеспособности войск с использованием возможностей психологической науки.

Таким образом, можно сделать *вывод*, что создание и функционирование ОПЛ может рассматриваться как важный организационный показатель институционализации военно-психологических исследований в РККА [7]. Деятельность ОПЛ определялась соответствующими нормативными документами, работа носила в целом систематизированный и массовый характер, сотрудники контактировали с другими психологами и институциями, проводили достаточно большой объем конкретных эмпирических исследований, многие из них и после закрытия лаборатории остались в психологии и внесли значимый вклад в ее развитие. Деятельность ОПЛ конституировала важнейшее направление военно-психологических исследований — *военный профессиональный психологический отбор*.

Вместе с тем попытки внедрения психологических знаний и психологической практики в РККА не всегда были успешными. Так, при создании академии в 1918 г. была предусмотрена кафедра военной психологии, а в обязательную программу обучения была включена дисциплина “Военная психология”. Вместо этого М.А. Рейснер прочитал курс социальной психологии. Однако в программах

обучения последующих курсов эта дисциплина перестала быть обязательной. Причиной изменений было то, что “всякая попытка ввести в академическое преподавание предметы, не отвечающие... принципу утилитарной науки, встречали со стороны слушателей самое упорное сопротивление. Так было с курсом философии войны, военной психологии... и некоторыми другими” [5, с. 12]. Перечень таких примеров, в которых возникали противоречия между запросами практики и реализуемыми решениями, может быть продолжен. Постепенное разочарование в утилитарных результатах военно-психологических исследований привело к ликвидации ОПЛ, закрытию одних исследовательских тем и перераспределению других в пользу психофизиологии, развивающейся в рамках военной медицины, и забвению ОПЛ на продолжительный период. Реинституционализация отечественных военно-психологических исследований началась только в конце 50-х годов XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бызов Л.А.* Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). С. 107–130.
2. Военная академия РККА. Приказы РВСР 22.06.1922–21.12.1922 // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186.
3. Всероссийский Главный штаб (Всероглавштаб) (8 мая 1918 г. — 10 февраля 1921 г.) // РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 186.
4. *Гирс Г.Ф.* Задачи науки и военная доктрина в связи с переживаемой нами революционной эпохой // Военная наука и революция: военно-научный журнал. 1921. Кн. 1. С. 47–86.
5. Два года красной академии Генерального штаба (1918 — сентябрь 1920 г.): сборник / Под ред. В. Виленского (Сибирякова). М.: ГИЗ, 1921.
6. *Дьячук И.А.* Опытная психологическая лаборатория академии Генерального штаба РККА как прототип психологической службы Вооруженных Сил Российской Федерации // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 53–57.
7. *Елисеева И.Н.* Развитие научной школы теории и методологии профессионального психологического отбора в ВС: критерии, этапы, факторы развития // Историческая преемственность отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитонова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 331–342.
8. *Жинкин Н.И.* Что такое психотехника военного дела // Красная армия. Вестник ВНО. 1921. № 1–2. С. 23–30.
9. *Журавлев А.Л., Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии “VI Московские встречи”, 30 июня — 2 июля 2016 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 7–15.
10. История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “IV Московские встречи”, 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
11. История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “V Московские встречи”, 30 июня — 3 июля 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
12. *Казанцева Е.В.* Библиопсихология Н.А. Рубакина в развитии советской психологии читателя и чтения 1920–30-х годах: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д., 2006.
13. Книга учета постоянного состава Военной академии РККА (1919–1921). № 1 // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 157.
14. Книга учета постоянного состава Военной академии РККА (1922–1925) // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 180.
15. *Лысаков Н.Д., Гандер Д.В., Лысакова Е.Н.* Побеждая время и обстоятельства: “Очерки психологии для летчиков” К.К. Платонова и Л.М. Шварца // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 105–110.
16. *Нечаев А.П.* Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения. 3-е изд. Петроград: Типография П.П. Сойкина, 1917.
17. Опыт психологической работы в военной академии РККА / Лебедев П.П., Петровский Н.В., Шумская З.А. и др. М.: Военная академия РККА, 1925.
18. *Петровский Н.В.* Психологические исследования в американской армии // Военная мысль и революция. 1924. Кн. 3. С. 163–181.
19. Приказ РВСР № 340 от 2 марта 1920 г. // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 9.
20. Приказы по академии. Административно-строевой отдел. 1920 г. Том № 1 // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 159.
21. Приказы по академии. Административно-строевой отдел. 1923 г. № 173–360 // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 189.

22. Приказы по академии. Административно-строевой отдел. 1924 г. // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 197.
23. *Радченко Ю.И.* 25 лет деятельности научно-практического центра военно-профессиональной ориентации и отбора на военную службу // Профессиональный психологический отбор в системе комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации (к 25-летию научно-практического центра военно-профессиональной ориентации и отбора на военную службу) / Под общ. ред. А.В. Сержантова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2019. С. 10–25.
24. *Рыбаков Ф.Е.* Атлас для экспериментально-психологического исследования личности с подробным описанием и объяснением таблиц. СПб.: КАРО, 2008.
25. *Сейгаль.* Классификация командного состава по типам волевой одаренности // Красная армия. Вестник ВНО при Военной академии. 1922. № 16–17. С. 58–62.
26. *Стоюхина Н.Ю.* Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.): Монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2013.
27. Схемы, сведения, переписка о реорганизации военных академий и их деятельности (1921–1922) // РГВА. Ф. 33758. Оп. 1. Д. 105.
28. *Шпильрейн И.Н.* О повороте в психотехнике // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 4–6. С. 247–285.
29. *Эткинд А.* Эрос невозможного История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993.

FROM THE HISTORY OF MILITARY PSYCHOLOGICAL RESEARCH IN THE RED ARMY IN THE 1920s YEARS³⁾

I. N. Yeliseyeva^{1,*}, Yu. N. Oleynik^{2,**}, Yu. I. Radchenko^{1,***}

¹*Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation;
119571, Moscow, Vernadsky av., 100, Russia.*

²*Moscow University for the Humanities;
111395, Moscow, Yunosti str., 5, Russia.*

**PhD, Senior Researcher at the Scientific and Practical Center.*

E-mail: vagsh@mil.ru

***PhD, Head of the Department of General Psychology and the History of Psychology,*

E-mail: yurii03@mail.ru

****Head of the Scientific and Practical Center.*

E-mail: vagsh@mil.ru

Received 12.03.2020

Abstract. The identification of indicators of the institutionalization of psychological knowledge contributes to the reconstruction of the complex dynamics of the development of domestic psychology. As one of such indicators, the creation and operation of officially approved scientific and scientific-practical centers is considered. An indicator of the institutionalization of military psychological research at the beginning of the 1920s was the organization of the Experimental Psychological Laboratory at the Academy of the General Staff of the Red Army. Two stages of her work are distinguished, differing in research topics and personnel. One of the indicators of uninstilling military-psychological research in this historical period was the liquidation of the laboratory.

Keywords: history of psychology, military psychological research, professional psychological selection, psychotechnology, experimental psychological laboratory.

REFERENCES

1. *Byzov L.A.* Institut sotsialnoy psikhologii v Moskve. Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2011. № 4 (104). P. 107–130. (In Russian)
2. *Voyennaya akademiya RPKA.* Prikazy RVSR22.06.1922–21.12.1922. RGVA. F. 24696. Op. 1 D. 186. (In Russian)
3. *Vserossiyskiy Glavnyy shtab (Vseroglavshstab)* (8 maya 1918 g. — 10 fevralya 1921 g.). RGVA. F. 11. Op. 1. D. 186. (In Russian)
4. *Girs G.F.* Zadachi nauki i voyennaya doktrina v svyazi s perezhivayemoy nami revolyutsionnoy epokhoi.

³⁾ The study was supported by the RFBR grant 19-013-00779.

- Voyennaya nauka i revolyutsiya: voyenno-nauchnyy zhurnal. 1921. Kn. 1. P. 47–86. (In Russian)
5. Dva goda krasnoy akademii Generalnogo shtaba (1918 — sentyabr 1920 g.): sbornik. Ed. V. Vilenskiy (Sibiriyakov). Moscow: GIZ. 1921. (In Russian)
 6. *D'yachuk I.A.* Opytnaya psikhologicheskaya laboratoriya akademii General'nogo shtaba RKKA kak prototip psikhologicheskoi sluzhby Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 1. P. 53–57. (In Russian)
 7. *Eliseeva I.N.* Razvitie nauchnoi shkoly teorii i metodologii professional'nogo psikhologicheskogo otbora v VS: kriterii, etapy, faktory razvitiya. Istoricheskaya preemstvennost' otechestvennoi psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Kharitonova, E.N. Kholondovich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 331–342. (In Russian)
 8. *Zhinkin N.I.* Chto takoye psikhotekhnika voyennogo dela. Krasnaya armiya. Vestnik VNO. 1921. № 1–2. P. 23–30. (In Russian)
 9. *Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N.* Izuchenie otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: rezul'taty i perspektivy issledovaniy. Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: sud'by uchenykh, dinamika idei, sodержание kontseptsii. Materialy vserossiiskoi konferentsii po istorii psikhologii "VI Moskovskie vstrechi", 30 iyunya — 2 iyulya 2016 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. P. 7–15. (In Russian)
 10. Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: Postigaya proshloe, ponimat' nastoyashchee, predvidet' budushchee: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii po istorii psikhologii "IV Moskovskie vstrechi", 26–29 iyunya 2006 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2006. (In Russian)
 11. Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: tsenit' proshloe, lyubit' nastoyashchee, verit' v budushchee: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii po istorii psikhologii "V Moskovskie vstrechi", 30 iyunya — 3 iyulya 2009 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2010. (In Russian)
 12. *Kazantseva E.V.* Bibliopsikhologiya N.A. Rubakina v razvitiy sovetskoi psikhologii chitatelya i chteniya 1920–30-kh godakh: Dis. ... kandidata psikhologicheskikh nauk: 19.00.01. Rost. gos. un-t. Rostov-na-Donu, 2006. (In Russian)
 13. Kniga ucheta postoyannogo sostava Voyennoy akademii RKKA (1919–1921). № 1. RGVA. F. 24696. Op. 1. D. 157. (In Russian)
 14. Kniga ucheta postoyannogo sostava Voyennoy akademii RKKA (1922–1925). RGVA. F. 24696. Op. 1. D. 180. (In Russian)
 15. *Lysakov N.D., Gander D.V., Lysakova E.H.* Pobezhdaya vremya i obstoyatel'stva: "Ocherki psikhologii dlya letchikov" K.K. Platonova i L.M. Shvartsa. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. T. 40. № 2. P. 105–110. (In Russian)
 16. *Nechayev A.P.* Sovremennaya eksperimentalnaya psikhologiya v eye otnoshenii k voprosam shkolnogo obucheniya. Izdaniye tret'ye. Petrograd: Tipografiya P.P. Soykina, 1917. (In Russian)
 17. Opyt psikhologicheskoy raboty v voyennoy akademii RKKA. Lebedev P.P., Petrovskiy N.V., Shumskaya Z.A. i dr. M.: Voyennaya akademiya RKKA, 1925. (In Russian)
 18. *Petrovskiy N.V.* Psikhologicheskie issledovaniya v amerikanskoy armii. Voyennaya mysl i revolyutsiya. 1924. Kn. 3. P. 163–181. (In Russian)
 19. Prikaz RVSR № 340 ot 2 marta 1920 g. RGVA. F. 4. Op. 12. D. 9. (In Russian)
 20. Prikazy po akademii. Administrativno-stroyevoy otdel. 1920 g. Tom № 1. RGVA. F. 24696. Op. 1. D. 159. (In Russian)
 21. Prikazy po akademii. Administrativno-stroyevoy otdel. 1923 g. № 173–360. RGVA. F. 24696. Op. 1. D. 189. (In Russian)
 22. Prikazy po akademii. Administrativno-stroyevoy otdel. 1924 g. RGVA. F. 24696. Op. 1 D. 197. (In Russian)
 23. *Radchenko Yu.I.* 25 let deyatel'nosti nauchno-prakticheskogo tsentra voenno-professional'noi orientatsii i otbora na voennuyu sluzhbu. Professional'nyi psikhologicheskii otbor v sisteme komplektovaniya Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii (k 25-letiyu nauchno-prakticheskogo tsentra voenno-professional'noi orientatsii i otbora na voennuyu sluzhbu). Ed. A.V. Serzhantov. Moscow: VAGSh VS RF, 2019. P. 10–25. (In Russian)
 24. *Rybakov F.E.* Atlas dlya eksperimentalno-psikhologicheskogo issledovaniya lichnosti s podrobnym opisaneyem i obyasnением tablits. Saint-Petersburg: KARO. 2008. (In Russian)
 25. *Seygal.* Klassifikatsiya komandnogo sostava po tipam volevoy odarennosti. Krasnaya armiya. Vestnik VNO pri Voyennoy Akademii. 1922. № 16–17. P. 58–62. (In Russian)
 26. *Stoyukhina N.Yu.* Vydayushchiesya psikhologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918–1921 gg.): Monografiya. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013. (In Russian)
 27. Skhemy. svedeniya. perepiska o reorganizatsii voyennykh akademiy i ikh deyatelnosti (1921–1922). RGVA. F. 33758. Op. 1. D. 105. (In Russian)
 28. *Shpil'reyn I.N.* O povorote v psikhotekhnike. Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda. 1931. № 4–6. P. 247–285. (In Russian)
 29. *Etkind A.* Eros nevozmozhnogo Istoriya psikhoanaliza v Rossii. Saint-Petersburg: Meduza, 1993. (In Russian)

УДК 159.9.001.5

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АЛГОРИТМОВ ЦИФРОВОЙ ПСИХОМЕТРИКИ

© 2020 г. В. В. Латынов^{1,*}, Е. А. Шепелева^{2,**}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

²ГБОУ Московский государственный психолого-педагогический университет;
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

* Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: vladlat5@lenta.ru

** Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: e_shep@rambler.ru

Поступила 06.04.2020

Аннотация. Рассматриваются вопросы практического применения алгоритмов психологической диагностики, основанных на цифровых следах пользователей интернета (алгоритмов цифровой психометрики). Дается описание таких алгоритмов, обсуждается точность прогнозирования с их помощью различных индивидуально-психологических характеристик субъекта (личностных черт, эмоциональных состояний, ценностей, мотивов и др.). Выделяются две стратегии использования алгоритмов цифровой психометрики на практике. Одна из них ориентирована на выявление с их помощью индивидуально-психологических особенностей людей и последующее использование полученной информации для решения прикладных задач, другая заключается в использовании цифровых следов непосредственно для прогноза поведенческих, когнитивных и эмоциональных реакций людей в реальной жизни. Обсуждаются возможности применения алгоритмов цифровой психометрики в различных сферах общественной жизни (политике, экономике, здравоохранении и др.). В области политики эти алгоритмы востребованы при проведении избирательных кампаний и осуществлении так называемых психологических операций. В сфере маркетинга основанные на цифровых следах алгоритмы могут применяться при психографической сегментации потребителей, а также для повышения эффективности воздействия рекламы. В этом случае алгоритмы позволяют выявлять психологические особенности людей — объектов рекламного воздействия, что дает возможность использовать наиболее эффективные для них приемы воздействия. В медицине алгоритмы анализа цифровых следов используются для выявления людей, страдающих от какого-либо заболевания, но не обращающихся к врачу; контроля состояния больных и оценки эффективности лечения; профилактики заболеваний и искоренения вредных привычек. Применяются алгоритмы цифровой психометрики и в целях борьбы с преступностью, в частности для прогнозирования поведения преступников. Обсуждается проблема вредоносного использования алгоритмов цифровой психометрики, в частности для манипулирования людьми и нанесения ущерба их здоровью и финансовому положению. Оцениваются перспективы практического применения алгоритмов в ближайшем будущем.

Ключевые слова: цифровая психометрика, цифровые следы, прогнозирование психологических характеристик, рекламное воздействие, персонализированное воздействие, личность, личностные черты.

DOI: 10.31857/S020595920010483-7

Активное проникновение современных информационных и коммуникативных технологий во многие сферы жизни человека ставит перед учеными задачу изучения их влияния на различные стороны жизнедеятельности людей [7]. Данная проблематика получила определенное, хотя явно недостаточное, освещение в современных публикациях [1]. Следует отметить работу Т.А. Нестика

и А.Л. Журавлева, в которой рассматриваются результаты сбора и учета больших данных (*big data*), характеризующих реальное поведение людей, а также позитивные и негативные последствия влияния больших данных на общество, социальные науки и психологическое знание [5]. Анализируются также интернет-технологии, используемые для трансформации массового сознания и поведения

[10], психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах [2], лингвосо-мантические характеристики коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях [6].

В настоящее время одной из наиболее динамично развивающихся областей психологии является так называемая цифровая психометрика [36]. В ее рамках решаются задачи прогнозирования психологических характеристик человека на основании его цифровых следов (текстов в социальных сетях, размещаемых и выбираемых изображений, особенностей интернет-серфинга, данных о телефонных звонках и др.). В настоящее время отсутствует общепринятое наименование для научного направления, в рамках которого осуществляется решение вышеуказанных задач. Для его определения используются различные термины: цифровая психометрика (*digital psychometrics*) [36], психологическая информатика (*psycho-informatics*) [34]. Мы в данной статье для обозначения указанной области будем использовать термин “цифровая психометрика”.

Разработка конкретного алгоритма прогнозирования психологических характеристик на основании цифровых следов, или, более кратко, алгоритма цифровой психометрики, включает два этапа. На первом этапе происходят сбор тех или иных видов цифровых следов (например, текстов) респондентов, а также диагностика их психологических характеристик (например, личностных черт “большой пятерки”). На втором этапе посредством различных математических процедур выясняется, как взаимосвязаны две вышеуказанные группы данных. Используются как относительные простые (корреляционный анализ) [50], так и довольно сложные способы обработки данных — различные варианты машинного обучения: нейронные сети, метод опорных векторов и др. [12; 45]. Итогом математической обработки данных становится набор правил, с помощью которых и происходит прогнозирование психологических характеристик на основании цифровых следов.

В качестве основания для прогноза используются самые разные виды цифровых следов: тексты, изображения, особенности интернет-активности, характеристики телефонных звонков, “лайки” (мне нравится), финансовые транзакции, изменения местоположения человека [12; 22]. Чаще всего в ход идет текстовая информация, почерпнутая из профилей пользователей, блогов, твитов и др. Алгоритмы цифровой психометрики позволяют выявлять различные индивидуально-психологические характеристики человека (личностные черты, эмоциональные состояния, ценности, мотивы и др.) [24; 40; 49].

Наибольшая точность достигается при прогнозировании личностных черт “большой пятерки” [12; 29]. По степени успешности прогноза они располагаются следующим образом (от наиболее успешных к наименее): экстраверсия, открытость опыту, добросовестность, нейротизм, дружелюбие. Эмоциональные состояния, ценности, мотивы и удовлетворенность жизнью прогнозируются несколько хуже. Одновременное использование нескольких видов цифровых следов (например, текстов и изображений), а также более совершенных процедур сбора и анализа данных позволяет существенно повысить точность прогноза [45; 48]. Более подробно содержательные аспекты алгоритмов цифровой психометрики рассмотрены нами в другой статье [4], к которой мы и отсылаем интересующихся.

Впечатляющие достижения, связанные с разработкой основанных на цифровых следах алгоритмов прогнозирования, побуждают задуматься о перспективах их прикладного применения. В данной статье мы сконцентрировались на вопросах применения алгоритмов для решения именно прикладных задач в различных сферах социальной жизни. Задачами данной работы было: выделение стратегий прикладного применения алгоритмов цифровой психометрики; рассмотрение основных сфер применения этих алгоритмов; характеристика положительных и отрицательных сторон использования алгоритмов.

Поскольку российские исследования в области цифровой психометрики начались относительно недавно, то представленная в нашей статье информация, надеемся, будет способствовать более активному изучению этой проблематики, поможет в выборе конкретных направлений исследования, побудит задуматься о новых направлениях практического применения уже разработанных алгоритмов.

СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АЛГОРИТМОВ ЦИФРОВОЙ ПСИХОМЕТРИКИ

Возможны две стратегии использования алгоритмов цифровой психометрики в практических целях. Одна из них основана на выявлении с их помощью индивидуально-психологических особенностей (личностных черт, ценностей, эмоциональных состояний и т.п.) и последующем использовании полученной информации для решения прикладных задач, другая заключается в использовании цифровых следов непосредственно для прогноза поведения людей в реальной жизни.

Рассмотрим каждую из этих стратегий. Как мы уже отмечали, первая стратегия ориентирована на выявление с помощью цифровых следов индивидуально-психологических характеристик и последующее использование полученных данных на практике. К настоящему времени в психологии и смежных науках (политологии, профилактической медицине и др.) накоплен огромный массив данных, касающихся влияния психологических характеристик (личностных черт, ценностей, эмоциональных состояний и др.) на суждения и поведение людей [17; 30]. Однако их широкое применение на практике затруднено из-за сложностей диагностики этих характеристик в реальных условиях жизни.

С появлением основанных на цифровых следах алгоритмов возможности психодиагностики существенно расширяются. Прежде всего с их помощью значительно упрощается сбор данных о психологических особенностях людей. Если раньше необходимо было получать личное согласие респондентов на заполнение специальных опросников, то в эпоху цифровой психометрики подобного согласия не требуется, как нет и необходимости в использовании самих опросников. Значительно ускоряется время сбора данных. Всего за считанные часы или даже минуты можно получить информацию о личностных особенностях тысяч человек.

Современные алгоритмы цифровой психометрики открывают доступ к практическому применению психологических данных, ранее имевших лишь чисто научное значение. Например, уже десятки лет исследуются закономерности влияния психологических особенностей объекта воздействия на эффективность воздействия [9; 25]. Для многих личностных черт разработаны и экспериментально проверены “рецепты” эффективного воздействия, т.е. правила в отношении того, какие психологические механизмы надо использовать для оказания воздействия на лиц того или иного типа (экстравертов, интровертов и т.п.) [11; 38]. Но поскольку в реальности довольно сложно протестировать аудиторию, на которую будет направлено воздействие, то их практическое применение носило весьма ограниченный характер. Алгоритмы цифровой психометрики существенно упрощают эту задачу, что открывает широкие возможности в плане повышения эффективности разного рода рекламных кампаний.

Конкретизируем сказанное на примере такой личностной черты, как дружелюбие. Установлено, что она связана с просоциальным поведением: дружелюбные люди чаще занимаются благотворительностью и более позитивно реагируют на просьбы

о помощи [51]. Выявив посредством “цифровой” диагностики наличие у человека этой черты, благотворительные организации могут не просто обращаться к нему с просьбой о пожертвовании, но и надеяться на позитивный ответ.

Вторая стратегия практического применения цифровой психометрики предполагает использование цифровых следов непосредственно для прогноза поведенческих реакций людей в конкретных ситуациях. Например, в качестве оснований для подобного прогноза может выступать детальная информация о звонках с сотового телефона за определенный период [19]. С ее помощью удалось спрогнозировать точность оплаты (отсутствие задолженностей) за сотовую связь. Данные о телефонных звонках используются и для предсказания вероятности дефолта по кредиту [43]. Причем точность такого прогноза оказалась выше, чем у прогноза, основанного на традиционно используемой банками методике оценки рисков.

Дефолт по кредитам можно с успехом предсказывать и с опорой на данные, полученные из социальных сетей [21]. С опорой на лексику, используемую в социальных сетях, удается прогнозировать рецидивы преступлений [20]. Стоит упомянуть об исследованиях, в которых цифровые следы используются для выяснения того, насколько достоверна обнаруженная в сети информация [46].

Как мы видим, к настоящему времени имеется достаточно много примеров успешной реализации ориентированной на поведение стратегии в различных сферах общественной жизни, что позволяет с оптимизмом оценивать ее перспективы.

НАПРАВЛЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ АЛГОРИТМОВ ЦИФРОВОЙ ПСИХОМЕТРИКИ

Алгоритмы прогнозирования психологических характеристик по цифровым следам могут быть использованы во многих областях жизни общества: политике, экономике, здравоохранении и др. Рассмотрим основные направления их применения в указанных областях.

В сфере политики алгоритмы цифровой психометрики будут, скорее всего, наиболее востребованы при проведении избирательных кампаний. В последние годы такие кампании становятся все более персонализированными, т.е. учитывающими индивидуальные особенности избирателей [40]. Вводятся даже специальные термины “микротаргетирование” или “микротаргетированные кампании”.

Важнейшим элементом таких кампаний является сбор самых разных данных об избирателях. В этот список входят: политические предпочтения, вероятность участия в выборах, личностные особенности, наиболее значимые для человека темы кампании (например, экономика, социальная политика, безопасность и др.) и т.д. На основании собранной об избирателях информации выделяются отдельные группы, объединенные некоторым общим признаком или признаками. В дальнейшем предвыборная агитация в их адрес организуется таким образом, чтобы ее форма и содержание соответствовали индивидуальным особенностям входящих в такие группы избирателей.

Микротаргетирование, например, активно использовалось в предвыборных кампаниях Б. Обамы в 2008 и 2012 г. А его применение организаторами предвыборной кампании Д. Трампа даже спровоцировало скандал, связанный с несанкционированным использованием данных пользователей Фейсбука компанией “Кембридж Аналитика”. Как показывают исследования, микротаргетированные кампании более эффективны, чем традиционные, ориентированные на охват широкой аудитории [33].

Возможности микротаргетирования были продемонстрированы и в работе Л. Кротзeka [31]. Этот ученый, выявив личностные особенности избирателей, постарался соответствующим образом адаптировать обращенную к ним политическую рекламу. Такого рода персонализированная реклама оказалась более эффективной по сравнению с неперсонализированной: в случае конгруэнтности личностных особенностей избирателей и сообщения в поддержку политика достигалось более позитивное к нему отношение.

Использование алгоритмов цифровой психометрики позволяет существенно облегчить и ускорить сбор данных об избирателях. С их помощью можно выявлять многие из характеристик, необходимых для организации микротаргетированных кампаний. Например, на основании разных видов цифровых следов (текстов, “лайков”, метаданных) можно прогнозировать политические предпочтения людей [29].

Весьма полезна для организаторов кампаний будет и информация о личностных чертах избирателей, полученная посредством цифровой диагностики. Дело в том, что есть много данных, касающихся их взаимосвязи с политическим поведением [17]. Так, на материале нескольких стран (США, Германии, Дании) обнаружена личностная обусловленность голосования за популистские партии [14]. Общее в программе таких партий — это

противопоставление продажной, коррумпированной, думающей только о себе элите и хороших простых людей, ею эксплуатируемых. Выяснилось, что подобная картина мира находит отклик у избирателей определенного психологического типа. Речь идет о людях с низким уровнем такой личностной черты, как дружелюбие, что свидетельствует об эгоизме, враждебности и недоверии по отношению к окружающим, низких толерантности и кооперативности. В сфере политики они склонны не доверять политикам, обнаруживают низкую политическую эффективность, а также чаще верят в разного рода конспирологические теории. Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что на так называемых недружелюбных лиц эффективно действует предвыборная агитация, упрощающая представления о политике и обществе.

Помимо “внутриполитического” применения алгоритмов цифровой психометрики возможно их использование при проведении так называемых психологических операций [44]. Так, вводится понятие “киберличность”, включающее всю совокупность цифровых следов, связанных с конкретным человеком. Выделяются иерархические уровни ее структуры (физический, синтаксический, семантический и др.). По мнению М. Саргонена с соавт., это создает основу для использования индивидуально ориентированных тактик воздействия, что позволяет существенно повысить эффективность психологических операций.

Кроме политики алгоритмы цифровой психометрики могут использоваться в сфере маркетинга, в частности для повышения эффективности воздействия рекламы. Ранее (в “доцифровую” эпоху) в экспериментах неоднократно было продемонстрировано влияние личностных особенностей объекта рекламного воздействия на его эффективность [3; 8]. Например, экстраверты оказались более восприимчивыми к аргументации, основанной на привлекательных для них характеристиках объекта (“это будет особенно интересно для тех, кто получает удовольствие от общения с другими людьми”) [15]. Интроверты же более часто демонстрировали изменение установок под воздействием сообщений, релевантных свойственным им характеристикам (“для тех, кто любит тишину и покой”). Из-за трудностей выявления личностных характеристик аудитории, к которой обращена реклама, применение указанных закономерностей на практике было сильно затруднено. В настоящее время в связи с появлением многочисленных алгоритмов прогнозирования личности по цифровым следам

открываются новые возможности их практического применения.

Современные исследования, в которых диагностика личностных черт объекта рекламного воздействия осуществлялась на основании цифровых следов, демонстрируют обнадеживающие результаты. Так, Г. Чен с соавт., используя для прогноза личностных черт их лексические корреляты, показали, что эффективность рекламных сообщений в Твиттере зависит от личностных особенностей его получателей [16]. Если тип сообщения был конгруэнтен личностным особенностям пользователей, то значительно возрастала (более чем в два раза) вероятность их перехода на рекламируемый сайт.

Возможности лично-ориентированной рекламы были продемонстрированы в серии исследований, выполненных в рамках проекта *MyPersonality.org* [36]. Для получения информации о личностных особенностях респондентов использовался такой вид цифровых следов, как “лайки” (мне нравится). Затем им предъявлялись четыре варианта рекламных сообщений (для интровертов и экстравертов, для лиц с высокой и низкой открытостью опыту), а также проводилась оценка эффективности воздействия этих сообщений. Максимальная эффективность воздействия достигалась в случае совпадения личностных особенностей и типа сообщения, т.е. в том случае, когда, например, экстраверты получали сообщение, текст и визуальный ряд которого наиболее соответствовал, по мнению ученых, этому личностному типу. Следует отметить, что в качестве критерия эффективности рекламы использовались как клики (в случае конгруэнтных сообщений их количество возрастало на 40%), так и данные о продажах рекламируемых товаров (рост на 50%).

Важное прикладное значение имеет и тот факт, что при помощи цифровых следов можно выявлять эмоциональное состояние человека. Дело в том, что в психологии накоплены многочисленные данные о влиянии состояния человека — объекта воздействия на эффективность воздействия [27]. Так, человек, находящийся в позитивном эмоциональном состоянии, более восприимчив к аргументам, сформулированным позитивно (“если вы бросите курить, сможете дольше прожить”), а человек грустный и депрессивный — к аргументам, сформулированным негативно (“если вы не бросите курить, то рано умрете”). Установлено также, что переживание негативных эмоций, как правило, стимулирует проведение систематического анализа поступающих сообщений, что делает человека более подверженным воздействию в тех случаях, когда ему предъявляются “сильные” (т.е. веские,

доказательные) аргументы в поддержку некоторого тезиса.

Цифровая психометрика со своей стороны обладает многочисленными алгоритмами диагностики эмоциональных состояний на основании самых разных цифровых следов: текстов, визуального материала (фото профиля в социальных сетях, размещаемых в сети изображений и их оценок), особенностей звонков по сотовому телефону, изменений местоположения и др. [24; 42]. Наличие таких алгоритмов позволяет персонализировать рекламное воздействие с учетом не только личностных особенностей адресата, но и его эмоционального состояния.

Еще одно направление маркетингового применения цифровой психометрики связано с психографической сегментацией потребителей, т.е. выделением в их общей массе отдельных подгрупп, различающихся характером потребительских привычек [26; 32]. Такая сегментация может основываться на интересах, ценностях, установках, личностных чертах. Психографическая сегментация используется для оценки предпочтений потребителей и прогноза их поведения.

Оригинальный и весьма перспективный в плане маркетингового применения подход к прогнозированию личностных черт был реализован Д. Рингбеком с соавт. [41]. В качестве оснований для прогноза использовались разнообразные характеристики веб-серфинга при посещении интернет-магазина (количество кликов, время, затрачиваемое на просмотр различных страниц, характер просматриваемого содержания и др.). Подобный подход позволил с высокой точностью спрогнозировать как черты “большой пятерки”, так и другие личностные особенности (потребность в познании, потребность в возбуждении, рационализм). Такой вариант использования цифровых следов весьма перспективен в плане применения в электронной коммерции. Разработанный алгоритм позволяет осуществлять диагностику личностных особенностей посетителей электронного магазина непосредственно в процессе его посещения. Собранный таким образом информация может быть использована для достижения самых разных целей: от оценки потребительских предпочтений и выдачи персонализированных рекомендаций до изменения дизайна посещаемых страниц в соответствии с личностными особенностями посетителей.

Алгоритмы цифровой психометрики могут быть использованы и в медицине. Одно из направлений их применения в этой области связано с выявлением лиц, страдающих тем или иным заболеванием, но не получающих лечения. Особенно это

актуально в отношении психических болезней. Ведь многие люди с подобными расстройствами просто не обращаются за помощью в силу ряда причин (сниженной мотивации, страха стигматизации, отсутствия веры и надежды на излечение). Полученная на основании цифровых следов информация может использоваться для предложения таким лицам помощи специалистов. Проведенные исследования позволяют с оптимизмом оценивать перспективы данного направления. Это связано со значительным прогрессом, достигнутым в сфере “цифровой” диагностики депрессивных расстройств и других психических заболеваний [37].

Помимо эмоциональных расстройств с помощью цифровых следов (текстовые сообщения из Твиттера) удается предсказывать суицидальные попытки [28]. Суицидальная идеация (мысли о самоубийстве или излишняя озабоченность самоубийством) оказалась связана с дистанцированием от окружающих, слабой координацией с социумом, низкой социальной вовлеченностью, проявлениями безнадежности, тревоги и одиночества [18]. Цифровые следы могут использоваться и для контроля состояния больных и оценки эффективности лечения [37].

Еще одно направление применения основанных на цифровых следах алгоритмов в медицине связано с проведением кампаний по борьбе с вредными привычками и профилактике заболеваний. Появление таких алгоритмов открывает новые перспективы широкого использования в этих кампаниях так называемого персонализированного воздействия. Подобное воздействие предполагает учет индивидуальных особенностей объекта воздействия, таких, например, как пол, возраст, профессия, этническая принадлежность, интересы, ценности, личностные черты и др. Неоднократно было показано, что персонализация сообщений способствует большей эффективности воздействия при изменениях касающихся здоровья мнений, установок и поведения людей [47]. Если раньше применение персонализированного воздействия на практике носило ограниченный характер из-за трудностей получения данных об индивидуальных особенностях людей, то с развитием алгоритмов цифровой психометрики возможности выявления таких особенностей существенно расширяются.

Используются алгоритмы цифровой психометрики и в целях борьбы с преступностью. Направлений их криминологического применения очень много, но мы рассмотрим лишь одно из них, соответствующее тематике данной статьи. Речь идет об использовании цифровых следов для прогнозирования поведения преступников. Такой прогноз

осуществляется, как правило, на основании анализа текстовой продукции в социальных сетях и на форумах. Примером может служить работа, в которой с помощью программы анализа текстов *LISC* были выделены особенности лексики, характерные для лиц, повторно совершавших преступления сексуального характера [20].

ПРОБЛЕМА ВРЕДНОСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АЛГОРИТМОВ ЦИФРОВОЙ ПСИХОМЕТРИКИ

Обсуждая прикладные аспекты цифровой психометрики, нельзя не затронуть проблему их возможного вредоносного использования. Как и всякое достижение прогресса, алгоритмы “цифровой” диагностики имеют не только плюсы, но и минусы. В одних руках они будут служить благим целям, а в других — использоваться для манипулирования людьми и нанесения им ущерба. Так, мы уже сообщали о подверженности людей с определенными психологическими особенностями популистской пропаганде [14]. Чем это не повод для политтехнологов, отвечающих за проведение избирательных кампаний популистских партий, выявлять таких людей посредством “цифровых” алгоритмов и сосредоточивать на них политическую агитацию.

Еще несколько примеров такого рода. Установлено, что люди с высокими значениями по шкале дружелюбия часто оказываются жертвами фишинга — одного из видов интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей — логинам и паролям [39]. В данном случае способ вредоносного применения “цифровых” алгоритмов очевиден: обнаружение с их помощью людей с подобной психологической особенностью и последующая фишинговая атака на них.

Уже неоднократно, в том числе и “отцами-основателями” цифровой психометрики (М. Косински, Д. Стилвеллом и др.), высказывались опасения по поводу того, что персонализированная на основании цифровых следов реклама может использоваться представителями игровой индустрии для привлечения клиентов в интернет-казино и букмекерские конторы [22; 36]. Для подобных опасений есть серьезные основания. Как известно, в плане развития игровой зависимости особенно опасно одновременное наличие у человека нескольких черт: импульсивности, эмоциональной ранимости, поиска ощущений [13]. Именно при таком сочетании черт существенно возрастает вероятность возникновения подобных нарушений, приносящих

серьезный вред как самому человеку-игроману, так и его близким. В эпоху “цифровых” алгоритмов выявление лиц подобного психологического типа владельцами игровых сайтов не составит труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существуют две стратегии использования алгоритмов цифровой психометрики на практике. Одна из них ориентирована на выявление с их помощью индивидуально-психологических особенностей и последующим использованием полученной информации для решения прикладных задач, другая заключается в использовании цифровых следов непосредственно для прогноза поведенческих, когнитивных и эмоциональных реакций людей в реальной жизни. Как показали исследования и первый опыт прикладного использования алгоритмов цифровой психометрики, они с успехом могут решать самые разные задачи во многих сферах общественной жизни (политике, экономике, медицине и др.). К сожалению, существует проблема вредоносного использования алгоритмов цифровой психометрики, в частности, для манипулирования людьми и нанесения ущерба их здоровью и финансовому положению.

В заключение оценим перспективы практического применения алгоритмов цифровой психометрики. Если в настоящее время акцент делается на разработке таких алгоритмов (примеров их прикладного применения относительно мало), то в ближайшем будущем (5–10 лет) следует ожидать активизации их применения на практике. Этому будет способствовать ряд факторов. Прежде всего возрастет точность прогнозирования психологических характеристик, обусловленная совместным использованием нескольких видов цифровых следов (текстов, изображений, особенностей интернет-серфинга и др.), а также совершенствованием методов обработки данных (различные методы машинного обучения). Кроме того, будут развиваться способы “встраивания” алгоритмов в сетевую активность людей. Мы уже упоминали о реализованном Д. Рингбеком с соавт. [40] оригинальном подходе, в рамках которого диагностика личностных особенностей посетителей интернет-магазина осуществлялась непосредственно в процессе его посещения. Следует ожидать также и расширения круга решаемых алгоритмами цифровой психометрики задач, относящихся к самым разным сферам общественной жизни (политике, экономике, здравоохранению, образованию и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виленская Г.А.* Исследования психологии интернета в “Психологическом журнале”: некоторые итоги и перспективы // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 4. С. 5–14.
2. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
3. *Латынов В.В.* Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
4. *Латынов В.В., Овсянникова В.В.* Прогнозирование психологических характеристик человека на основании его цифровых следов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 1. С. 166–180.
5. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Анализ больших данных в психологии и социогуманитарных науках: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 5–17.
6. *Никишина В.Б., Петраш Е.А., Запесоцкая И.В.* Лингвососемантические характеристики коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях // Психологический журнал. 2017. № 5. С. 69–79.
7. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Д.А. Китовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
8. Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.
9. Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
10. *Соснин В.А.* Интернет-технологии в основе трансформации массового сознания и поведения // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Д.А. Китовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 27–35.
11. *Alkış N., Temizel T.* The impact of individual differences on influence strategies // Personality and Individual Differences. 2015. V. 87. P. 147–152.
12. *Azucar D., Marengo D., Settanni M.* Predicting the big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. V. 124. P. 150–159.
13. *Bagby R.M., Vachon D.D., Bulmash E.L., Toneatto T., Quilty L.C., Costa P.T.* Pathological gambling and the five-factor model of personality // Personality and Individual Differences. 2007. V. 43. P. 873–880.

14. *Bakker B.N., Rooduijn M., Schumacher G.* The psychological roots of populist voting: Evidence from the United States, the Netherlands and Germany // *European Journ. of Political Research*. 2016. V. 55. P. 302–320.
15. *Chang C.* Self-congruency as a cue in different advertising-processing contexts // *Communication Research*. 2002. V. 29. P. 503–536.
16. *Chen J., Haber E., Kang R., Hsieh G., Mahmud J.* Making use of derived personality: the case of social media ad targeting // *Proceedings of the Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2015. P. 51–60.
17. *Cichocka A., Dhont K.* The personality bases of political ideology and behavior // *The Sage handbook of personality and individual differences* / Eds. V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. London: SAGE Publications, 2018. P. 323–352.
18. *De Choudhury M., Kiciman E., Dredze M., Copper-smith G., Kumar M.* Discovering shifts to suicidal ideation from mental health content in social media // *Proc. Conf. Human Factors Comput. Systems*. San Jose. CA. 2016. P. 2098–2110.
19. *Doyle C., Herga Z., Dipple S., Szymanski B., Korniss G., Mladenic D.* Predicting complex user behavior from CDR based social networks // *ArXiv*. 2019. V. 2. P. 1–28.
20. *Drouin M., Boyd R.L., Greidanus Romaneli M.* Predicting recidivism among internet child sex sting offenders using psychological language analysis // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2018. V. 21. P. 78–83.
21. *Ge R., Feng J., Gu B., Zhang P.* Predicting and deterring default with social media information in peer-to-peer lending // *Journ. of Management Information Systems*. 2017. V. 34. P. 401–424.
22. *Gladstone J.J., Matz S.C., Lemaire A.* Can psychological traits be inferred from spending? Evidence from transaction data // *Psychological Science*. 2019. URL: http://discovery.ucl.ac.uk/10076117/3/Gladstone_final%20manuscript.pdf (accessed: 15.02.2020).
23. *Golbeck J.* Predicting personality from social media text // *AIS Transactions on Replication Research*. 2016. V. 2. P. 2.
24. *Guntuku S.C., Preotiuc-Pietro D., Eichstaedt J.C., Ungar L.* What twitter profile and posted images reveal about depression and anxiety // *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2019. V. 13. P. 236–246.
25. *Hirsh J.B., Kang S.K., Bodenhausen G.V.* Personalized persuasion: Tailoring persuasive appeals to recipients' personality traits // *Psychological Science*. 2012. V. 23. P. 578–581.
26. *Huang Y., Liu H., Li W., Wang Z., Hu X., Wang W.* Life-styles in Amazon: Evidence from online reviews enhanced recommender system // *International Journ. of Market Research*. 2019. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1470785319844146> (accessed: 15.02.2020).
27. *Hullett C.R.* The impact of mood on persuasion // *Communication Research*. 2005. V. 32. P. 423–442.
28. *Jashinsky J., Burton S.H., Hanson C.L., West J., Giraud-Carrier C.* Tracking suicide risk factors through Twitter in the US // *Crisis*. 2014. V. 35. P. 51–59.
29. *Kosinski M., Stillwell D., Graepel T.* Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2013. V. 110. P. 5802–5805.
30. *Krebs P., Prochaska J.O., Rossi, J.S.* A meta-analysis of computer-tailored interventions for health behavior change // *Preventive Medicine*. 2010. V. 51. P. 214–221.
31. *Krotzek L.J.* Inside the voter's mind: The effect of psychometric microtargeting on feelings toward and propensity to vote for a candidate // *International Journ. of Communication*. 2019. V. 13. P. 3609–3629.
32. *Liu H., Huang Y., Wang Z., Liu K., Hu X., Wang W.* Personality or value: A comparative study of psychographic segmentation based on an online review enhanced recommender system // *Applied Sciences*. 2019. V. 9. P. 19–92.
33. *Madsen J.K., Pilditch T.D.* A method for evaluating cognitively informed micro-targeted campaign strategies: An agent-based model proof of principle // *PLoS ONE*. 2018. V. 13. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0193909> (accessed: 15.02.2020).
34. *Markowetz A., Błaszczewicz K., Montag C., Switala C., Schlaepfer T.E.* Psycho-informatics: Big data shaping modern psychometrics // *Medical Hypotheses*. 2014. V. 82. P. 405–411.
35. *Matz S., Kosinski M., Nave G., Stillwell D.* Psychological targeting as an effective approach to digital mass persuasion // *Proceedings of the National Academy of Sciences U.S.A.* 2017. V. 114. P. 12714–12719.
36. *Matz S., Kosinski M., Stillwell D., Nave G.* Psychological framing as an effective approach to real-life persuasive communication / Eds. A. Gneezy, V. Griskevicius, P. Williams. *Advances in Consumer Research*. V. 45. Association for Consumer Research. Duluth, MN, 2017. P. 276–281.
37. *Mohr D.C., Zhang M., Schueller S.M.* Personal sensing: understanding mental health using ubiquitous sensors and machine learning // *Annual review of clinical psychology*. 2017. V. 13. P. 23–47.
38. *Orji K.* The Impact of cultural differences on the persuasiveness of influence strategies // *Adjunct proceedings of the 11th international conference on Persuasive Technology*. 2016. P. 38–41.
39. *Parrish Jr. J.L., Bailey J.L., Courtney J.F.* A personality based model for determining susceptibility to phishing attacks // *Decision Sciences Institute*. 2009. P. 285–296.
40. *Raynauld V., Turcotte A.* “Different strokes for different folks”: implications of voter micro-targeting and appeal

- in the age of Donald Trump // *Political Marketing in the 2016 U.S. Presidential Election* / Ed. Gillies J. Palgrave Macmillan, Cham., 2018. P. 11–28.
41. Ringbeck D., Seeberger D., Huchzermeier A. Toward personalized online shopping: Predicting personality traits based on online shopping behavior // SSRN. 2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3406297 (accessed: 15.02.2020).
 42. Saeb S., Lattie E., Schueller S.M., Kording K., Mohr D.C. The relationship between mobile phone location sensor data and depressive symptom severity // *Peer J*. 2016. V. 4. P. 2537.
 43. San Pedro J., Proserpio D., Oliver N. Mobiscore: towards universal credit scoring from mobile phone data // *International Conference on User Modeling, Adaptation, and Personalization*. Springer. 2015. P. 195–207.
 44. Sartonen M., Simola P., Timonen J., Lovén L. Cyber personalities as a target audience // *European Conference on Cyber Warfare and Security*. 2017. P. 411–418.
 45. Stachl C., Au Q., Schoedel R., Buschek D., Völkel S., Schuwerk T., Bühner M. Behavioral patterns in smartphone usage predict big five personality traits // *PsyArXiv*. 2019. URL: <https://psyarxiv.com/ks4vd/> (accessed: 15.02.2020).
 46. Tschatschek S., Singla A., Rodriguez M., Merchant A., Krause A. Fake news detection in social networks via crowd signals // *Companion Proceedings of The Web Conference*. 2018. P. 517–524.
 47. Updegraff J.A., Rothman A.J. Health message framing: moderators, mediators, and mysteries // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. V. 7. P. 668–679.
 48. Wendlandt L., Mihalcea R., Boyd R.L., Pennebaker J.W. Multimodal analysis and prediction of latent user dimensions // *International Conference on Social Informatics*. Springer. 2017. P. 323–340. URL: <http://web.eecs.umich.edu/~mihalcea/papers/wendlandt.socinfo17.pdf> (accessed: 15.02.2020).
 49. Wilson S.R. Natural language processing for personal values and human activities University of Michigan. 2019. URL: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/150025/steverw_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 15.02.2020).
 50. Yarkoni T. Personality in 100,000 words: A large-scale analysis of personality and word use among bloggers // *Journal of Research in Personality*. 2010. V. 44. P. 363–373.
 51. Yarkoni T., Ashar Y.K., Wager T.D. Interactions between donor Agreeableness and recipient characteristics in predicting charitable donation and positive social evaluation // *Peer J*. 2015. V. 3. P. e1089. URL: <https://peerj.com/articles/1089/> (accessed: 15.02.2020).

APPLIED ASPECTS OF THE USE OF ALGORITHMS OF DIGITAL PSYCHOMETRICS

V. V. Latynov^{1,*}, E. A. Shepeleva^{2,**}

¹*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.*

²*Moscow State Psychological and Pedagogical University;
127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia.*

*PhD (Psychology), Senior Researcher. E-mail: vladlat5@lenta.ru

**PhD (Psychology), Senior Researcher. E-mail: e_shep@rambler.ru

Received 06.04.2020

Abstract. Problems of practical application of algorithms for psychological diagnostics based on digital traces (algorithms for digital psychometrics) are discussed in the article. The algorithms are described; predictive capability for various individual psychological characteristics (personal traits, emotional states, values, motives, etc.) is discussed. Two strategies in application of algorithms of digital psychometrics are identified. The first one is focused on identifying of individual psychological characteristics and the subsequent use of the obtained information for solving applied problems, another problem is the use of digital traces for prediction of behavioral, cognitive and emotional reactions of people in real life. The possibilities of applying digital psychometrics algorithms for various spheres of public life (politics, economics, healthcare, etc.) are discussed. In the field of politics, these algorithms are in demand when conducting election campaigns and performing so-called psychological operations. In the field of marketing, digital trace-based algorithms can be used for psychographic segmentation of consumers, as well as for increasing of advertising effectiveness. In this case, the algorithms allow the identification of psychological characteristics of people who are objects of advertising influence,

providing an opportunity to use the most effective methods of influence for this particular psychological type. In medicine, they are used for identification of patients who do not consult a doctor; monitor the condition of patients and evaluate the effectiveness of treatment; prevent diseases and combat bad habits. Digital psychometrics algorithms are also used to combat crime, in particular, to predict the behavior of criminals. The problem of malicious use of digital psychometrics algorithms, in particular for manipulating people and causing damage for their health and financial situation, is discussed. The prospects for practical application of algorithms in the near future are evaluated.

Keywords: digital psychometrics, digital traces, prediction of psychological characteristics, advertising impact, personalized impact, personality, personality traits.

REFERENCES

1. *Vilenskaya G.A.* Issledovaniya psihologii interneta v "Psihologicheskom zhurnale": nekotorye itogi i perspektivy. *Psihologicheskij zhurnal*. 2019. V. 40. № 4. P. 5–14. (In Russian)
2. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A.* Psihologicheskie osobennosti kollektivnogo tvorchestva v setevykh soobshchestvah. *Psihologicheskij zhurnal*. 2016. V. 37. № 2. P. 19–28. (In Russian)
3. *Latynov V.V.* Psihologiya kommunikativnogo vozdeystviya. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2013. (In Russian)
4. *Latynov V.V., Ovsyannikova V.V.* Prognozirovaniye psihologicheskikh harakteristik cheloveka na osnovanii ego cifrovyykh sledov. *Psihologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 2020. V. 17. № 1. P. 166–180. (In Russian)
5. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Analiz bol'shih dannykh v psihologii i sociogumanitarnykh naukah: perspektivnyye napravleniya issledovaniy. *Psihologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 6. P. 5–17. (In Russian)
6. *Nikishina V.B., Petrash E.A., Zapesockaya I.V.* Lingvosemanticheskie harakteristiki kommunikativnogo povedeniya molodezhi v social'nykh setyakh. *Psihologicheskij zhurnal*. 2017. № 5. P. 69–79. (In Russian)
7. Psihologicheskie issledovaniya global'nykh processov: predposylki, tendencii, perspektivy. Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
8. Psihologicheskoe vozdeystvie v mezhlichnostnoy i massovoy kommunikacii. Eds. A.L. Zhuravlev, N.D. Pavlova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2014. (In Russian)
9. Psihologicheskoe vozdeystvie: mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodeystviya. Eds. A.L. Zhuravlev, N.D. Pavlova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. (In Russian)
10. *Sosnin V.A.* Internet-tekhnologii v osnove transformacii massovogo soznaniya i povedeniya. Psihologicheskie issledovaniya global'nykh processov: predposylki, tendencii, perspektivy. Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 27–35. (In Russian)
11. *Alkış N., Temizel T.* The impact of individual differences on influence strategies. *Personality and Individual Differences*. 2015. V. 87. P. 147–152.
12. *Azucar D., Marengo D., Settanni M.* Predicting the big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*. 2018. V. 124. P. 150–159.
13. *Bagby R.M., Vachon D.D., Bulmash E.L., Toneatto T., Quilty L.C., Costa P.T.* Pathological gambling and the five-factor model of personality. *Personality and Individual Differences*. 2007. V. 43. P. 873–880.
14. *Bakker B.N., Rooduijn M., Schumacher G.* The psychological roots of populist voting: Evidence from the United States, the Netherlands and Germany. *European Journ. of Political Research*. 2016. V. 55. P. 302–320.
15. *Chang C.* Self-congruency as a cue in different advertising-processing contexts. *Communication Research*. 2002. V. 29. P. 503–536.
16. *Chen J., Haber E., Kang R., Hsieh G., Mahmud J.* Making use of derived personality: the case of social media ad targeting. *Proceedings of the Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2015. P. 51–60.
17. *Cichočka A., Dhont K.* The personality bases of political ideology and behavior. *The Sage handbook of personality and individual differences*. Eds.: V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. London: SAGE Publications, 2018. P. 323–352.
18. *De Choudhury M., Kiciman E., Dredze M., Copper-smith G., Kumar M.* Discovering shifts to suicidal ideation from mental health content in social media. *Proc. Conf. Human Factors Comput. Systems*. San Jose. CA, 2016. P. 2098–2110.
19. *Doyle C., Herga Z., Dipple S., Szymanski B., Korniss G., Mladenec D.* Predicting complex user behavior from CDR based social networks. *ArXiv*. 2019. V. 2. P. 1–28.
20. *Drouin M., Boyd R.L., Greidanus Romaneli M.* Predicting recidivism among internet child sex sting offenders using psychological language analysis. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2018. V. 21. P. 78–83.
21. *Ge R., Feng J., Gu B., Zhang P.* Predicting and deterring default with social media information in peer-to-peer lending. *Journ. of Management Information Systems*. 2017. V. 34. P. 401–424.

22. Gladstone J.J., Matz S.C., Lemaire A. Can psychological traits be inferred from spending? Evidence from transaction data. *Psychological Science*. 2019. URL: http://discovery.ucl.ac.uk/10076117/3/Gladstone_final%20manuscript.pdf (accessed: 15.02.2020).
23. Golbeck J. Predicting personality from social media text. *AIS Transactions on Replication Research*. 2016. V. 2. P. 2.
24. Guntuku S.C., Preotiuc-Pietro D., Eichstaedt J.C., Ungar L. What twitter profile and posted images reveal about depression and anxiety. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2019. V. 13. P. 236–246.
25. Hirsh J.B., Kang S.K., Bodenhausen G.V. Personalized persuasion: Tailoring persuasive appeals to recipients' personality traits. *Psychological Science*. 2012. V. 23. P. 578–581.
26. Huang Y., Liu H., Li W., Wang Z., Hu X., Wang W. Life-styles in Amazon: Evidence from online reviews enhanced recommender system. *International Journ. of Market Research*. 2019. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1470785319844146> (accessed: 15.02.2020).
27. Hullett C.R. The impact of mood on persuasion. *Communication Research*. 2005. V. 32. P. 423–442.
28. Jashinsky J., Burton S.H., Hanson C.L., West J., Giraud-Carrier C. Tracking suicide risk factors through Twitter in the US. *Crisis*. 2014. V. 35. P. 51–59.
29. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. V. 110. P. 5802–5805.
30. Krebs P., Prochaska J.O., Rossi J.S. A meta-analysis of computer-tailored interventions for health behavior change. *Preventive Medicine*. 2010. V. 51. P. 214–221.
31. Krotzek L.J. Inside the voter's mind: The effect of psychometric microtargeting on feelings toward and propensity to vote for a candidate. *International Journ. of Communication*. 2019. V. 13. P. 3609–3629.
32. Liu H., Huang Y., Wang Z., Liu K., Hu X., Wang W. Personality or value: A comparative study of psychographic segmentation based on an online review enhanced recommender system. *Applied Sciences*. 2019. V. 9. P. 19–92.
33. Madsen J.K., Pilditch T.D. A method for evaluating cognitively informed micro-targeted campaign strategies: An agent-based model proof of principle. *PLoS ONE*. 2018. V. 13. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0193909> (accessed: 15.02.2020).
34. Markowitz A., Błaszczewicz K., Montag C., Switala C., Schlaepfer T.E. Psycho-informatics: Big data shaping modern psychometrics. *Medical Hypotheses*. 2014. V. 82. P. 405–411.
35. Matz S., Kosinski M., Nave G., Stillwell D. Psychological targeting as an effective approach to digital mass persuasion. *Proceedings of the National Academy of Sciences U.S.A.* 2017. V. 114. P. 12714–12719.
36. Matz S., Kosinski M., Stillwell D., Nave G. Psychological framing as an effective approach to real-life persuasive communication. Eds. A. Gneezy, V. Griskevicius, P. Williams. *Advances in Consumer Research*. V. 45. Association for Consumer Research, Duluth, MN. 2017. P. 276–281.
37. Mohr D.C., Zhang M., Schueller S.M. Personal sensing: understanding mental health using ubiquitous sensors and machine learning. *Annual review of clinical psychology*. 2017. V. 13. P. 23–47.
38. Orji K. The Impact of cultural differences on the persuasiveness of influence strategies. *Adjunct proceedings of the 11th international conference on Persuasive Technology*. 2016. P. 38–41.
39. Parrish Jr. J.L., Bailey J.L., Courtney J.F. A personality based model for determining susceptibility to phishing attacks. *Decision Sciences Institute*. 2009. P. 285–296.
40. Raynauld V., Turcotte A. “Different strokes for different folks”: implications of voter micro-targeting and appeal in the age of Donald Trump. *Political Marketing in the 2016 U.S. Presidential Election*. Ed. Gillies J. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. P. 11–28.
41. Ringbeck D., Seeberger D., Huchzermeier A. Toward personalized online shopping: Predicting personality traits based on online shopping behavior. *SSRN*. 2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3406297 (accessed: 15.02.2020).
42. Saeb S., Lattie E., Schueller S.M., Kording K., Mohr D.C. The relationship between mobile phone location sensor data and depressive symptom severity. *Peer J*. 2016. V. 4. P. 2537.
43. San Pedro J., Proserpio D., Oliver N. Mobiscore: towards universal credit scoring from mobile phone data. *International Conference on User Modeling, Adaptation, and Personalization*. Springer. 2015. P. 195–207.
44. Sartonen M., Simola P., Timonen J., Lovén L. Cyber personalities as a target audience. *European Conference on Cyber Warfare and Security*. 2017. P. 411–418.
45. Stachl C., Au Q., Schoedel R., Buschek D., Völkel S., Schuwerk T., Bühner M. Behavioral patterns in smartphone usage predict big five personality traits. *PsyArXiv*. 2019. URL: <https://psyarxiv.com/ks4vd/> (accessed: 15.02.2020).
46. Tschitschek S., Singla A., Rodriguez M., Merchant A., Krause A. Fake news detection in social networks via crowd signals. *Companion Proceedings of the Web Conference*. 2018. P. 517–524.
47. Updegraff J.A., Rothman A.J. Health message framing: moderators, mediators, and mysteries. *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. V. 7. P. 668–679.
48. Wendlandt L., Mihalcea R., Boyd R.L., Pennebaker J.W. Multimodal analysis and prediction of latent user dimensions. *International Conference on Social Informatics*.

- Springer. 2017. P. 323–340. URL: <http://web.eecs.umich.edu/~mihalcea/papers/wendlandt.socinfo17.pdf> (accessed: 15.02.2020).
49. *Wilson S.R.* Natural language processing for personal values and human activities University of Michigan. 2019. URL: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/150025/steverw_1.pdf?sequence=1&is-Allowed=y (accessed: 15.02.2020).
50. *Yarkoni T.* Personality in 100,000 words: A large-scale analysis of personality and word use among bloggers. *Journal of Research in Personality*. 2010. V. 44. P. 363–373.
51. *Yarkoni T., Ashar Y.K., Wager T.D.* Interactions between donor Agreeableness and recipient characteristics in predicting charitable donation and positive social evaluation. *Peer J*. 2015. V. 3. P. e1089. URL: <https://peerj.com/articles/1089/> (accessed: 15.02.2020).

УДК 159.99

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ СООБЩЕНИЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

© 2020 г. В. Б. Никишина^{1,*}, Е. А. Петраш^{1,**}, А. Н. Моргун^{1,***}, И. В. Запесоцкая^{2,****}

¹ФГБОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России;
117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1, Россия.

²ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России;
305041, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры организации непрерывного образования факультета дополнительного профессионального образования.
E-mail: vbnikishina@mail.ru

** Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры организации непрерывного образования факультета дополнительного профессионального образования.
E-mail: petrash@mail.ru

*** Кандидат психологических наук, доцент кафедры организации непрерывного образования факультета дополнительного профессионального образования.
E-mail: an_morgun@mail.ru

**** Доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии.
E-mail: zapesotskaya@mail.ru

Поступила 15.07.2019

Аннотация. Рассмотрены возможности когнитивного и прагматического подходов к изучению трансформации сообщений пользователей социальных сетей интернет. В течение двух этапов (в 2013–2014 и в 2018–2019 гг.) исследовались особенности параметров сообщений молодежи в социальных сетях: диапазон и качество речевых единиц, коммуникативные паттерны и модальность коммуникации. Основную выборку составили 155 аккаунтов молодых людей (средний возраст 21.2 ± 1.46 года). С помощью методов критического дискурс-анализа и функциональной прагматики проанализировано 16 181 сообщение, 118 диалогов. Установлено, что структура сообщений в коммуникативном поведении молодежи в социальных сетях характеризуется трансформацией из вербально-образной в образно-символическую. В период исследования выявлено возрастание амбивалентности речевых сообщений (до 16%) и снижение позитивной направленности коммуникативных стратегий (снижение стратегий симпатии с 255 до 187) и, как следствие, формирование неконструктивных коммуникативных паттернов. Картина модальности сообщений в период 2018–2019 гг. значительно отличается от картины 2013–2014 гг. преваляцией отрицательной модальности речевых сообщений (43%) над положительной (41%) и появлением амбивалентных речевых сообщений (16%).

Ключевые слова: сообщение, параметры сообщений, коммуникативный паттерн, модальность сообщения, тема сообщения.

DOI: 10.31857/S020595920009331-0

Общемировой научной психологической тенденцией является развитие в качестве приоритетного направления исследования коммуникации в киберпространстве [2]. По данным аналитического портала *WeAreSocial* ежегодно социальные сети прирастают на 10% пользователей [1]. Среднестатистический пользователь проводит 6 часов 42 минуты онлайн ежедневно [1]. Треть от этого объема времени, проведенного онлайн, или 2 часа 16 минут

в среднем, — это время, проводимое пользователями в социальных сетях. На фоне достоверного увеличения объема времени, проводимого пользователями в социальных сетях, закономерно возникает вопрос о том, как меняется во временной динамике структура сообщения молодежного сегмента пользователей социальных сетей.

По данным онлайн-портала статистики Statista проникновение социальных сетей в России

оценивается в 47%, при этом самой популярной (с долей пользователей в 61%) социальной сетью в России является сеть ВКонтакте, запущенная в 2006 г. [7]. В 2018 г., являясь лидером по количеству сообщений (в среднем 1 096 392 сообщений в месяц в 2018 г.), социальная сеть ВКонтакте в три раза опережала сеть *Ok.ru* (364 000 сообщений в месяц), занимающую вторую позицию в рейтинге, и почти в десять раз опережала мирового лидера *Facebook* (122 760 сообщений в месяц, четвертое место). Таким образом, сеть ВКонтакте представляет собой наиболее репрезентирующую систему коммуникации в российском сегменте сетевой активности.

По данным системы мониторинга социальных медиа *BrandAnalytics* доля активных авторов от 18 до 24 лет в социальной сети ВКонтакте на конец 2018 г. занимает второе место (23,3% или 8 493 500 пользователей) [10]. Следует отметить, что в 2014 г. социальная сеть ВКонтакте также являлась лидером сетевой коммуникации в российском сегменте. Следует также отметить, что большая часть когорты пользователей сети ВКонтакте от 18 до 24 лет в 2014 г. перешла в 2018 г. в следующую возрастную категорию (от 25 до 34 лет), тем самым выводя эту возрастную категорию в лидеры по количеству пользователей сети.

При рассмотрении в качестве объекта исследования параметров сообщений пользователей социальных сетей был проведен проблемологический анализ связанных с темой публикаций, индексируемых в крупнейшей мировой библиографической и реферативной базе данных *Scopus*.

Проблемологический анализ профильных научных изданий по исследованию коммуникации и характеристикам сообщений в социальных сетях (за 2018–2019 гг.) позволяет отметить, что вопросы, которые освещаются в этих журналах и связаны с объектом исследования, носят несистемный характер, рассматривая лишь отдельные аспекты коммуникации в социальных сетях. Большинство работ посвящены изучению коммерческих интенций и рекламной информации в содержании коммуникативных сообщений в социальных сетях.

Также особое внимание уделяется вопросам выявления угроз личностной безопасности пользователей социальных сетей и их личностных особенностей. Содержательный анализ характеристик сообщений и содержания аккаунтов пользователей в социальных сетях в целом практически не представлен, и фактически отсутствует аналитическая информация по российским социальным сетям некоммерческого сегмента.

Авторы исследования *W. Housley, H. Webb, M. Williams, R. Procter, A. Edwards, M. Jirotko, P. Burnap, B.C. Stahl, O. Rana, M. Williams* (2018) указывают на то, что в современных научных исследованиях, несмотря на высокий уровень распространения различных социальных сетей, недостаточно внимания уделяется изучению особенностей использования пользователями социальных сетей и анализу отдельных сообщений, характеризующих взаимодействие пользователей социальных сетей друг с другом [15]. В статье проведен подробный анализ онлайн-кампаний, организованных на базе социальной сети *Twitter*. На основании категоризации сообщений в социальных сетях авторы статьи разработали типологию взаимодействия пользователей. Было установлено, что объединения в социальных сетях очень неоднородны по содержанию, с широким спектром выполненных действий и значительным количеством сообщений, не связанных с содержанием (целями) объединения.

Результаты исследования влияния содержания статей, размещенных в аккаунтах пользователей социальных сетей, на мотивацию выполнения физических упражнений представлены в работе *C. Johnston, W.E. Davis* (2019) [16]. Авторы установили, что сообщения с изображениями от отдельных лиц — пользователей аккаунтов были более мотивирующими, чем сообщения с изображениями от компаний. Однако корпоративные сообщения без изображений были более мотивирующими, чем сообщения без изображений от отдельных лиц. Участники ожидали, что другие будут так же мотивированы стимулами, и воспринимали корпоративные сообщения как размещенные по более внешним причинам по сравнению с теми, которые были размещены отдельными лицами. Данные,

Таблица 1. Показатели активности пользователей социальной сети ВКонтакте 2018 и 2014 гг.

Год	Количество пользователей <i>VK.com</i>	Количество сообщений <i>VK.com</i>	Количество пользователей от 18 до 24 лет <i>VK.com</i>	Количество пользователей от 25 до 34 лет <i>VK.com</i>	Время, проведенное в социальных сетях (в России)
2018 (начало 2019 г.) [9]	36 453 000	1 096 392 тыс.	8 493 500 (23,3%)	12 248 208 (33,6%)	2 ч 16 мин в день [1]
2014 (начало 2015 г.) [9]	54 605 000	244 230 тыс.	20 722 598 (37,95%)	16 654 525 (30,5%)	2 ч 25 мин в день [1]

приведенные в статье, позволяют понять, как социальные медиа могут быть использованы для позитивной трансформации поведения пользователей социальных сетей в отношении собственного здоровья.

Исследование модальности сообщений пользователей социальных сетей, характеризующей их эмоциональную окраску, было проведено *S. Vashishtha* и *S. Susan* (2019) [23]. Авторы представляют результаты исследования настроения сообщений в социальных сетях с помощью нового набора неопределенных правил, включающих несколько лексиконов и наборов данных. Полученные данные помогают понять, какой лексикон является лучшим для социальных сетей. Авторы считают, что слияние неопределенной логики с лексиконом для классификации тональностей обеспечивает новую парадигму в анализе настроений.

В работе *S.P. Guillot-Wright, Y. Lu, E.D. Torres, V.D. Le, H.R. Hall, J.R. Temple* (2018) исследуется эффективность текстовых сообщений в социальных сетях [14].

E. Pancer, V. Chandler, M. Poole, T.J. Noseworthy (2019) в своей работе исследуют влияние читаемости сообщений на привлечение внимания пользователей социальных сетей [19]. Авторами делается вывод о положительном влиянии беглости обработки сообщения (удобочитаемости) на количество комментариев и репостов в социальных сетях. При этом критерии, по которым можно было бы определить удобочитаемость сообщений, не конкретизированы авторами.

Анализ использования невербальных символов (смайликов) в сообщениях в социальных сетях представлен в работе *T.H. Tseng, S.H. Hsieh* (2019). Исследование показывает, что детерминанты использования смайликов в сообщениях имеют двойное происхождение: авторы сообщения при выборе смайлика руководствуются, с одной стороны, соответствием смайлика собственному имиджу, с другой — узнаваемостью (синхронностью значений) смайлика для адресата [22].

Результаты проведенного теоретического анализа также свидетельствуют об отсутствии согласованности в оценках исследуемых параметров сообщения в социальных сетях и различных методических процедур их оценки.

Так, в исследовании *Н.Ю. Рязановой, К.М. Сперцяна* (2018) приводятся результаты сравнительного анализа методов определения эмоциональной окраски текстов сообщений в социальных сетях. Авторами установлено, что по показателям точности и полноты самые лучшие результаты

позволяет получить метод опорных векторов при условии представления исходных текстов сообщений в виде векторов униграмм [9]. Однако для воспроизведения процедуры исследования в публикации недостаточно фактической информации.

Ю.В. Давыдова (2019) предлагает тематические модели анализа сообщений в социальных сетях, построенные на контекстах поисковых слов. При этом автор отмечает, что понижение размерности анализируемых контекстов в пространстве тематик и их кластеризация позволяют более точно осуществлять смысловую (семантическую) дифференциацию сообщений как единиц анализа коммуникативного поведения в социальных сетях [3].

В качестве общей тенденции обзора представленных исследований следует отметить, что в роли объекта изучения выступают сообщения пользователей социальных сетей, либо организованные в текст, либо представленные в качестве отдельных самостоятельных единиц анализа коммуникативного поведения в социальных сетях. При этом, с одной стороны, мы можем констатировать отсутствие соотносимости результатов исследования (авторы представляют либо анализ текстового содержания сообщений, либо их эмоциональную окраску, либо влияние отдельных параметров сообщений на мотивацию или личностные особенности пользователей социальных сетей). С другой стороны, в представленном исследовательском пространстве отсутствуют единые параметры (характеристики) сообщений, а также критерии их оценки и возможные методы исследования.

Сообщения представляют собой совокупность вербальных и невербальных информационно-коммуникативных единиц, существующих в онлайн-среде социальных сетей (словесные публикации, аудиовизуальные материалы, фотографии и другие изображения) [4].

В разных лингвистических системах сообщение как объект исследовательского анализа имеет дифференцированный коннотат, что значительно затрудняет (усложняет) библиометрический поиск, результатами которого являются, с одной стороны, не соотносящиеся с тематикой (проблематикой) предлагаемого исследования, но содержащиеся в названии, ключевых словах и пр. термины. С другой стороны, возникает сложность анализа из-за размытости понятийно-категориальных границ объекта исследования.

В киберпространстве параметры сообщений изменяются. Во-первых, происходит проблематизация

понимания подразумеваемого смысла сообщений на уровне субъектов коммуникации вследствие автономности и индивидуализации сознания. Во-вторых, коммуникация в социальных сетях охватывает участников, не связанных с конкретной ситуацией. В-третьих, успех коммуникации в социальных сетях является проблематичным, так как получение и понимание сообщений не означает их принятия. Успешность коммуникации в социальных сетях определяется восприятием селективного содержания информации и присоединением к этому селективному содержанию новых коммуникантов [10].

Сообщения как основная коммуникативная единица в условиях социальных сетей не только изменяются в сравнении с непосредственной реальностью, но и трансформируются в киберреальности за период последних лет. Эта трансформация параметров сообщения связана и с увеличением общей активности пользователей. В соотношении с тем, какое время проводят представители молодого поколения в Сети, данная динамическая тенденция, с одной стороны, становится устойчивой, а с другой — социально значимой.

В качестве основных параметров сообщения в социальных сетях в современных научных исследованиях авторы выделяют следующие: тема коммуникации, контекст (как микро, так и макро), регистр коммуникации, ситуация коммуникации, тотальность коммуникации, коммуникационные роли, а также локальный и культурный аспекты коммуникативного поведения [3; 7; 11]. Общей тенденцией методологической и методической сложности исследований является отсутствие понимания общих параметров и унифицированности характеристик сообщения: какой-либо единой системы параметров исследования коммуникативного поведения в социальных сетях, а также универсальных измерительных инструментов и процедур в исследовательском пространстве не представлено.

В рамках представляемого исследования в качестве анализируемых параметров сообщений будем рассматривать: речевые единицы (как элементы системы языка, неразложимые в рамках определенного уровня членения текста и противопоставленные другим единицам в подсистеме языка, соответствующей этому уровню); коммуникативные паттерны (определяемые как совокупность норм и традиций общения определенной группы людей); темы сообщений (как основной предмет коммуникации, смысловое содержание чего-либо); модальность сообщений (как субъективное эмоциональное отношение к содержанию) [5].

Целью исследования является изучение трансформации во временной динамике параметров сообщений пользователей молодого возраста в социальных сетях.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для определения особенностей параметров сообщений пользователей социальных сетей молодежного возрастного сегмента в 2013–2014 и 2018–2019 гг. проведено исследование на базе социальной сети ВКонтакте. Согласно личной информации, представленной в исследуемых аккаунтах, все участники исследования проживали в городе (жители сельской местности в исследовании не участвовали) и являлись студентами высших и средних профессиональных учебных заведений. В пункте “семейное положение” указывалось “холост/не замужем” либо “состоит в отношениях”. Выборка уравнивалась по полу, элиминировалась по языковому фактору (осуществление коммуникации на русском языке) и факторам активности в социальных сетях (использование не менее двух социальных сетей не реже одного раза в сутки). Все аккаунты — русскоязычные.

Организация исследования осуществлялась в два этапа. Первый этап исследования проводился в 2013–2014 гг. На данном этапе приняли участие в исследовании 86 аккаунтов в возрасте владельцев 18–20 лет. Второй этап исследования был реализован в 2018–2019 гг. В исследовательскую выборку на этом этапе вошли 155 аккаунтов молодых людей в возрасте 19–23 лет (средний возраст составил 21.2 ± 1.46 года). Критерии формирования исследовательских выборок на обоих этапах исследования являлись идентичными. Выборки являлись не связанными. Для сохранения возрастных границ участников исследования владельцы аккаунтов, принимавшие участие в первом этапе исследования, из исследовательской выборки второго этапа исключались.

Формирование исследовательской группы осуществлялось по следующим критериям: возраст, язык, активность использования (отслеживалась через перекрестные ссылки — в аккаунте одной социальной сети пользователь размещает ссылку на свой аккаунт в другой социальной сети). Частота пользования социальными сетями фиксировалась следующими способами: время последнего посещения; дата и время последнего обновления информации аккаунта; показатель времени, проведенного в сети онлайн (в минутах); количество контактов владельца аккаунта, имеющих статус “Друзья”. Исследование проводилось на условиях

информированного согласия. В соответствии с настройками приватности социальной сети пользователь передает права на публичное использование его личных данных и публикуемой информации, размещенной в открытом доступе, оставляя отметку в соответствующем поле при регистрации аккаунта в ресурсе.

Параметры сообщений оценивались в социальных сетях в диалоговой коммуникации пользователей исследуемых аккаунтов (общее количество сообщений — 16 181, диалогов — 118).

Исследование осуществлялось с использованием метода критического дискурс-анализа и метода функциональной прагматики (вид контент-анализа).

Мы использовали метод функциональной прагматики (*R.J. Swickert*, 2002.) [21]. Метод функциональной прагматики предполагает анализ речевых единиц коммуникативного пространства по шести классам: бессмысленные фразы, ошибочное написание, нецензурная лексика, междометия, сленг-сокращение, сленг сформированный. Также данный метод позволяет оценить коммуникативные паттерны, отражающие совокупность норм и традиций общения определенной группы людей, и дифференцировать их на конструктивные (близость, принятие, сексуальный интерес) и неконструктивные (демонстративность, агрессия, отрицание, сексуальная агрессия).

Мы использовали метод анализа критического дискурса (*M.V. Jorgensen*, 2008) [17]. Метод критического дискурс-анализа использовался с целью выявления доминирующей модальности сообщений в социальных сетях (семантическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку речи, отношение содержания высказывания к действительности и преобладающей темы сообщения, характеризующей реализуемый коммуникативный паттерн).

Фиксация результатов осуществлялась через скриншот индивидуальных страниц в аккаунтах участников исследования. Изначально расчеты осуществлялись по каждому диалогу, а затем рассчитывалось общее количество единиц сообщений.

Структурные параметры сообщений в социальных сетях представлены в табл. 2.

Общими интегративными показателями являлись: общее количество речевых единиц коммуникативного пространства в диалоге; общее количество коммуникативных единиц; размер речевого сообщения.

Вербально-образные сообщения характеризуются текстовым и графическим (в виде смайликов и эмодзи) содержанием с существенным преобладанием текста (текст занимает $\frac{3}{4}$ от общего объема сообщения). Образно-символические сообщения характеризуются существенным преобладанием образно-графического содержания в виде картинок, лайков, эмодзи и пр. При этом текстовая часть (занимающая $\frac{1}{4}$ от общего объема сообщения) реализуется преимущественно в форме междометий либо изображения отдельных букв и звуковых обозначений (табл. 3). Коммуникативные паттерны, представляющие собой сочетание речевых единиц, градируются на конструктивные и неконструктивные. Конструктивные характеризуют общую положительную направленность коммуникации в диалогах и проявляются в форме флирта, принятия и близости. Неконструктивные паттерны характеризуют общую деструктивную направленность коммуникации и проявляются в форме агрессии, отрицания, демонстративности и сексуальной агрессии. Иллюстрирующие примеры представлены в табл. 3.

В качестве статистических методов анализа использовались графические методы общей статистики (диаграммы долевого распределения в процентах, гистограммы средних значений), а также методы сравнительной статистики (непараметрический *U*-критерий Манна—Уитни, угловое преобразование ϕ -Фишера, $p < 0.05$).

Метод сравнительной статистики использовался с целью оценки значимости различий результатов исследования, полученных на первом (2013—2014 гг.) и втором (2018—2019 гг.) этапах исследования. Поскольку сравниваемые исследовательские выборки являются не связанными между собой и распределение исследуемых параметров не соответствует нормальному, целесообразным является использование непараметрического *U*-критерия Манна—Уитни ($p < 0.05$). Для оценки значимости различий между процентными долями исследуемых параметров в двух несвязанных выборках использовалось угловое преобразование ϕ -Фишера ($p < 0.05$).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На начальном этапе исследования изучались диапазон и качество речевых единиц — сообщений молодежи в социальных сетях. В результате исследования установлено, что общий объем речевых единиц в коммуникативном пространстве исследуемых аккаунтов представлен 33 518 единицами

Таблица 2. Структурные компоненты речевой модели коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях

Структурный компонент	Диагностические параметры	Измеряемый (расчетный) показатель
Класс	– бессмысленные фразы (Бф); – ошибочное написание (Ош); – нецензурная лексика (М); – междометия (Мж); – сленг-сокращение (Сср); – сленг сформированный (Ссф)	Количество речевых единиц по классам
Паттерн	Конструктивные: – близость (Б); – принятие (П); – флирт (Ф). Неконструктивные: – агрессия (А); – демонстративность (Д); – отрицание (О); – сексуальная агрессия (Са). Дифференцированные по семантическому значению: – шутки (Ш)	Долевое распределение коммуникативных паттернов (в процентном соотношении)
Коммуникативные стратегии	– отступление; – конфликт; – симпатия; – достижение	Количество речевых сообщений в рамках каждой коммуникативной стратегии
Коммуникативная направленность	– Я; – другие; – группа; – ситуация; – общество; – фантазия	Количество речевых сообщений по каждой коммуникативной направленности
Модальность сообщения	– положительная; – отрицательная	Количество речевых сообщений в диалогах с положительной и отрицательной модальностью
Основная тема сообщения	– информация о третьих лицах (ИТЛ); – групповая информация (внутри ограниченной группы лиц, ГИ); – демонстративные сообщения (Дс); – флирт (Ф); – политика (Пл); – отвлеченные темы (ОТ); – личная информация (ЛИ)	Количество сообщений по каждой теме

(речевые сообщения, включающие 104 529 слов). Показатель среднего объема сообщения (общее количество слов в одном сообщении) составил 4 ± 2 речевых единицы, т.е. фиксируется лаконичность (краткость) речевых сообщений.

Осуществляя сравнительную оценку показателей общего количества речевых единиц коммуникативного пространства в диалоге по общему количеству коммуникативных единиц, размеру речевого сообщения, в исследуемой возрастной группе по данным за 2013–2014 и за 2018–2019 гг. (непараметрический *U*-критерий Манна—Уитни, $p < 0.05$) выявлено значимое снижение речевой активности при

сохранении показателей общего количества сообщений и диалогов (табл. 4).

Процедура расчета речевых единиц по классам (сленг сформированный, сленг-сокращения, нецензурная лексика, написание с намеренными ошибками, междометия, бессмысленные фразы) осуществлялась в долевом (процентном) соотношении от общего объема коммуникативного пространства. При этом множества речевых единиц, включенных в процедуру расчета, не пересекаются (рис. 1, а).

Самыми высокочастотными классами речевых единиц являются нецензурная лексика и междометия, которые совокупно составляют 50% от

Таблица 3. Примеры вербально-образных и образно-графических сообщений пользователей социальных сетей

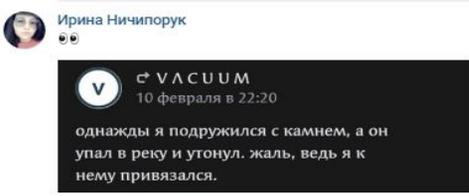
Вербально-образные сообщения	Образно-графические сообщения
	
	
	

Таблица 4. Показатели значимости различий параметров коммуникативной активности молодежи в социальных сетях (*U*-критерий Манна—Уитни, $p < 0.05$)

Параметры речевой активности	2013–2014 гг. ($x \pm \sigma$)	2018–2019 гг. ($x \pm \sigma$)	Значимость различий
Общее количество сообщений	15 323 ± 12.36	16 181 ± 11.24	0.059
Общее количество диалогов	114 ± 3.29	118 ± 4.22	0.063
Общее количество речевых единиц	40 811 ± 9.16	33 518 ± 7.26	0.029*
Объем сообщения (в речевых единицах)	6 ± 2	4 ± 2	0.024*

* Статистическая значимость различий.

общего объема речевых единиц в коммуникативном пространстве молодежи в социальных сетях как на первом, так и на втором этапах исследования. Междометия и нецензурная лексика выполняют коннотативную функцию: они структурируют и соединяют речевые единицы, организуя речевое высказывание. Преобладающие классы речевых единиц являются семантически выхолащенными, т.е. не несут самостоятельной смысловой нагрузки. Таким образом, в коммуникативном поведении молодежи в социальных сетях общая доля речевых единиц, которые не несут самостоятельную семантическую нагрузку, составляет 70% (рис. 1, а).

Коммуникативные паттерны представляют собой сочетание речевых единиц. Паттерны анализировались на основании частоты встречаемости и их

долевого распределения в процентном соотношении (рис. 1, б). Установлено, что в исследуемой возрастной группе владельцев аккаунтов в социальных сетях в коммуникативном поведении преобладают неконструктивные паттерны (агрессия, отрицание, демонстративность и сексуальная агрессия). Неконструктивные паттерны в совокупности составляют 46%. Ситуативной амбивалентностью характеризуются шутки, которые составляют 16% от общего объема коммуникации молодежи в социальных сетях. Факт преобладания неконструктивных паттернов в описании особенностей коммуникативного поведения молодежи может быть представлен как со стороны особенностей виртуальной коммуникации в социальных сетях (возможная анонимность, однозначность, преобладание вербального компонента), так и со стороны

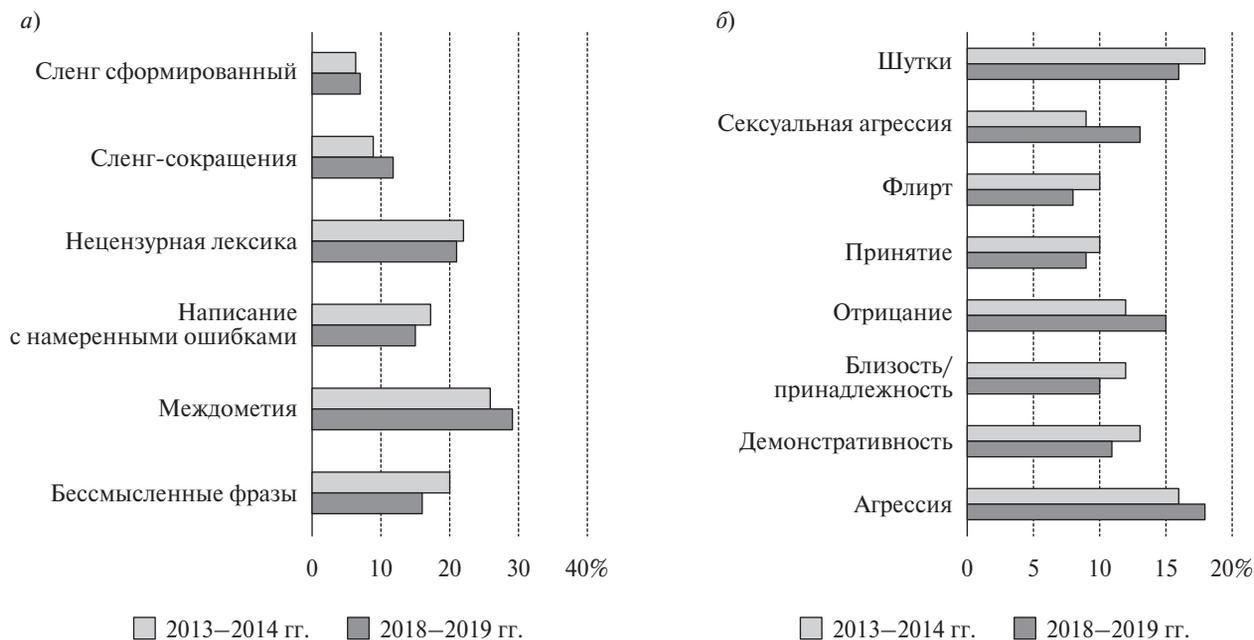

Рис. 1. Распределение частот встречаемости классов речевых единиц (а) и коммуникативных паттернов (б) речевых сообщений у молодежи в социальных сетях в 2013–2014 и 2018–2019 гг., %

коммуникативных стереотипов, принятых в молодежной среде.

Таким образом, параметры сообщений молодежи в социальных сетях характеризуются низкой семантической нагрузкой речевых единиц с преобладанием неконструктивных коммуникативных паттернов. Сравнение результатов, полученных в 2013–2014 и 2018–2019 гг., свидетельствует об усилении данной тенденции в сторону снижения смысловой наполненности коммуникативного пространства молодежи в социальных сетях. Диалоги выстраиваются преимущественно с использованием не вербальных (речевых) средств коммуникации, а образно-графических символов либо стереотипизированных единиц виртуальной коммуникации. При этом образно-графические средства коммуникации в социальных сетях характеризуются неоднозначностью и ситуативностью семантического содержания.

Замкнутость коммуникативной системы определялась по двум критериям: включенность партнеров по общению в круг друзей владельца аккаунта и частота участия в диалогах одного и того же «собеседника» в течение одного месяца. В результате оценки замкнутости коммуникативной системы молодежи в социальных сетях получены противоречивые данные. С одной стороны, коммуникативная система характеризуется замкнутостью, так как в диалогах участвуют только «друзья» владельца аккаунта. 97% исследуемых аккаунтов пользователей социальных сетей являются закрытыми для сторонних пользователей. То есть пользователи

не из круга «друзей» владельца аккаунта не могут участвовать в диалогах. С другой стороны, по критерию частоты участия в диалогах владельцев аккаунтов в социальных сетях установлено, что 87% участников коммуникации составляют незнакомые или малознакомые люди. Большинство из них принимают участие не более чем в двух диалогах. Установленный факт свидетельствует об открытости коммуникативной системы. Одна из сторон коммуникации обозначает свое желание войти в круг «друзей», другая сторона принимает предложение и замыкает коммуникативную систему. Данные коммуникативные контакты являются однократными или кратковременными. Это подтверждается отсутствием коммуникации между «друзьями» в исследуемых аккаунтах в течение месяца.

Анализ сообщений молодежи в социальных сетях по параметру коммуникативных стратегий позволил выявить преобладание стратегии отступления и конфликтной стратегии коммуникативного поведения. Минимально представлена коммуникативная стратегия достижения (рис. 2, а).

Выявленные коммуникативные стратегии отражают направленность речевых сообщений в коммуникативном поведении молодежи и характеризуют аффективный аспект. Аффективный аспект является онтогенетически закономерным и частично реализуется в отношениях вне социальных сетей. Социальные сети являются благоприятным пространством для реализации направленности отношений конфликтного характера, во-первых, по причине неустойчивости и кратковременности

коммуникативного взаимодействия, во-вторых, по причине семантического минимализма и амбивалентности используемых средств коммуникации.

Речевые сообщения молодежи в социальных сетях по параметру направленности характеризуются преобладанием направленности на себя, на других и на ситуацию (рис. 2, б). Данная коммуникативная направленность также является закономерной. Она позволяет сохранить анонимность (или как вариант: создать искаженный образ представления себя в социальной сети) и дает возможность в любой момент прервать коммуникацию. Вне социальных сетей в реальном коммуникативном поведении прекращение контакта одномоментно является затруднительным.

Анализ тем сообщений раскрывает основное содержание обсуждаемой в диалогах информации. По результатам частотного распределения установлено, что преобладающими темами являются: личная информация (29%), информация о третьих

лицах (18%), а также отвлеченные темы и эмоции (по 10%) (табл. 5).

Полученные результаты свидетельствуют о не включенности в структуру сообщений молодежи в социальных сетях социально значимого тематического содержания. Преобладающей тематикой являются представление личной информации, обсуждение личной информации других владельцев аккаунтов, а также выражение эмоционального отношения. При этом следует отметить динамический аспект:

– в исследовании параметров сообщений молодежи в 2013–2014 гг. преобладающей формой представления информации в диалогах являлась речевая форма (речевые единицы);

– в исследовании 2018–2019 гг. превалирует представление личной информации, а также выражение эмоционального отношения к ней посредством образно-графических способов (картинки, фото, видеоролики, эмодзи, интернет-мемы).

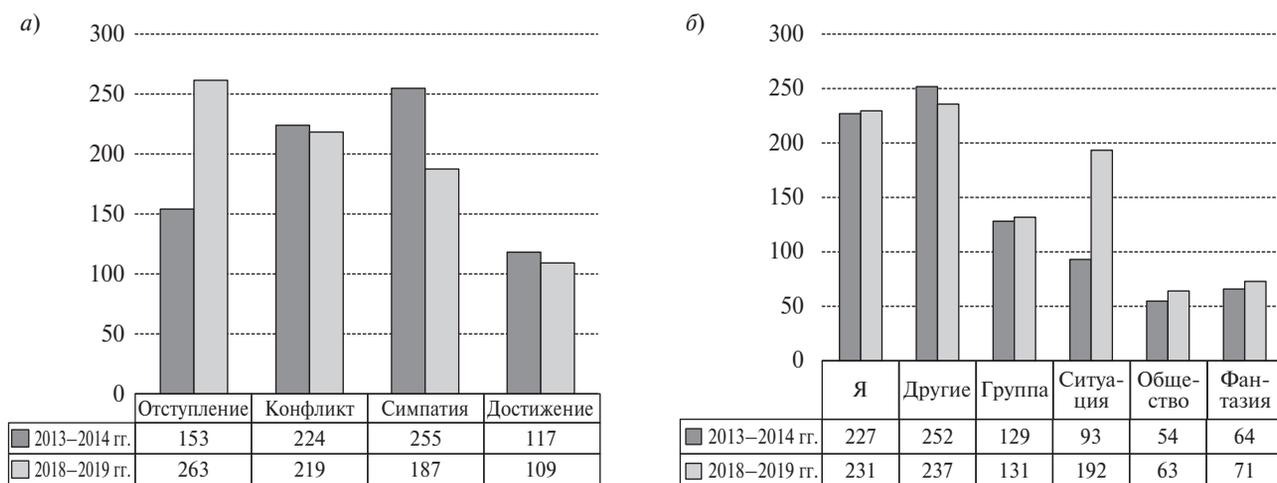

Рис. 2. Гистограммы частот коммуникативных стратегий (а) и коммуникативной направленности (б) у молодежи в социальных сетях в 2013–2014 и 2018–2019 гг.

Таблица 5. Показатели долевого распределения (в %) и значимости различий частот встречаемости (угловое преобразование Фишера, $p < 0.05$) тем сообщений молодежи в социальных сетях в 2013–2014 и 2018–2019 гг.

Темы сообщений	2013–2014 гг., %	2018–2019 гг., %	Значимость различий ($p < 0.05$)
Эмоции	13	10	0.024*
Информация о третьих лицах	16	18	0.009*
Групповая информация	8	8	0.187
Демонстративность	9.5	9.5	0.318
Флирт	7.8	7.5	0.214
Политика	6.2	7	0.042*
Экономика	1.5	1	0.136
Отвлеченные темы	12	10	0.016*
Личная информация	26	29	0.029*

* Статистическая значимость различий.

По параметру модальности сообщений молодежи в социальных сетях выявлена амбивалентность, о чем свидетельствует равное соотношение положительных и отрицательных сообщений в диалогах. Количество сообщений неопределенной модальности (амбивалентных сообщений) увеличилось в сравнении с результатами исследования, полученными в 2013–2014 гг.: объем сообщений положительной модальности составлял 52%, негативной — 48%. В рамках исследования 2018–2019 гг. сообщения положительной модальности составляют 41%; отрицательной модальности — 43%; амбивалентные сообщения (их нельзя однозначно отнести ни к положительной, ни к отрицательной модальности) — 16%. Увеличение объема сообщений отрицательной модальности объясняется, с одной стороны, возможностью пользователя выразить собственное Я без дополнительных ограничений, проявлять свое отношение к себе и другим людям, с другой — сниженностью (либо нивелированием) регуляции коммуникации в сети интернет социальными нормами.

Параметры сообщений молодежи в социальных сетях характеризуются трансформацией из вербально-образной в образно-символическую (рис. 3).

Происходит общее уменьшение количества речевых единиц в сообщениях молодежи в социальных сетях и сокращение средней длины сообщения. При этом увеличивается количество образно-графических средств: смайликов, эмодзи, лайков и пр. Построение диалогов в социальных сетях осуществляется преимущественно с использованием

образно-графических средств. При этом возрастают амбивалентность и неоднозначность модальности сообщений в диалогах, что, в свою очередь, приводит к возрастанию конфликтности реализуемых коммуникативных стратегий в социальных сетях. Коммуникация в социальных сетях дает возможность открыто, без регулирования со стороны социальных норм проявлять свое отношение к себе и другим, а также к внешней ситуации. Небрежность, проявляющаяся в игнорировании пунктуации и орфографии в отношении построения коммуникативных сообщений и способа передачи их смысла, снижается за счет увеличения образно-символической информации. Полученные результаты исследования согласуются с результатами ранее проведенных исследований. Образно-графическое содержание является более удобочитаемым, нежели вербально-образное, что, в свою очередь, увеличивает количество комментариев и репостов на данные сообщения. Аналогичные результаты были также получены *E. Pancer, V. Chandler, M. Poole, T.J. Noseworthy* (2019) [19]. Использование смайликов, также отражающих образно-графическое содержание сообщений молодежи в социальных сетях, с одной стороны, отражает эмоциональный компонент сообщений, с другой — характеризуется однозначностью понимания коммуникатора и реципиента (является знакомым и понятным по своему значению адресату сообщения). Данные результаты согласуются с выводами, сделанными *T.H. Tseng, S.H. Hsieh* (2019) [22].

Рис. 3. Трансформация структуры сообщений молодежи в социальных сетях

ВЫВОДЫ

1. В период 2018–2019 гг. по сравнению с 2013–2014 гг. выявлена тенденция к уменьшению размера речевого сообщения (уменьшение количества речевых единиц, составляющих сообщение) за счет увеличения использования образно-графических символов и стереотипизированных единиц виртуальной коммуникации в сообщении.

2. В общей длительности исследования выявлено преобладание речевых единиц, выполняющих коннотативную функцию в формировании речевого высказывания и не несущих самостоятельной смысловой нагрузки (междометия и нецензурная лексика).

3. В общей длительности исследования выявлено, что значимая доля речевых единиц организуется в неконструктивные коммуникативные паттерны (агрессия, отрицание, демонстративность, сексуальная агрессия, шутки). Преобладание неконструктивных коммуникативных паттернов выявляет коммуникативные стереотипы молодежи и определено такими характеристиками коммуникации в сети интернет, как анонимность (физическая непредставленность пользователя) и возможность конструирования виртуальной личности, создание образа реципиента в зависимости от ожиданий коммуниканта.

4. В структуре сообщений молодежи в социальных сетях преобладают стратегии отступления и конфликтная стратегия. Аффективный аспект виртуальной коммуникации онтогенетически закономерен вследствие неустойчивости и кратковременности контактов, семантической выхолащиваемости и амбивалентности речевых единиц. Преобладание коммуникативной направленности на себя, на других, на ситуацию подтверждает прежде всего формирование виртуального желаемого образа пользователя (искаженное представление о себе), представление о возможном реципиенте (представление о субъекте, которому адресовано речевое сообщение) и условиях возникновения и протекания контакта (с учетом возможности одномоментного прекращения общения). Соответственно выстраивается частотное распределение преобладающих тем сообщений — личная информация, информация о других людях, отвлеченные темы и эмоции. Социально значимое содержание отражено дефицитарно в ситуациях, провоцирующих личное эмоциональное отношение пользователя.

5. Модальность сообщений молодежи в сети интернет в период 2018–2019 гг. существенно отличается от ситуации в 2013–2014 гг. Если ранее объем

коммуникации характеризовался незначительным превышением положительной модальности (52:48%), то современное положение выявляет снижение положительной модальности при увеличении отрицательной (41:43%) и появление амбивалентных речевых сообщений. Неоднозначность сообщения в социальных сетях провоцирует конфликтность, приводит к формированию непродуктивных коммуникативных паттернов. Коммуникативное поведение пользователей социальных сетей формируется речевыми сообщениями и обусловлено обращенностью речевого высказывания как на участников, принимающих активное участие в коммуникации, так и на предполагаемых реципиентов. Речевая ситуация, таким образом, является контекстом, в котором создается и раскрывается смысл речевого высказывания. В исследовании контекста целесообразно учитывать коммуникативные роли участников, их смены и то, каким образом происходит общение — напрямую или отсроченно (коммуникант может отправлять несколько сообщений и получать отклик на любое из них независимо от хронологии). Изучение прагматической стороны речевого сообщения выявляет интенции коммуниканта и проявляется через семантические и образные (вербальные и графические) способы выражения модальности. Результаты исследования позволяют, опираясь на семантические маркеры параметров коммуникативного поведения, дифференцировать молодежную возрастную группу пользователей социальных сетей от группы взрослых пользователей, мимикрирующих под молодежную группу и предпринимающих манипулятивную, а также противоправную активность в сетевой коммуникативной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитический портал WeAreSocial. Электронный ресурс: URL: <https://wearesocial.com>.
2. 14th International Conference on Cyber Warfare and Security, ICCWS2019; Stellenbosch; South Africa; 28 February 2019—1 March 2019.
3. Давыдова Ю.В. Определение тематической релевантности сообщений в задаче мониторинга виртуальных социальных сетей для обеспечения информационной-психологической безопасности личности // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Т. 7. № 4. С. 11–18.
4. Митягина В.А. Унификация в коммуникативном поведении: феномен вежливости // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 39–45.

5. Морозова А.А. Проблемные моменты коммуникативного взаимодействия в социальных сетях // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 93. 2014. № 26 (355). С. 76–80.
6. Никишина В.Б., Петраш Е.А., Занесоцкая И.В. Лингвососемантические характеристики коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 69–79.
7. Онлайн-портал статистики Statista. Электронный ресурс: URL: <https://www.statista.com/>.
8. Риппинен Т.О., Слободская Е.Р. Взаимосвязи личностных особенностей подростков с повседневным использованием компьютера // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 30–37.
9. Рязанова Н.Ю., Сперцян К.М. Сравнительный анализ методов определения эмоциональной окраски сообщений в социальных сетях с применением обучения с учителем // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2018. № 21. С. 417–423.
10. Система мониторинга социальных медиа “BrandAnalytics”. Электронный ресурс: URL: <https://br-analytics.ru>.
11. Терентьева И.Н. Сетевые коммуникации: новая реальность управления // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия “Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии”. 2016. С. 23–27.
12. Шномер Е.А. Принцип критики в коммуникативном поведении: к проблеме соотношения коммуникативных законов и типологии языковых личностей коммуникантов // Научно-информационный журнал “Армия и общество”. 2011. № 1 (25). С. 45–49.
13. De Bruijn G.-J. To frame or not to frame? Effects of message framing and risk priming on mouth rinse use and intention in an adult population-based sample // Journal of Behavioral Medicine. 2018. V. 42. № 2. P. 300–314. doi:10.1007/s10865-018-9972-1.
14. Guillot-Wright S.P., Lu Y., Torres E.D. et al. Design and feasibility of a school-based text message campaign to promote healthy relationships // School Mental Health. 2018. V. 10. № 4. P. 428–436.
15. Housley W., Webb H., Williams M. et al. Interaction and transformation on social media: The case of twitter campaigns // Social Media and Society. 2018. V. 4. № 1.
16. Johnston C., Davis W.E. Motivating exercise through social media: Is a picture always worth a thousand words? // Psychology of Sport & Exercise. 2019. V. 41. P. 119–126.
17. Jorgensen M.V., Phillips L.G. Discourse-analysis. Theory and method. Kharkov: Publisher: Humanitarian centre, 2008.
18. Majid S., Lopez C., Megicks P., Lim W.M. Developing effective social media messages: Insights from an exploratory study of industry experts // Psychology & Marketing. 2019. V. 36. № 6. P. 551–564.
19. Pancer E., Chandler V., Poole M., Noseworthy T.J. How readability shapes social media engagement // Journal of Consumer Psychology. 2019. V. 29. № 2. April. P. 262–270.
20. Rubenking B. Emotion, attitudes, norms and sources: Exploring sharing intent of disgusting online videos // Computers in Human Behavior. 2019. V. 96. P. 63–71.
21. Swickert R.J., Hittner J.B., Harris J.L., Herring J.A. Relationships among Internet use, personality and social support // Computers in Human Behavior. 2002. V. 18. № 4. P. 437–451.
22. Tseng T.H., Hsieh S.H. Determinants of emoticon usage in mobile instant messaging: A construal level theory perspective // Behaviour & Information Technology. 2019. V. 38. № 3. 4 March. P. 289–301.
23. Vashishtha S., Susan S. Fuzzy rule based unsupervised sentiment analysis from social media posts // Expert Systems with Applications. 2019. V. 138. № 112834. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2019.112834>.

TRANSFORMATION OF PARAMETERS OF COMMUNICATIONS IN THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF YOUTH IN SOCIAL NETWORKS

V. B. Nikishina^{1,*}, E. A. Petrash^{1,**}, A. N. Morgun^{1,***}, I. V. Zapesotskaya^{2,****}

¹*FGBOU V RNIMU named after N.I. Pirogov, Ministry of Health of Russia;
117997, Moscow, Ostrovityanova str., 1, Russia.*

²*Kursk State Medical University;
305041, Kursk, K. Marx str., 3, Russia.*

**Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of the Organization
of Continuing Education of the Faculty of Continuing Professional Education.*

E-mail: vbnikishina@mail.ru

***Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department
of Continuing Education, Faculty of Continuing Professional Education.*

E-mail: petrash@mail.ru

****Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Organization
of Continuing Education of the Faculty of Continuing Professional Education.*

E-mail: an_morgun@mail.ru

*****Doctor of Psychology, Associate Professor,*

Head of Health Psychology and Neuropsychology Department.

E-mail: zapesotskaya@mail.ru

Received 15.07.2019

Abstract. The article considers the possibilities of cognitive and pragmalinguistic approaches to the study of communicative behavior of users of social networks of the Internet. In two stages (in 2013–2014 and 2018–2019), the features of message parameters in the communicative behavior of young people in social networks were studied: the range and quality of speech units, communicative patterns and the modality of communication. The main sample was 155 accounts of young people (average age 21.2±1.46). Using the methods of critical discourse analysis and functional pragmatics, 16,181 messages and 118 dialogues were analyzed. It is established that the message structure in the communicative behavior of youth in social networks is characterized by a transformation from verbal-figurative to figurative-symbolic. During the study period, an increase in the ambivalence of speech messages (up to 16%) and a decrease in the positive orientation of communicative strategies (a decrease in sympathy strategies from 255 to 187) and, as a result, the formation of non-constructive communicative patterns were revealed. A picture of the modality of the speech model of communicative behavior in the period 2018–2019, significantly different from the picture of 2013–2014, the prevalence of the negative modality of voice messages (43%) over the positive (41%) and the emergence of ambivalent voice messages (16%).

Keywords: communicative behavior, message parameters, communication pattern, communication modality, message subject.

REFERENCES

1. Analiticheskij portal WeAreSocial. URL: <https://weare-social.com>. (in Russian)
2. 14th International Conference on Cyber Warfare and Security, ICCWS2019; Stellenbosch; South Africa; 28 February 2019–1 March 2019. (in Russian)
3. *Davydova Yu.V.* Opredelenie tematicheskoj relevantnosti soobshchenij v zadache monitoringa virtual'nyh social'nyh setej dlya obespecheniya informacionno-psihologicheskoi bezopasnostilichnosti. International Journal of Open Information Technologies. 2019. V. 7. № 4. P. 11–18. (in Russian)
4. *Mityagina V.A.* Unifikacija v kommunikativnom povedenii: fenomen vezhlivosti. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2005. № 3. P. 39–45. (in Russian)
5. *Morozova A.A.* Problemnye moment kommunikativnogo vzaimodejstviya v social'nyh setyah. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. V. 93. 2014. № 26 (355). P. 76–80. (in Russian)

6. *Nikishina V.B., Petrash E.A., Zapesockaya I.V.* Lingvosemanticheskie harakteristiki kommunikativnogo povedeniya molodezhi v social'nyh setyah. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 5. P. 69–79. (in Russian)
7. Onlajn-portal statistiki Statista. URL: <https://www.statista.com/>. (in Russian)
8. *Rippinen T.O., Slobodskaya E.R.* Vzaimosvyazi lichnostnyh osobennostej podrostkov s povsednevnyim ispol'zovaniem komp'yutera. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2014. V. 35. № 4. P. 30–37. (in Russian)
9. *Ryazanova N.Yu., Sperecyan K.M.* Sravnitel'nyj analiz metodov opredeleniya emocional'noj okraski soobshchenij v social'nyh setyah s primeneniem obucheniya s uchitelem. *Novye informacionnye tekhnologii v avtomatizirovannyh sistemah*. 2018. № 21. P. 417–423. (in Russian)
10. Sistema monitoringa social'nyh media “Brand Analytics”. URL: <https://br-analytics.ru>. (in Russian)
11. *Terent'eva I.N.* Setevye kommunikacii: novaya real'nost' upravleniya. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya “Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tekhnologii”*. 2016. P. 23–27. (in Russian)
12. *Shpomer E.A.* Princip kritiki v kommunikativnom povedenii: k problem sootnosheniya kommunikativnyh zakonov I tipologii yazykovykh lichnostej kommunikantov. *Nauchno-informacionnyj zhurnal “Armiya i obshchestvo”*. 2011. № 1 (25). P. 45–49. (in Russian)
13. *De Bruijn G.-J.* To frame or not to frame? Effects of message framing and risk priming on mouth rinse use and intention in an adult population-based sample. *Journal of Behavioral Medicine*. 2018. V. 42. № 2. P. 300–314.
14. *Guillot-Wright S.P., Lu Y., Torres E.D. et al.* Design and Feasibility of a School-Based Text Message Campaign to Promote Healthy Relationships. *School Mental Health*. 2018. V. 10. № 4. P. 428–436.
15. *Housley W., Webb H., Williams M. et al.* Interaction and Transformation on Social Media: The Case of Twitter Campaigns. *Social Media and Society*. 2018. V. 4. № 1.
16. *Johnston C., Davis W.E.* Motivating exercise through social media: Is a picture always worth a thousand words? *Psychology of Sport & Exercise*. 2019. V. 41. P. 119–126.
17. *Jorgensen M.V., Phillips L.G.* Discourse-analysis. Theory and method. Kharkov: Publisher: Humanitarian centre, 2008.
18. *Majid S., Lopez C., Megicks P., Lim W.M.* Developing effective social media messages: Insights from an exploratory study of industry experts. *Psychology&Marketing*. 2019. V. 36. № 6. P. 551–564.
19. *Pancer E., Chandler V., Poole M., Noseworthy T.J.* How Readability Shapes Social Media Engagement. *Journal of Consumer Psychology*. V. 29. № 2. April 2019. P. 262–270.
20. *Rubenking B.* Emotion, Attitudes, Norms and Sources: Exploring Sharing Intent of Disgusting Online Videos. *Computers in Human Behavior*. 2019. V. 96. P. 63–71.
21. *Swickert R.J., Hittner J.B., Harris J.L., Herring J.A.* Relationships among Internet use, personality and social support. *Computers in Human Behavior*. 2002. V. 18. № 4. P. 437–451.
22. *Tseng T.H., Hsieh S.H.* Determinants of emoticon usage in mobile instant messaging: a construal level theory perspective. *Behaviour & Information Technology*. 2019. V. 38. № 3. 4 March. P. 289–301.
23. *Vashishtha S., Susan S.* Fuzzy Rule based Unsupervised Sentiment Analysis from Social Media Posts. *Expert Systems with Applications*. 2019. V. 138. № 112834. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2019.112834>.

УДК 159.9.01

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

© 2020 г. Н. И. Чуприкова

*Федеральное государственное научное учреждение
Психологический институт Российской академии образования,
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Россия.
Почетный профессор, доктор психологических наук.*

Поступила 24.06.2019

Аннотация. Обосновывается положение, что психическая реальность, которую долго не могла обрести психологическая наука, представляет собой отражательную и регулирующую поведение деятельность мозга. Эту деятельность с полным правом, следуя Ф. Крику, можно считать и называть психической деятельностью мозга. Именно она должна быть признана и фактически является реальным онтологическим объектом психологии. При этом разные разделы психологии имеют свои конкретные предметы изучения. Раскрывается принципиальное отличие психической деятельности мозга от всех других биологических процессов в теле животных и человека. Процессы психической деятельности мозга имеют двойственную идеально-материальную природу. Они идеальны по своему содержанию, так как воплощают в себе вне них существующую действительность. Они материальны, так как от начала до конца пространственно-вещественны. К обоснованию выдвинутых положений привлекаются данные нейрофизиологии о нейронах-детекторах, представления современной эволюционной эпистемологии (К. Лоренц, Г. Фоллмер), философские воззрения Аристотеля и Спинозы, определение природы идеального Э. Ильенковым. Рассматривается строение психической реальности как целостной функциональной системы, состоящей из семи главных подсистем (когнитивная, потребностно-мотивационная, эмоциональная, мнемическая, коммуникативная, интеграционно-регуляторная, активационно-энергетическая). Обсуждается возможность концептуального сближения психологии психических процессов и психологии личности. Анализируются гипотетические представления о психофизиологических механизмах сознания человека (Дж. Эдельман, А.М. Иваницкий). Кратко излагается фундаментальная программа комплексного изучения психической реальности Дж. Эдельмана.

Ключевые слова: психофизическая проблема, психическая реальность, объект психологии, системное строение психической реальности, сознание человека.

DOI: 10.31857/S020595920009334-3

Психологическая наука все еще не обрела своего общепризнанного предмета. Такое положение вещей является закономерным следствием отсутствия ясности в понимании природы той реальности (*mind, psyche, mental states*), которую она призвана изучать. Более того, само существование такой реальности или какая-либо ее роль в жизненных процессах и поведении подвергается сомнению. Реальность психического постоянно “ускользает” от определения. Это обстоятельство в свое время привело к отказу от ее изучения, и предметом психологии было признано поведение (методологический и радикальный бихевиоризм). В наши дни та же тенденция возрождается в достаточно популярной теории тождества души и тела, согласно радикальному варианту которой психика как таковая (*mind, psyche*) вообще не существует. Это лишь символ для обозначения специфического уровня

биологической активности человека, активности его мозга [13].

Выразительная формулировка радикальной версии теории тождества представлена в книге Д. Сваба, которая так и называется: “Мы — это наш мозг”. Автор пишет: “Психология изучает не душу, но наше поведение и мозг. Никаких психонов не существует — существуют нейроны. Когда человек испускает дух, не душа его отлетает — перестает действовать его мозг. Я ни разу не слышал убедительного возражения на простое заключение: дух — это результат деятельности наших 100 миллиардов мозговых клеток, а душа — всего лишь недоразумение” [15, с. 407].

Теория тождества психики (души, *mind*) и биологических процессов в теле (в мозге) находит отражение в учебниках психологии. В известном учебнике Д. Майерса, переведенном на несколько

языков, в том числе на русский, неоднократно повторяется, что психические явления это явления биологические. “Каждая ваша идея, — говорит Майерс, — каждое настроение, каждый порыв есть биологическое событие. Вы — это тело” [10, с. 69].

История вопроса показывает, что природа психики всегда обсуждалась в контексте ее соотношения с деятельностью организма, материальная (физическая, физико-химическая, биологическая) природа которой не вызывает сомнений.

В этом контексте кажется, что теория психофизического тождества отвечает неоспоримым фактам, твердо установленным наукой. Действительно, сегодня вряд ли кто-нибудь сомневается, что психические явления — это результат работы 100 миллиардов мозговых клеток, что без работы нервной системы и мозга не может существовать никакой психики. Однако при более внимательном анализе теория встречается с серьезными трудностями. Она должна быть заменена другой теорией, более корректно трактующей факты неразрывной и непреложной связи психических явлений с материальной деятельностью мозга. Эту теорию следует назвать психофизической теорией единства души и тела, которая не является редукционистской в отличие от психофизической теории их тождества.

ОТ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТОЖДЕСТВА ДУШИ И ТЕЛА К ТЕОРИИ ИХ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

При внимательном анализе теории тождества души и тела сразу возникает серьезный вопрос, который ее адептами не обсуждается, но имеет первостепенное значение. Вопрос состоит в том, какова конкретно та биологическая реальность деятельности мозга, которая должна быть поставлена на место того “эфмерного” нечто, которое до сих пор называлось психикой и проявляется в форме наших ощущений и восприятий, чувств и мыслей, настроений и порывов. Если задать этот вопрос современным ученым, то получим самые разные ответы. Кто-то скажет, что это сложнейшие физико-химические процессы, протекающие в нейронах; другой укажет на работу сложнейших нервных сетей, производящих разного рода “вычисления” посредством передачи нервных импульсов от одних нейронов к другим. Когнитивист отождествит работу мозга с приемом, переработкой и передачей информации, а бихевиорист — с безусловными и условными рефлексами, лежащими в основе поведения.

Каждое из этих утверждений само по себе, конечно, правильно. Но ни одно из них, ни все вместе

не позволяют логически ясно сопоставить и согласовать факты работы мозга со сложившейся в науке системой психических процессов, включающей ощущения, восприятие и мышление, потребности, эмоции и волю. Такое согласование должно было бы не на словах, но логически убедительно показать, как именно второе может быть целиком и полностью поставлено на место первого, как того требует радикальная теория психофизического тождества. Но этого не происходит. Между тем и другим остается непреодолимый разрыв, который обсуждается в современной аналитической философии [12]. Суть разрыва ясно выражена Т. Нагелем [11]. Он пишет, что в настоящее время, конечно, никто не сомневается в том, что ментальное (психическое, субъективное) не существует без физического. Их неразрывность установлена наукой, но на сегодняшний день является лишь чисто эмпирическим фактом. Мы не можем предложить какую-либо теоретическую концепцию, способную логически ясно объяснить, каким образом ментальное и физическое могут одновременно характеризовать одну и ту же сущность или процесс. Мы не понимаем, пишет Нагель, каким образом некоторого рода тождество ментального и работы мозга должно быть необходимой истиной. Отсюда он делает принципиальной важности вывод. Если при рассмотрении соотношения ментального и физического наши понятия не способны раскрыть логически необходимую связь между ними, которая как факт установлена наукой, то следует признать наши понятия, которыми мы оперируем, радикально неадекватными. Требуется ревизия того, как мы представляем себе либо ментальное, либо материю, либо то и другое.

Такой пересмотр содержится в известной работе Ф. Крика “Поразительная гипотеза” [26]. В ней Крик водит понятие психической деятельности мозга. Он пишет, что все наши мысли и чувства, радости и печали, мечты и желания *заканчиваются* в психической деятельности мозга. Какая поразительная мысль: психика не продуцируется, не производится мозгом, как это предусматривается многими традиционными формулировками, но заключена в нем самом. Крик не говорит, что “Вы — это тело” или что “Вы — это активность 100 миллиардов нейронов вашего мозга”. Он говорит иное: “Вы — это психическая активность вашего мозга”. Это не редукционистская теория психофизического тождества, по сути элиминирующая психику. Это теория психофизического единства. В ней психическое введено внутрь деятельности мозга, составляет ее сущность. А сама деятельность мозга больше не рассматривается только как исключительно физико-химическая или чисто

биологическая (деятельность его 100 миллиардов нейронов), т.е. как деятельность апсихическая, лишённая психики. Теория психофизического единства саму деятельность мозга рассматривает как психическую.

Ниже мы приведем фактические данные, эволюционные и теоретико-философские соображения, раскрывающие, почему и в каком смысле деятельность мозга как одного из телесных органов живого существа должна квалифицироваться как психическая.

МОЗГ КАК ОРГАН ОТРАЖЕНИЯ (ОТОБРАЖЕНИЯ) ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Успехи современной нейрофизиологии приводят к выводу, что с общей теоретико-биологической точки зрения деятельность мозга должна рассматриваться как отражательная, познавательная по своей сущности. Это значит, что конечная специфическая функция мозга, сколь бы сложными материальными процессами она ни осуществлялась, состоит в построении картины мира, окружающего живое существо, и в отображении внутренних состояний организма.

Это стало ясным уже на заре электрофизиологических исследований работы органов чувств и сенсорно-перцептивных областей мозга. Еще в конце 60-х годов прошлого века Р.Л. Грегори писал, что “когда мы смотрим на что-нибудь, определенная структура нервной активности воспроизводит предмет” [3, с. 11]. П.К. Анохин назвал мозговое описание внешнего объекта его нервным информационным эквивалентом, который в норме сохраняется на всем пути передачи информации от сигнала к анализатору и далее к эффекторам, обеспечивая адекватное поведение в отношении объекта [1].

Принципиальное значение для понимания деятельности мозга как отражательной имело открытие нейронов-детекторов, избирательно реагирующих на разные физические параметры стимулов, на объекты разных классов, на то или иное расположение живого существа в окружающем пространстве. Имеются нейроны, избирательно реагирующие на линии разной длины и ориентации, на определенную форму предметов, на звуки разной высоты и длительности, на определенные цвета, на разные направления и скорость движения, на определенную локализацию объектов в зрительном поле. Описаны также нейроны, осуществляющие более сложные познавательные функции. Это гностические нейроны, реагирующие на появление

в поле зрения объектов определенного класса, нейроны цели, возбуждающиеся при появлении целевого объекта, нейроны места, активизирующиеся при том или ином положении животного в пространстве. Поиск гностических нейронов мозга, избирательно реагирующих только на определенные объекты внешнего мира (лица людей вообще, лица определенных людей, здания и пейзажи и т.п.), составляет одно из перспективных направлений современной когнитивной нейрофизиологии. Что касается внутренней среды организма, то имеются нейронные системы, репрезентирующие состояния голода и жажды, удовольствия и страдания, системы, связанные с осуществлением полового, материнского, территориального поведения.

Суммируя сказанное, можно заключить, что в мозге высших животных и человека складывается своего рода огромная карта, репрезентирующая их внешнюю и внутреннюю среду и разнообразные результаты их взаимодействия с миром. Выдвигается голографическая гипотеза мозгового отображения объективного мира (К. Прибрам, К.В. Судаков).

Впечатляющее исследование осуществили ученые Калифорнийского университета во главе с Г. Стенли. Они регистрировали активность 177 нейронов в таламусе (в латеральном коленчатом теле) кошки, находящейся под наркозом, на глаза которой проецировались определенные изображения. Профили электрической активности каждого из нейронов отвечали определенным параметрам изображений: одни нейроны реагировали на контурные линии, другие — на текстуру, третьи — на контраст, четвертые — на цвет (черный или белый), пятые — на форму и т.д. Когда декодированную информацию от всех нейронов суммировали и вывели на монитор, экспериментаторы увидели немного размытое изображение именно той картинки, которая была предъявлена глазу кошки [30].

Открытие нейронов-детекторов несовместимо с представлениями о деятельности мозга как исключительно физической или физико-химической и поэтому аналогичной всем другим процессам в теле живых существ. Эта деятельность должна рассматриваться как отражательная по отношению к внешнему миру и внутренним состояниям организма. Специфическая, только мозгу присущая функция состоит в построении картины мира, включая само живое существо, его тело и происходящие в нем процессы жизнедеятельности. Только благодаря складывающейся в мозге картине мира, более или менее соответствующей самому миру, акты поведения, регулируемые мозгом, могут быть

адекватны окружающей живое существо среде и его собственным состояниям.

Сказанное полностью вписывается в рамки того философского направления, которое получило название эволюционной эпистемологии [23]. В ней познавательные способности животных и человека рассматриваются как результат эволюции, как результат адаптации живых организмов к тому объективному земному миру, в котором они возникли и существуют, с реалиями которого они существенно неразрывно связаны и постоянно взаимодействуют. А жизненное назначение познавательных способностей состоит в построении нервной системой и мозгом картины мира, без опоры на которую адаптация к миру невозможна. Вот что писал основоположник эволюционной эпистемологии К. Лоренц: “Как и лошадиное копыто адаптировано к степному грунту, с которым оно взаимодействует, так и наш центральный нервный аппарат, обеспечивающий формирование образа мира, адаптирован к реальности, с которой вынужден контактировать человек. Как и любой другой орган, этот аппарат приобрел свою целесообразную видосохраняющую форму благодаря взаимодействию с реальностью в ходе генеалогической эволюции, длящейся множество веков” [23, с. 47].

Строение органов чувств демонстрирует их поразительное сложившееся в эволюции соответствие задаче адекватного отображения разных параметров земного мира, в котором выживают и эволюционируют живые существа. Таковы устройство глаза и слуховые системы высших животных, таквы полукружные каналы, обеспечивающие постоянство положения тела по отношению к силе притяжения земли. Таков имеющийся в наличии набор специфических рецепторных белков, высокоизбирательно реагирующих на световые излучения волн разной длины, на разные молекулы пахучих веществ, на разный химический состав пищи, попавшей в ротовую полость.

В эволюции найден универсальный для всех подвижных животных способ отображения трехмерного пространства. Рассмотрение конкретных поведенческих и нейрофизиологических данных об оценке расстояний вибрационной системой скорпиона, зрительной и проприоцептивной системами глаза человека, зрительной системой пчелы, слуховой системой летучих мышей и дельфинов показывает, что она совершается в два этапа. Сначала имеет место разница возбуждений (временная, пространственная, пространственно-временная, силовая), создаваемая разноудаленными объектами на двухмерных поверхностях вибрационных, зрительных, проприоцептивных, слуховых

рецепторов. Эта разница является закономерной однозначной функцией расстояния, которое проходят волновые излучения, вызванные разноудаленными объектами, до встречи с соответствующими рецепторными поверхностями живого существа. На высших этажах сенсорных систем вступает в действие тонко настроенная система нейронов-детекторов. Они избирательно реагируют на определенные значения разницы возбуждений, создаваемой на двухмерных рецепторных поверхностях разноудаленными объектами. Так в центральной нервной системе воспроизводится окружающее живое существо объективное трехмерное пространство [19; 21; 22].

Нейронное строение высших областей мозга и механизмы индивидуальной памяти эволюционно адаптированы к отражению закономерностей и причинно-следственных связей объективной действительности, к отражению общих свойств ее предметов и явлений.

Специфическая, присущая только нервной системе и мозгу биологическая функция отражения (отображения) действительности в форме складывающегося в мозге образа мира с полным правом может быть названа психической функцией мозга или, кратко, просто психикой. Такая квалификация природы деятельности мозга позволяет отказаться от редуccionистской формулировки психофизической проблемы как теории тождества души и тела. Ее место должна занять более корректная теория психофизического единства.

Психофизическое единство души и тела постулировалось в философии Аристотеля и Спинозы.

АРИСТОТЕЛЬ И СПИНОЗА О ЕДИНСТВЕ ДУШИ И ТЕЛА

В литературе отмечается, что психологическое учение Аристотеля имеет биологическую направленность, что в нем доминируют материалистические тенденции [2]. Как пишет М.Г. Ярошевский, “Аристотель полагал, что идейное богатство мира воплощено в конкретных, чувственно воспринимаемых вещах и раскрывается только благодаря земному общению с ними в процессе эмпирических исследований” [25, с. 29]. В его философии обосновывалось представление о психике как о своего рода представленности объективной действительности в материальной деятельности организма. Но в последующие века оно не было понято, было практически забыто. Лишь в последнее время в связи с логическими трудностями решения психофизической проблемы начинает звучать

мысль, что психология Аристотеля дает более глубокое понимание предмета, чем это свойственно многим современным авторам. Отмечается, что она не только не предлагает сведения психологических событий к чистой биологии, что делает теория тождества души и тела, но и избавляет психологию от их дуализма, характерного для теории психофизического параллелизма [15; 28].

Психологические воззрения Аристотеля освещаются во многих работах [4; 9; 16; 25; 28; 29]. Знакомство с этими трудами позволяет увидеть стройную и непротиворечивую систему взглядов Аристотеля, в основе которой лежит, говоря современным языком, понимание психики как осуществляемого организмом отражения объективной действительности.

Благодаря своим биологическим исследованиям Аристотель пришел к пониманию того, что некоторые проявления активности живых организмов представляют собой не просто функции биологических органов и тканей, но неразрывно и глубоко связаны с объектами, с которыми организмы вступают во взаимодействие. Таковы органы чувств. Через органы чувств организм вступает в особого рода контакт, в особого рода взаимодействие с окружающими объектами. В этом особом взаимодействии орган чувств должен изменяться таким образом, чтобы *приспособиться* к форме ощущаемого объекта [2]. Получается, что объект буквально “входит” своей формой в биологическую деятельность органа чувств. Орган чувств не просто реагирует или отвечает на объект, но, приспособившись к нему, воспроизводит его форму в своей биологической активности. Значит, сколько будет разных объектов, столько будет и разных биологических приспособлений органа чувств к их форме. Ничего подобного нельзя сказать ни о каких других биологических органах и тканях. Именно этот совершенно уникальный вид и результат взаимодействия одного из органов организма — органа чувств — с объектами окружающего мира, в ходе которого орган чувств приспособивает свою деятельность к форме объектов, Аристотель назвал психикой (*psyche*)¹. В этом уникальном взаимодействии в органе чувств оказывается представленным внешний мир объектов, но без их материи. Это следует из определения, которое Аристотель дает ощущению. Ощущение — это способность некоторых

тел принимать форму чувственно воспринимаемых предметов без их материи, подобно тому, как воск принимает отпечаток печати без железа и золота². Из сопоставления понимания Аристотелем функций органов чувств и сущности ощущения следует принципиальный вывод. По отношению к объекту ощущение выступает как его идеальное отражение (то, что приобретает форму объекта без его материи), а по отношению к производящему ощущение органу чувств — как его чисто материальная деятельность, воспроизводящая форму объекта в форме изменения своей собственной материи.

Когда Аристотель переходит к рассмотрению более сложных форм распознавания и обозначения объектов (мышление, воспоминания, воображение), он приходит к выводу, что это требует работы уже не только отдельных органов чувств, но всего организма [2]. По-видимому, имеется в виду, что теперь весь организм в целом должен изменяться так, чтобы приспособиться к отражению более сложных форм объективной реальности. (Сегодня мы бы сказали, что весь мозг должен измениться таким образом, чтобы “приспособиться” к сложным формам мыслимых и воображаемых объектов.)

Подтверждением понимания Аристотелем психики как отражения действительности является его теория природы знаков языка. Согласно Аристотелю, в знаковой ситуации связаны три компонента: предмет, представление предмета в психике (в душе) и слова, образующие “знаковый треугольник”, к которому восходит современный “семантический треугольник”. Он выглядит следующим образом:

В этом треугольнике слова, выраженные звуками, суть символы представлений в психике. Что касается представлений, то они являются отражением предметов, и по отношению к одним и тем же

¹ Во многих переводах слово “psyche” переводится как душа (*soul*). Как пишет Н. Смит, такой перевод приемлем, если вкладывать в него тот первоначальный смысл, который заложен в нем в “Беовульфе”, однако он может ввести в заблуждение тех, кто будет склонен придавать ему современное религиозное значение [16].

² В Новое время та же мысль была высказана Г. Гегелем в труде “Философия природы” в его утверждении, что субъект может иметь для себя объект, оставляя сам объект без всякого изменения. Гегель пишет, что внешний материал остается совершенно равнодушен к изменению, предпринимаемому над ним, что субъект способен перемещать вещи в сторону своего внутреннего мира, отнимая у вещей присущую им внешность.

предметам они, как думал Аристотель, одинаковы для всех людей.

Ощущения, по мнению Аристотеля, за редким исключением достоверны, так как возникают, когда орган чувств входит в контакт с объектом. Значит, производя ощущение, орган чувств полностью “приспосабливается” к форме объекта. По-видимому, представления также должны быть достоверными. Иное дело мышление. Мысли могут как соответствовать, так и не соответствовать действительности, т.е. могут быть как истинными, так и ложными. Аристотель определяет истину в полном согласии со своим учителем Платоном, который писал, что тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит иначе, — лжет.

Считается, что платоновское понимание истины в произведениях Аристотеля было развернуто в целостную теорию, которая получила название теории соответствия или корреспондентной теории истины. Эта теория разделяется представителями эволюционной эпистемологии [23].

Если сопоставить теорию истины Аристотеля как соответствия мысли действительности, его понимание работы органов чувств как их приспособления к форме объектов, его мнение, что ощущения, как правило, достоверны, и его тезис, что в мышлении участвуют не отдельные органы чувств, а весь организм, то можно прийти к нетривиальному выводу. Если говорить в терминах Аристотеля, то вывод должен состоять в том, что в случае истинности мышления организму удается приспособиться к сложной форме сложных объектов. Если же такое приспособление не осуществляется или осуществляется частично, мысль не соответствует действительности и оказывается ложной.

В философии Аристотеля психика и организм нераздельны, составляют единое целое. Но затем христианство в системе своих доктрин и догматов сформировало основу представлений о двойственности человеческой природы. Человек является, с одной стороны, природным существом, биологическим организмом, с другой — творящей душой, психической субстанцией, набором ментальных функций [20].

В философии Нового времени дуализм души и тела был закреплен Р. Декартом и в течение нескольких веков господствовал в умах теоретиков и в обыденном сознании. Он не был поколеблен монистической философией Б. Спинозы, предложившего замечательную по глубине и краткости формулировку психофизического единства, полностью отвечающую взглядам Аристотеля.

По Спинозе, душа и тело представляют собой одну и ту же субстанцию, одну и ту же “вещь”, но обладающую двумя разными атрибутами (свойствами). В одном случае эта субстанция рассматривается под атрибутом мышления (душа), а в другом — под атрибутом протяженности (тело) [17].

Разъясняя свою позицию, Спиноза воспользовался аналогией из сферы своей профессиональной деятельности, аналогией с выпуклой и вогнутой линзой. Если смотреть на линзу с одной стороны, она кажется выпуклой, а с другой — вогнутой. Однако это одна и та же линза. Но мысль Спинозы глубже этой аналогии. Сегодня можно говорить о ее аналогии с физической теорией фотона, по которой фотон как целостное неделимое образование обладает одновременно двумя разными свойствами — свойством волны и свойством частицы. Так и единая субстанция “душа — тело” Спинозы обладает двумя разными свойствами — свойством мыслить и свойством иметь протяженность. В формулировке Спинозы душа и тело — это не просто одна и та же субстанция, как это подразумевается теорией тождества, и не два разных процесса, как в теории психофизического параллелизма. Это некое единое неделимое целое, которое обладает двумя качественно разными свойствами: свойством мыслить, т.е. познавать мир, и свойством иметь материальную протяженность.

Сегодня то, что Спиноза назвал субстанцией или “вещью”, может быть конкретизировано как отражательная и регулирующая поведение деятельность мозга [18–21]. Эта деятельность с полным правом может быть названа, используя термин Ф. Крика, психической деятельностью мозга.

СУЩНОСТЬ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЗГА, ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ И ПРЕДМЕТЫ РАЗНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В воззрениях Аристотеля и Спинозы, а также во взглядах представителей эволюционной эпистемологии для полной характеристики психической реальности не хватает одного необходимого звена. Не рассматриваются жизненная роль и жизненное предназначение психической реальности. Не обсуждается, зачем она появилась в эволюции и какую необходимую роль играет в жизнедеятельности животных и человека. Ясный ответ на эти вопросы был дан в отечественной психологии. В ней понимание психики как отражения действительности

неразрывно концептуально связано с ее пониманием как регулятора поведения и деятельности.

В фундаментальном труде “Бытие и сознание” С.Л. Рубинштейн [14] обозначил три вектора вписанности психики в систему мира:

1. По отношению к внешнему миру и к материальным процессам в теле самого организма психика выступает как их отражение.

2. По отношению к мозгу психика — это его функция.

3. По отношению к поведению психика является регулятором поведения и деятельности на основе использования результатов отражения мира, включая тело самого живого существа.

Два первых положения С.Л. Рубинштейна полностью идут в русле воззрений Аристотеля и Спинозы, взглядов представителей эволюционной эпистемологии и современных представлений о мозге как органе построения картины мира. Третье положение дополняет эту систему взглядов, указывая на то, что психическая реальность необходима для регуляции поведения живых существ в окружающей их среде на основе результатов отражения действительности.

Процессы отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга уникальны. Они качественно отличны от всех других процессов в природе и в организме самих живых существ и человека. Их уникальность и качественное своеобразие состоят в том, что, оставаясь от начала до конца материальными “протяженными” телесными процессами, они воплощают в себе иную, вне них самих существующую реальность. Только они, говоря словами Аристотеля, приспособливают организм к форме взаимодействующих с ним объектов и, “отнимая” эту форму от ее физической материи, воплощают ее в своей собственной биологической активности.

Природа отражательных процессов мозга двойственна. Будучи от начала до конца одним из видов телесных биологических процессов, т.е. будучи биологической реальностью, они являются также носителями другой, вне них самих существующей реальности, реальности внешнего объективного мира. Благодаря этим уникальным процессам мир, включая само живое существо и все его взаимоотношения с миром, оказывается буквально “встроенным” в живое существо и воспроизведенным в его биологической материи с большей или меньшей точностью. Поэтому в актах своего поведения, имеющих телесную материальную основу, живое существо получает возможность руководствоваться обстоятельствами окружающего мира и состояниями

собственного организма, “приспосабливая”, говоря словами Аристотеля, свою деятельность к этим обстоятельствам. Суть дела состоит в том, что к исполнительным органам живого существа поступают из нервных центров не просто физические нервные импульсы, вызванные теми или иными внешними или внутренними воздействиями. Это такие импульсы и их ансамбли, в которых воплощены (представлены) подчас с высокой точностью качественные и количественные свойства той стимуляции, которая инициирует поведенческие и секреторные акты. Надо думать, что чем более полно и детализированно в состояниях мозга отражена вне него самого существующая действительность, тем выше адаптивные и творческие возможности живого существа.

Можно сказать, что отражательные процессы мозга, регулирующие поведение, имеют двойственную идеально-материальную природу. При этом идеальное это не есть “ничто”, выходящее за пределы материи. По определению Э.В. Ильенкова [7; 8], под идеальностью или идеальным следует понимать результат такого своеобразного отношения между двумя объектами, когда один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта: “Быть другим, оставаясь при этом самим собой — это значит обладать кроме реального еще и идеальным бытием”.

Из всего сказанного следует, что отражательные процессы мозга, регулирующие поведение, не могут рассматриваться как физические, химические или просто биологические явления в принятом смысле слова. Это совсем особый вид природных явлений, характеризующийся не только протяженностью, энергией, качественными химическими превращениями или обменом веществ, но и содержанием, в котором представлены предметы и явления, находящиеся вне них самих, за их пределами. Вероятно, здесь можно говорить об особой форме существования материи, не сводимой к ее физической, химической и биологической формам. Эту форму материи можно назвать психической в согласии с тем значением, которое Аристотель вкладывал в слово психика.

После сказанного о природе психической реальности остается лишь один логический шаг до определения предмета психологии.

Если существуют уникальные природные процессы и явления (или даже особая форма существования материи), то должна существовать наука, их изучающая. Эту науку по аналогии с физикой, химией и биологией можно назвать психологией.

Психология призвана изучать — и фактически изучает, — какие именно предметы, явления

и закономерности действительности составляют содержание психической реальности на разных филогенетических этапах ее эволюции, у разных живых существ и как оно изменяется в их онтогенезе. Она призвана изучать — и фактически изучает, — как именно разные содержания воплощаются в определенных нервно-мозговых структурах и процессах и как именно эти “воплощения” регулируют поведение, обеспечивая выживание живых существ и продолжение рода.

Но как в физике, химии и биологии существует много разных наук, имеющих предметом изучения разные конкретные физические, химические и биологические процессы и явления, так и в психологии должно быть много разных наук с разными конкретными предметами. Так оно и есть на самом деле. Есть психология, изучающая ощущения, восприятие, мышление и воображение, изучающая память, эмоции, потребности и мотивы, детская и педагогическая психология, психология личности и дифференциальная психология, зоопсихология, эволюционная и культурно-историческая психология, психофизиология, нейропсихология и др. В рамках предложенного понимания природы психики, заложенного Аристотелем и Спинозой, все эти науки изучают одну и ту же идеальную-материальную реальность, имеют общий единый для всех объект изучения. Этот объект — отражательная и регулирующая поведение деятельность мозга. Однако в этом общем объекте разные науки выбирают разные аспекты и уровни его изучения и поэтому имеют свои разные конкретные предметы.

К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ПОНЯТИЙ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Понимание психической реальности как отражательной и регулирующей поведение деятельности нервной системы и мозга позволяет начать построение теоретически обоснованной системы психологических понятий. Оно дает основу, чтобы представить в виде определенной системы основные психологические понятия, которые прочно вошли в обиход науки, стали общепринятыми терминами для обозначения основных областей общей психологии. Это понятия ощущений, восприятия, мышления, воображения, памяти, эмоций, потребностей и мотивов, речи, внимания и воли. В настоящее время они не образуют какой-либо системы, существуют рядоположно. Теоретический вопрос, почему именно эти понятия прочно вошли в науку, почему именно они, а не какие-либо другие необходимы для описания и изучения психики, не ставится. Совокупность перечисленных понятий

имеет чисто эмпирический характер, что закономерно, пока не определена природа той реальности, для описания и изучения которой они предназначены.

Построить рациональную логическую систему основных психологических понятий позволяет понимание психической реальности как отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга [19]. Такое понимание природы психики ведет к постановке вопроса о том, что же именно конкретно должно быть отражено мозгом, чтобы поведение и деятельность были адекватны их внешним и внутренним условиям и успешны. При ответе на этот вопрос логическая система психологических понятий выстраивается буквально “сама собой”.

1. Должна быть отражена объективная действительность, существующая в данный момент времени, антиципированы возможные будущие события, отражены закономерные связи и отношения между объектами действительности, связи и отношения между объектами среды и организмом. При осуществлении двигательных актов должно быть отражено состояние мышечно-двигательного аппарата организма. В реализации этих форм отражения задействованы познавательные процессы — ощущения, восприятие, мышление, воображение.

2. Должны быть отражены нужды организма и нужды человека как социального существа и личности. Это сфера потребностей и мотивации.

3. Должно быть отражено в непосредственно-чувственной форме значение для организма и личности (положительное или отрицательное) тех или иных внешних и внутренних факторов, результатов взаимодействия субъекта с миром, результатов его поведения и деятельности. Такая оценка является функцией эмоций и чувств.

4. Необходимо использовать сведения о результатах отражения действительности и результатах регуляции поведения и деятельности, имевших место в прошлом опыте. Это функция памяти.

5. Необходимо иметь сведения о психике других особей (в животном мире) и других людей в человеческом обществе, а также сообщать другим о содержании своей собственной психики. Это осуществляется невербальными и вербально-речевыми средствами коммуникации.

Итак, мы получили логически обоснованную классификацию психических процессов, которая базируется на едином общем основании. В этой классификации находят ясное законное место процессы невербальной коммуникации и речь.

Однако, процессы отражения — это только одна сторона дела, так как жизненная задача психической деятельности мозга — осуществлять на основе отражения действительности регуляцию актов поведения и деятельности. Результаты отражения действительности ведут в конечном счете к выработке целей и программ поведения и деятельности, которые заканчиваются выходом их итогов к исполнительным органам. Иногда для формирования таких программ бывает достаточно какого-либо одного из рассмотренных каналов отражения. Но обычно в конкретных актах (или циклах) организации поведения и деятельности требуется учитывать содержание нескольких из них или даже всех без исключения. Поэтому к пяти выделенным группам психических процессов должна быть добавлена еще одна, шестая группа — группа интеграционно-регуляторных процессов. Это процессы принятия решений на основе интеграции и синтеза результатов отражения разных сторон внешней действительности и внутренних состояний организма и личности.

В предложенной классификации сфера психической реальности предстает не как эмпирическая рядоположенная совокупность отдельных процессов (познание + эмоции + потребности + память + речь + воля), но как целостная система, выполняющая определенную функцию (отражение действительности и регуляция на этой основе поведения и деятельности) и состоящая из нескольких подсистем. Это *когнитивная, потребностно-мотивационная, эмоциональная, мнемическая, коммуникативная и интеграционно-регуляторная* подсистемы.

Но к этим подсистемам психики нужно добавить еще одну — *активационно-энергетическую* подсистему. Дело в том, что отражательная и регулирующая поведение деятельность мозга нуждается в энергетическом и метаболическом обеспечении. Надо думать, что чем сложнее отражательная и регулирующая поведение деятельность мозга, тем выше требования к ее энергетическому и метаболическому обеспечению, а результаты многочисленных физиологических исследований показывают, что именно таково фактическое положение вещей. Сегодня известно, что энергетическое и метаболическое обеспечение работы высших корковых областей мозга осуществляется вегетативной нервной системой и активирующими подкорковыми структурами.

Обращение к работе активационно-энергетической подсистемы психики позволяет найти законное место в ее общей системе еще двум важным психологическим понятиям — понятиям внимания и воли. Когда активационно-энергетическая подсистема включается для обеспечения тонко

настроенных избирательных когнитивных процессов (обнаружение и различение слабых сигналов, целенаправленное мысленное оперирование определенными содержаниями психики в отвлечении от других), с полным правом можно говорить о внимании. Когда она включается для достижения в трудных условиях сознательно поставленных целей деятельности, можно говорить о воле.

Можно полагать, что свойства активационно-энергетической подсистемы психики должны лежать в основе *темперамента* [19].

Предложенное понимание психической реальности позволяет по-новому поставить вопрос о детерминации поведения. В естественных условиях жизни высших животных и человека его детерминантами не могут быть какие-либо отдельные внешние или внутренние воздействия (раздражители, стимулы). Таковыми всегда являются целостные ситуации, включающие определенную совокупность ряда внешних и внутренних факторов. Во всех сложных нестандартных условиях такого рода ситуации бросают своего рода вызов целостной функциональной системе психики. Если система адекватно отвечает на вызов, здесь могут быть два варианта. Либо она изменяется, приспосабливаясь к новым условиям, либо система активно воздействует на обстановку вызова, изменяя ее “в свою пользу”.

При сегодняшнем состоянии психологической науки бросается в глаза почти полное отсутствие концептуальной связи между психологией психических процессов и психологией личности. Это как бы совсем разные области знания с собственными понятиями, терминами, теориями и методологией. Между тем если посмотреть на перечень ряда понятий, традиционно представленных в психологии личности, то можно увидеть, что он до некоторой степени сопоставим с понятиями, выработанными в психологии психических процессов [19].

Способности — это характерные устойчивые особенности познавательных и коммуникативных процессов, обеспечивающие успешность деятельности.

Характер и волевые качества личности — это проявления устойчивых особенностей центрально-регуляторной и активационно-энергетической подсистем психики.

А устойчивые особенности эмоций, потребностей и мотивов характеризуют устойчивые черты *эмоциональной и потребностно-мотивационной сфер личности*.

Путь формирования и развития подструктур личности также в общем плане достаточно ясен.

В этих подструктурах закрепляется многократно повторяемый индивидуальный опыт взаимодействия индивида с миром, опыт его удачных и неудачных ответов на его вызовы [19].

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПРОГРАММА КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЖ. ЭДЕЛЬМАНА

Безусловным достижением психологии последнего столетия является разделение психических процессов и явлений на сознательные и бессознательные (осознаваемые и неосознаваемые). Это значит, что психическая реальность существует в двух разных формах — в форме сознательной (осознаваемой) и бессознательной (неосознаваемой) реальности. Бессознательное — это такие психические процессы, которые влияют на поведение человека, что видно постороннему наблюдателю, но самому человеку не известны. Он ничего не может сообщить о них другим людям. В отличие от этого, сознание означает знание человека о своей психике, о содержании которой он может сообщить другим.

В истории философской и психологической мысли в качестве процессов, делающих психику сознательной, постулировались рефлексия (Р. Декарт, Дж. Локк), апперцепция (Г. Лейбниц, В. Вундт), интенциональные акты, направленные со стороны субъекта на объект (Ф. Brentano). В настоящее время Дж. Эдельманом предложена теоретическая модель деятельности мозга, в которой философско-психологические понятия рефлексии, апперцепции, интенциональных актов сознания получают ясный материально-физиологический эквивалент [24; 27].

Предлагая общую теоретическую модель деятельности мозга, Дж. Эдельман вводит в нее механизм повторного прихода возбуждений к проекциям сенсорных сигналов со стороны других отделов мозга (гиппокамп, лимбическая система). Механизм состоит в том, что возбуждения, возникающие в высших областях мозга, вновь адресуются к начальным звеньям обработки сенсорной информации, модифицируя их работу. Он полагает, что такое повторное возбуждение является средством оценки новизны и значимости сенсорных сигналов и создает соответствие и связь между внутренними состояниями системы мозга и входными сенсорными системами разных модальностей. Именно такой механизм Дж. Эдельман считает условием сознательного восприятия.

В связи с существованием процесса возвратного прихода возбуждений к сенсорным проекциям со стороны высших нервных центров Дж. Эдельман считает необходимым провести фундаментальное различие между первичным и более высокоуровневым сознанием. Первичным сознанием (*primary consciousness*) он называет состояние ментальной осведомленности о вещах в мире (*the state of being mentally aware of things on the world*) — наличие ментальных образов о настоящем положении вещей. Это то, чем, как можно предположить, обладают животные, не использующие специальных лингвистических средств для передачи сигналов. В противоположность этому высокоуровневое сознание (*higher-order consciousness*) включает в себя распознавание мыслящим субъектом его собственных состояний, действий, предпочтений, пристрастий. Это то, что мы, люди, имеем в дополнение к первичному сознанию. Мы сознаем, что являемся сознающими.

В связи с выделением двух уровней сознания Дж. Эдельман предлагает фундаментальную программу исследований, которую с полным правом можно назвать программой комплексного психофизиологического исследования психической реальности. Согласно программе, нужно построить мозговую модель для первичного сознания и надстроить над ней модель для высокоуровневого сознания. После этого станет возможным проверять связи каждой из них с человеческим феноменальным опытом.

В работах А.М. Иваницкого повторный приход возбуждений к мозговым проекциям воспринимаемых объектов со стороны высших отделов мозга, связанных с памятью, мотивацией и оценкой значимости сигналов, прямо связывается с возникновением субъективно переживаемых ощущений, т.е. с нашим феноменальным опытом [5; 6].

На пути реализации программы Дж. Эдельмана должно будет становиться все более ясным, как именно ментальные состояния, продуцируемые мозгом, в процессе эволюции и приобретения индивидуального опыта все лучше, говоря словами Аристотеля, приспособляются к все более сложным формам действительности, с которой взаимодействуют животные и человек. Также должно будет становиться все более понятным, как в процессе эволюции и приобретения индивидуального опыта развивается способность ментальных состояний все лучше регулировать поведение, делая его все более адекватным внешним и внутренним условиям его осуществления. В рамках философии Спинозы это будет означать все лучшее понимание того, как в процессе эволюции и индивидуального

опыта совместно развиваются содержательный аспект психической реальности и ее нервно-мозговой аспект. Можно полагать, что мы находимся в начале пути, ведущего к фактическому преодолению концептуального разрыва между описанием психической реальности в пространственно-физиологических терминах и ее описанием в психологических терминах, в терминах нашего внутреннего феноменального мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анохин П.К.* Психическая форма отражения // Ленинская теория отражения и современность / Сост. и ред. Т. Павлов. София: Наука и искусство, 1969. С. 109–139.
2. *Аристотель.* О душе // Соч.: В 4 т. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 369–448.
3. *Грегори Р.Л.* Глаз и мозг. М.: Прогресс, 1970.
4. *Зубкова Л.Г.* Теория языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016.
5. *Иваницкий А.М.* Главная загадка природы: как на основе процессов мозга возникают субъективные переживания // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 93–104.
6. *Иваницкий А.М.* Естественные науки и проблема сознания // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 4. № 8. С. 716–723.
7. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального. Начало // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140.
8. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального. Окончание // Вопросы философии. 1979. № 7. С. 143–158.
9. *Левин Г.Д.* Классическая теория истины и парадокс “лжец” // Эпистемология и философские науки. 2012. Т. XV. № 1. С. 83–99.
10. *Майерс Д.* Психология. Минск: Поппури, 2001.
11. *Нагель Т.* Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 101–112.
12. *Нагуманова С.Ф.* Существует ли разрыв в материалистических объяснениях психики? // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 90–105.
13. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006.
14. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
15. *Свааб Д.* Мы — это наш мозг: от матки до Альцгеймера. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.
16. *Смит Н.* Современные системы психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
17. *Спиноза Б.* Этика. М.-Л.: Госсосоэкономиздат, 1933.
18. *Чуприкова Н.И.* Психика и сознание как функция мозга. М.: Наука, 1985.
19. *Чуприкова Н.И.* Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры, 2015.
20. *Чуприкова Н.И.* Монизм Спинозы как основа материалистического решения психофизиологической проблемы // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 3–19.
21. *Чуприкова Н.И.* Перспективы решения психофизиологической проблемы: деятельность мозга, психика и явления сознания // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 122–135.
22. *Чуприкова Н.И.* О найденном в эволюции универсальном способе отражения пространства: конструктивизм или теория отражения? // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 1–11.
23. Эволюционная эпистемология. Антология / Науч. ред., сост. Е.Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.
24. *Эдельман Дж.* Сознание: помнимое настоящее // Эволюционная эпистемология. Антология / Науч. ред., сост. Е.Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 419–438.
25. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976.
26. *Crick F.* The astonishing hypothesis: The scientific search for the soul. N.Y.: Simon and Schuster, 1994.
27. *Edelman G.* The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. N.Y.: Basic Books, 1990.
28. *Everson S.* Aristotle on Perception. Oxford, England: Clarendon Press, 1997.
29. *Shute C.* The psychology of Aristotle. N.Y.: Columbia University Press, 1944.
30. *Stanley G.B., Li F.F., Dan Y.* Reconstruction of natural scenes from ensemble responses in the lateral geniculate nucleus // J. Neurosci. 1999. V. 19 (18). P. 8036–8042.

MENTAL REALITY AND THE SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL STUDIES

N. I. Chuprikova

*Federal State Scientific Establishment
Psychological Institute of the Russian Academy of Education;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 9, bld. 4, Russia.
ScD (Psychology), Honorary Professor.*

Received 24.06.2019

Abstract. The article substantiates the position that psychic reality which psychological science could not find for a long time is a brain activity reflecting and regulating behavior. Following by the F. Crick, this activity can rightfully be considered and can be called the mental activity of the brain. It should be recognized and it is in fact the real ontological object of psychology. At the same time, different sections of psychology have their own specific subjects of study. The fundamental difference between mental activity of brain and all other biological processes in animals' and humans' bodies is considered. It is shown that mental activity of brain processes have a dual ideal-material nature. They are ideal in their content, because they embody the existing reality outside of them. They are material, because from beginning to end they are spatially real. The substantiation of the proposed provisions involves the data of neurophysiology about neuron-detectors, ideas of modern evolutionary epistemology (K. Lorenz, G. Vollmer); the philosophical views of Aristotle and Spinoza, and definition of the nature of the ideal by E. Ilyenkov. The structure of mental reality is considered as a holistic functional system consisting of seven main subsystems (cognitive, need-motivational, emotional, mnemonic, communicative, integration-regulatory, activation-energy). The possibility of conceptual convergence of psychology of mental processes and personality psychology is discussed. Hypothetical ideas about psychophysiological mechanisms of human consciousness (J. Edelman, A.M. Ivanitsky) are analyzed. The fundamental program of a comprehensive study of psychic reality by John Edelman is summarized.

Keywords: mind-body problem, psychophysical problem, mental reality, object of psychology, system structure of mental reality, human consciousness.

REFERENCES

1. *Anohin P.K.* Psihicheskaja forma otrazhenija. Leninskaja teorija otrazhenija i sovremennost'. Sost. i red. T. Pavlov. Sofija: Nauka i iskusstvo, 1969. P. 109–139.
2. *Aristotel'.* O dushe. Sochinenija v chetyreh tomah. V. 1. Red. V.F. Asmus. Moscow: Mysl', 1976. P. 369–448.
3. *Gregori R.L.* Glaz i mozg. Moscow: Progress, 1970.
4. *Zubkova L.G.* Teorija jazyka v ee razvitii: ot naturocentrizma k logocentrizmu cherez sintez k lingvocentrizmu i k novomu sintezu. Moscow: Izd. Dom JaSK, 2016.
5. *Ivanickij A.M.* Glavnaja zagadka prirody: kak na osnove processov mozga voznikajut sub'ektivnye perezhivanija. Psikhologicheskii zhurnal. 1999. V. 20. № 3. P. 93–104.
6. *Ivanickij A.M.* Estestvennye nauki i problema soznanija. Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2004. V. 4. № 8. P. 716–723.
7. *Ilenkov Je.V.* Problema ideal'nogo. Nachalo. Voprosy filosofii. 1979. № 6. P. 128–140.
8. *Ilenkov Je.V.* Problema ideal'nogo. Okonchanie. Voprosy filosofii. 1979. № 7. P. 143–158.
9. *Levin G.D.* Klassicheskaja teorija istiny i paradoks "Izh-es". Jepistemologija i filosofskie nauki. 2012. T. XV. № 1. P. 83–99.
10. *Majers D.* Psihologija. Minsk: Poppuri, 2001.
11. *Nagel' T.* Myslimost' nevozmozhnogo i problema duha i tela. Voprosy filosofii. 2001. № 8. P. 101–112.
12. *Nagumanova S.F.* Sushhestvuet li razryv v materialisticheskikh ob'jasnenijah psihiki? Voprosy filosofii. 2007. № 1. P. 90–105.
13. Psihologicheskaja jenciklopedija. Eds. R. Korsini, A. Au-erbacha. St. Petersburg: Piter, 2006.
14. *Rubinshtejn S.L.* Bytie i soznanie. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1957.
15. *Svaab D.* My — jeto nash mozg: ot matki do Al'egejmera. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2014.
16. *Smit N.* Sovremennye sistemy psihologii. St. Petersburg: Prajm-EVROZNAK, 2003.
17. *Spinoza B.* *Jetika.* Moscow-L.: Gossocjekonomizdat, 1933.
18. *Chuprikova N.I.* Psihika i soznanie kak funkcija mozga. Moscow: Nauka, 1985.
19. *Chuprikova N.I.* Psihika i psihicheskie processy (sistema ponjatij obshhej psihologii). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015.
20. *Chuprikova N.I.* Monizm Spinozy kak osnova materialisticheskogo reshenija psihofiziologicheskogo problem. Voprosy psihologii. 2016. № 6. P. 3–19.

21. *Chuprikova N.I.* Perspektivy reshenija psihofiziologicheskoy problemy: dejatel'nost' mozga, psihika i javlenija soznaniya. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018. V. 39. № 1. P. 122–135.
22. *Chuprikova N.I.* O najdenom v jevoljucii universal'nom sposobe otrazhenija prostranstva: konstruktivizm ili teorija otrazhenija? *Voprosy psihologii*. 2018. № 4. P. 1–11.
23. *Jevoljucionnaja jepistemologija*. Antologija. Nauch. red., sost. E.N. Knjazeva. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2012.
24. *Jedel'man Dzh.* Soznanie: pomnimoe nastojashhee. *Jevoljucionnaja jepistemologija*. Antologija. Nauch. red., sost. E.N. Knjazeva. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2012. P. 419–438.
25. *Jaroshevskij M.G.* *Istorija psihologii*. Moscow: Mysl', 1976.
26. *Crick F.* *The astonishing hypothesis: The scientific search for the soul*. New York: Simon and Schuster, 1994.
27. *Edelman G.* *The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness*. New York: Basic Books, 1990.
28. *Everson S.* *Aristotle on Perception*. Oxford. England: Clarendon Press, 1997.
29. *Shute C.* *The Psychology of Aristotle*. New York: Columbia University Press, 1944.
30. *Stanley G.B., Li F.F., Dan Y.* Reconstruction of natural scenes from ensemble responses in the lateral geniculate nucleus. *J. Neurosci.* 1999. V. 19 (18). P. 8036–8042.

УДК 159.9.01

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2020 г. В. Е. Лепский

ФГБУН Институт философии РАН;
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр.1, Россия.
Доктор психологических наук, главный научный сотрудник.
E-mail: VELepskiy@mail.ru

Поступила 15.03.2020

Аннотация. Опираясь на материалы статьи А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика “Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований”, обсуждаются философско-методологические основания для оценки социально-психологических последствий внедрения новых технологий. Показано, что актуальность данной оценки связана с поиском путей преодоления кризиса техногенной цивилизации, а также созданием социально ориентированной модели посттехногенной цивилизации. Проанализированы аспекты поиска точек роста новых ценностей с опорой на постнеклассическую научную рациональность, ориентированную на рассмотрение саморазвивающихся человекообразных систем. Разработаны система онтологий для конвергенции деятельностного, субъектно-деятельностного и субъектно-ориентированного подходов и системные критерии для оценки социально-психологических последствий внедрения новых технологий на личностном, межличностном, внутригрупповом, межгрупповом, организационном и социетальном уровнях.

Ключевые слова: социально-психологические последствия, техногенная цивилизация, новые технологии, постнеклассическая научная рациональность, кибернетика саморазвивающихся полисубъектных сред.

DOI: 10.31857/S020595920010484-8

БЕСКОНТРОЛЬНЫЙ БУМ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ЗАКАТЕ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Для выявления причин разнообразных социально-психологических последствий внедрения новых технологий [1] и разработки адекватных методов предотвращения угроз важно осознать ключевую проблему, порождающую фактически полное игнорирование такого рода последствий. Эта же проблема способствует концентрации внимания лишь на аспектах эффективности внедрения этих технологий для экономической практики.

Характерной особенностью современного мира является кризис “жесткой” глобализации и переход от однополярного к многополярному миру. Базовой метацивилизационной моделью проекта “жесткой” глобализации и однополярного мира, по мнению многих исследователей, является

модель “техногенной цивилизации” [5]. Она ориентирована на унификацию локальных цивилизаций, на “свертывание” многоцивилизационного мира [4]. В психологическом плане наиболее важна ориентация на разрушение субъектности развития, на атомизацию обществ [2].

Суть техногенной цивилизации определяется ее базовыми ценностями, которыми являются научно-технический прогресс и наука, при этом игнорируются социальные ценности и этические аспекты социальных процессов. Как следствие, игнорируются и социально-психологические последствия внедрения новых технологий.

Принципиально важно отметить, что ограниченность ценностных ориентаций техногенной цивилизации приводит к нарастанию угроз для человека, общества, экологии и техносферы (как среды гибридной реальности).

Философско-методологические основания для системного подхода к поиску путей преодолению

ния кризиса техногенной цивилизации были предложены В.С. Степиным [6]. По мнению Степина, этот подход достаточно обоснован в отечественной философии. Важно отметить, что он не призывал к отказу от научно-технического прогресса, а предлагал придать ему гуманистическое измерение. Наука и научно-технический прогресс понимаются Степиным в контексте постнекласической научной рациональности, в центре внимания которой находятся гуманистические ориентиры и ценности.

Вывод: актуальность оценки социально-психологических последствий внедрения новых технологий связана с поиском способов преодоления кризиса техногенной цивилизации и созданием социально ориентированной модели посттехногенной цивилизации.

ОТ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОЙ К СИСТЕМНОЙ ГАРМОНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Принципиально важно отметить ограниченность человекоцентричного подхода при оценке социально-психологических последствий внедрения новых технологий. Кризис техногенной цивилизации в первую очередь связан с ограничениями ее базовых ценностей. Они не подвергались пересмотру до последней трети XX столетия, пока эта цивилизация не столкнулась с глобальными проблемами, порожденными научно-техническим развитием [6]. В центре внимания при поиске моделей посттехногенной цивилизации на основе постнекласической научной рациональности оказались социальные ценности и цели. Можно утверждать, что дальнейшее цивилизационное развитие будет осуществляться на основе гармоничного сочетания четырех взаимозависимых базовых ценностей: сохранения и развития человека, человечества, биосферы и техносферы (включая гибридную реальность). Игнорирование этих ценностей в техногенной цивилизации связано прежде всего с тем, что она оказалась органично связана с рыночными отношениями, с принципом максимизации прибыли и обществом потребления.

Важно найти точки роста новых ценностей, и их надо искать в недрах техногенной культуры. Философско-методологические основания для поиска точек роста должны опираться на постнекласическую научную рациональность, которая ориентирована на рассмотрение саморазвивающихся человеко-размерных систем. В рамках такого подхода может быть реализован принцип многоуровневой организации совместной жизнедеятельности, позволяющий учитывать все уровни социально-психологического анализа.

СИСТЕМНЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

На основании анализа культуры междисциплинарных эргономических исследований инновационных процессов можно выделить базовые критерии, на основе которых будет оцениваться совершенствование различных видов деятельности: продуктивность, безопасность, удовлетворенность и развитие субъектов и самих видов деятельности [3]. Раскроем их подробнее:

1) эффективное реагирование человека и общества на позитивные аспекты технологических новаций. Готовность к разработке и внедрению новаций;

2) контролирующее реагирование человека и общества на вызовы и угрозы от внедрения новых технологий;

3) справедливое реагирование человека и общества на потенциальные возможности внедрения новых технологий. Возможность использовать эти технологии в интересах человечества (решение проблем качества жизни, преодоления социального неравенства и др.), а не только в интересах лиц, обладающих управленческими ресурсами;

4) развивающее реагирование человека и общества на внедрение новых технологий. Готовность и возможность решать задачи стратегического целеполагания, разрабатывать стратегии и проекты развития, прогнозировать будущее и с этих позиций оценивать технологические новации. Соотнесение последствий влияния новых технологий на имеющиеся проекты развития, оценка готовности к внедрению новых технологий с учетом наличия необходимых ресурсов для успешного использования позитивных результатов и нейтрализации негативных и др.

Очевидно, что оценка социально-психологических последствий внедрения новых технологий может производиться в контексте каждого из четырех выделенных критериев и будет иметь в каждом из них свою специфику.

СИСТЕМА ОНТОЛОГИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Авторы статьи декларировали принцип многоуровневой организации совместной жизнедеятельности, который учитывает все уровни социально-

психологического анализа: личностный, межличностный, внутригрупповой, межгрупповой, организационный и социетальный. В контексте постнеклассической научной рациональности реализация этого принципа возможна при организации саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред [3]. В этих средах на основе системы онтологий задается функциональная структура связей различных типов субъектов для решения проблем от стратегического целеполагания до обеспечения жизнедеятельности, а также задается пространство коммуникаций этих субъектов. В такой среде создаются условия для конвергенции деятельностного, субъектно-деятельностного и субъектно-ориентированного подходов и возможности оценки социально-психологических последствий внедрения новых технологий на личностном, межличностном, внутригрупповом, межгрупповом, организационном и социетальном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
2. Лепский В.Е. Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации // Проблемы цивилизационного развития. 2019. № 1. С. 33–48.
3. Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019.
4. Смирнов А.В. Проект многоцивилизационного мира как основание идеи многополярности: концепция всечеловеческого сегодня // Национальная философия в глобальном мире: Тезисы Первого белорусского философского конгресса. Минск: Беларуская наука, 2017. С. 350–352.
5. Степин В.С. XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 185–188.
6. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
7. Lepskiy V. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // *Kybernetes*. 2018. V. 47. Iss. 2. P. 249–261.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF NEW TECHNOLOGIES

V. E. Lepskiy

*Federal State-Financed Establishment of Science, Institute of Philosophy RAS;
109240, Moscow, Goncharnaya str., 12/1, Russia.*

ScD (Psychology), Main Research Fellow of the Institute of Philosophy RAS.

E-mail: VELepskiy@mail.ru

Received 15.03.2020

Abstract. Based on the materials of the article A.L. Zhuravlev, T.A. Nestik “Socio-psychological consequences of new technologies, adoption: perspective directions of research”, discusses the philosophical and methodological foundations for assessing the socio-psychological consequences of the introduction of new technologies. It is shown that the relevance of assessing the socio-psychological consequences of introducing new technologies is related to the search for overcoming the crisis of technological civilization and the search for a socially-oriented model of post-technological civilization. The value aspects of the search for growth points are analyzed based on post-non-classical scientific rationality, which is focused on the consideration of self-developing human-sized systems. The system criteria for assessing the socio-psychological consequences of introducing new technologies are proposed. A system of ontologies has been developed for convergence of activity, subject-activity, and subject-oriented approaches and the possibility of assessing the socio-psychological

consequences of introducing new technologies at the personal, interpersonal, intra-group, inter-group, organizational, and social levels.

Keywords: socio-psychological consequences, technological civilization, new technologies, post-non-classical scientific rationality, cybernetics of self-developing poly-subject environments.

REFERENCES

1. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A.* Social'no-psihologicheskie posledstviya vnedreniya novyh tekhnologij: perspektivnye napravleniya issledovanij. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 5. P. 35–47. (In Russian)
2. *Lepskij V.E.* Sistemnye osnovaniya dlya perekhoda ot tekhnogennoj civilizacii k sociogumanitarnoj civilizacii. *Problemy civilizacionnogo razvitiya*. 2019. № 1. P. 33–48. (In Russian)
3. *Lepskij V.E.* Metodologicheskij i filosofskij analiz razvitiya problematiki upravleniya. Moscow: Kogito-Centr, 2019. (In Russian)
4. *Smirnov A.V.* Proekt mnogocivilizacionnogo mira kak osnovanie idei mnogopolyarnosti: koncepciya vsechlovecheskogo segodnya. *Nacional'naya filosofiya v global'nom mire: Tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa*. Minsk: Belarucskaya nauka, 2017. P. 350–352. (In Russian)
5. *Stepin V.S.* XXI vek — radikal'naya transformaciya tipa civilizacionnogo razvitiya. *Global'nyj mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego: XVII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya, 18–20 maya 2017 g.* St. Petersburg: SPbGUP, 2017. P. 185–188. (In Russian)
6. *Stepin V.S.* Nauchnoe poznanie i cennosti tekhnogennoj civilizacii. *Voprosy filosofii*. 1989. № 10. P. 3–18. (In Russian)
7. *Lepskiy V.* Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis. *Kybernetes*. 2018. V. 47. Iss. 2. P. 249–261.

УДК 159.9:001.12

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2020 г. А. С. Чернышев*, С. В. Сарычев**, С. Г. Елизаров***

ФГБОУ ВО “Курский государственный университет” (КГУ);
305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии.

E-mail: psychology@kursksu.ru

**Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии.

E-mail: kursk-psychol@narod.ru

***Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии.

E-mail: sergei_elizarov@mail.ru

Поступила 09.04.2020

Аннотация. В рамках дискуссии обсуждаются вопросы, поднятые в статье А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика “Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований”. Оцениваются актуальность и своевременность поднятых авторами проблем, уровень методологического и теоретического обоснования в оценке социально-психологических последствий существования людей и групп в “цифровом обществе”, эвристические возможности предлагаемых перспективных направлений исследований.

Ключевые слова: новые технологии, перспективные направления исследований, социальное самочувствие людей, группа как субъект социального действия, новые технологии и образование.

DOI: 10.31857/S020595920010486-0

В настоящее время в связи с кардинальным изменением современного человека и окружающего его мира большую актуальность приобретают исследования психологических особенностей людей в условиях глобальных рисков. Поэтому представляется целесообразным в рамках дискуссии обсудить вопросы, поднятые в статье А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика “Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований” [9]. Следует отметить, что данная публикация является логическим развитием идей, представленных ранее в статье А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, А.В. Юревича о перспективах психологии как стратегической науки в решении задач российского общества [10].

Мы поддерживаем мнение о том, что в нашей стране, только достигнув статуса стратегической науки, психология будет в состоянии решать соответствующие задачи и в “цифровом обществе”. Особенно это необходимо учитывать, поскольку в настоящее время в России, как подчеркивают авторы обсуждаемой статьи, увеличивается техно-гуманитарный дисбаланс, а также разрыв между

технологическим оптимизмом и социальным пессимизмом, что требует все большего внимания не только к растущим технологическим возможностям, но и к возможным последствиям влияния этого процесса на отношения между людьми. В рамках дискуссии представляется целесообразным обсудить на различных уровнях социально-психологического анализа (личности, межличностных отношений, группы, межгрупповых отношений, общества) открывающиеся эвристические возможности для отечественной социальной психологии и социальных психологов, предлагаемые авторами обсуждаемой статьи подходы к прогнозированию влияния новых технологий на общество, а также оценить возможные социально-психологические последствия их внедрения в повседневную жизнь людей.

По нашему мнению, в структуру *принципов* социально-психологического прогнозирования последствий влияния новых технологий на человека желательно ввести *принцип* оптимального соответствия психических ресурсов человека требованиям новых технологий.

Так, например, согласно экспериментам С. Милграма, в мегаполисах воздействие огромного количества воспринимаемых человеком лиц вызывает у личности негативные изменения в системе ее духовно-нравственных качеств [15]. А влияние новых технологий на качество публикаций в СМИ, отмеченное А. Дятловым, проявляется в том, что работа компьютера не соразмерна работе человеческой мысли, которая привыкла к движению пера или карандаша, идущих на равных скоростях, благодаря чему отсутствует та самая недодуманность и легковесность, которой так много сегодня, когда мы живем и думаем в стремительном формате гаджетов и социальных сетей [7].

Кроме того, желательна расширение принципа многоуровневой организации совместной жизнедеятельности. Так, положение о том, что "...негативные последствия технологических или экономическим изменений на индивидуальном (или личностном) уровне могут быть компенсированы позитивными последствиями на том же или групповом уровне" [9], может быть дополнено предложением об обеспечении позитивного социального самочувствия личности статусно-позиционной структурой удовлетворенности в системе социальных организаций (от группы до организаций более высокого уровня, вплоть до общества в целом), что будет способствовать сближению ценностей личности и общества [8].

А.Л. Журавлев и Т.А. Нестик справедливо указывают на тесную взаимосвязь коллективного образа будущего и социального поведения в настоящем [9, с. 37]. Нам представляется важным специально акцентировать внимание на самом феномене "образ будущего", который, по данным ряда исследований, в настоящее время играет значительную роль для общества, особенно для молодежи. Например, Д.И. Фельдштейн считает неопределенность, "размытость" образа будущего у молодежи серьезной проблемой [21]. В рамках информационной войны ставятся задачи по формированию у молодежи негативного образа России [5]. В.Е. Семенов показывает ограниченность целей у "цифрового поколения", для которого характерны ориентация на деньги, эгоцентризм, эгоизм [19]. В то же время у молодого поколения с активной жизненной позицией сформирован образ будущей России как великой справедливой страны с благоприятными социальными лифтами для молодежи [23].

Предлагаемые авторами обсуждаемой статьи перспективные направления социально-психологических исследований возможных последствий внедрения новых технологий носят системный,

теоретический характер. Для их реализации на теоретическом и практическом уровнях целесообразно обратиться к традициям отечественной психологии, заложенным В.М. Бехтеревым, С.Л. Рубинштейном, принципу единства теории, эксперимента и практики Б.Ф. Ломова [3; 11; 12; 17]. Тем более что в настоящее время в отечественной социальной психологии обсуждаются проблемы естественного формирующего эксперимента в социальной психологии с ориентацией на возвращение в арсенал методических средств науки эксперимента с учетом современного научного знания [6; 18].

В рамках возможных социально-психологических последствий на уровне малых контактных групп наиболее остро стоит задача определения содержания групповой идентификации. Авторы считают, что основой идентификации могут служить общность отношения к конкретным событиям, коллективные чувства, однако здесь возникает трудность в актуализации общности, так как группы становятся более "текучими" [9, с. 41]. Нам представляется необходимым отметить еще такую категорию общности, как "социальное действие", которое совместно с категорией "отношение" наиболее полно характеризует активность группы. Так, А.В. Петровский выделял две взаимосвязанные формы групповой активности: отношение — скрытое (латентное) и взаимодействие — зримое, явное [16]. Кроме того, А.С. Макаренко установил ведущую роль единства социального действия как базового фактора в формировании коллектива, способного влиять на формирование личности [13].

Дискуссионным представляется вопрос об оптимальном числе (необходимом и достаточном) предлагаемых авторами направлений социально-психологических исследований с учетом сложившегося в российском обществе социального расслоения населения и разнообразия социальных сред [2]. Вызывает тревогу нарастающая поляризация современной российской молодежи и особенно молодежных групп. В этой связи можно обсудить целесообразность проведения сравнительных исследований внутри российского общества, еще сохранившего самобытность общенационального менталитета, что снимает основное ограничение кросскультурных исследований [1].

Возникает вопрос о степени релевантности предлагаемых авторами подходов к различным социальным институтам. В этой связи наиболее проблемной, по нашему мнению, является сфера образования, наиболее динамичная, противоречивая, в которой стандарты образования меняются едва ли не ежегодно, особенно в высшей школе.

В итоге происходят кардинальные изменения не только в содержании учебных программ, но и в технологиях обучения, так что в перспективе престижными станут “цифровые университеты”. Это порождает противоречия с традиционными классическими принципами функционирования высшей школы. В первую очередь это относится к изменению роли преподавателя. Традиционно преподаватель свои профессиональные и личностные качества, свой авторитет актуализировал в условиях многоплановых, непосредственных контактов со студентами. Перегрузка преподавателя оформлением большого числа документации сокращает время на общение со студентами, что снижает удовлетворенность профессорско-преподавательского состава профессиональной деятельностью [20].

Кроме того, опосредование взаимодействия студентов с преподавателями электронными средствами, включая поток документации, осложняет межличностное восприятие субъектов образовательного процесса. В этой связи необходимо отметить уже набирающий силу в последние годы вектор цифровизации образовательной среды, реализующийся, например, во все большем внедрении в образовательный процесс системы дистанционного обучения. Несомненная экономическая и социальная привлекательность дистанционного обучения в то же время, как показывают исследования, сталкивается с проблемой отсутствия теории взаимодействия субъектов образовательного процесса в системе дистанционного обучения, которая позволила бы объяснить проблемы приема и передачи информации человеком. Следствием этого является преимущественное внимание техническому и отчасти технологическому инструментарию этой системы, в то время как субъект образовательного процесса рассматривается преимущественно абстрактно [24].

Электронные технологии работы с текстами (лекция, статья, монография) сместили акцент с переработки текста на логической основе при работе с развивающими конспектами (которые не любили студенты, но высоко оценивали преподаватели) на поверхностное “скачивание” и ксерокопирование, что вынудило проверять курсовые, дипломные работы на оригинальность. В этой связи приходится констатировать сдвиг учебной мотивации студентов с работы над текстами монографий, статей научных журналов, учебников, учебных пособий и т.д. на поиск в сети интернет доступно изложенного, уже обобщенного знания по нужному вопросу, экстрагированного, как правило, анонимными авторами путем преломления

через их восприятие и понимание разрозненной и рассеянной зачастую в том же интернете информации. Показательным примером такого рода источников знания является интернет-энциклопедия Википедия, отношение к которой уже ряд лет и на разных уровнях является предметом дискуссий.

Одним из возможных выходов из сложившейся ситуации может стать создание цифровых электронных учебников, являющихся не оцифрованной копией печатного учебника или учебного пособия, а специально разработанным электронным интерактивным изданием, содержащим системное и полное изложение учебного предмета в соответствии с программой и представляющим собой совокупность текстовой, изобразительной, аудиальной, анимационной, а также другой информации и официально допущенным к использованию в образовательном процессе. Но на сегодняшний день, несмотря на значительное число научных изысканий в области создания такого учебника, многие вопросы, касающиеся его разработки и использования в учебном процессе, недостаточно или вообще не изучены. В частности, отсутствуют ответы на такие первостепенные вопросы, как:

- каким должен быть полноценный цифровой учебник;
- каково место такого учебника в современной цифровой образовательной среде и как такой учебник взаимодействует с другими компонентами такой среды;
- является ли электронный учебник полноценным, активным субъектом образовательной среды;
- каково оптимальное соотношение в учебном процессе бумажного и цифрового учебников и как будет осуществляться взаимодействие между ними [4].

Современная молодежь оказалась чувствительной к компьютерным технологиям и относительно легко их усваивает, что в итоге способствует формированию “компьютерной культуры”, без которой трудно освоить различные сферы профессиональной деятельности.

Новые технологии и социально-экономические изменения в обществе изменили социально-психологические аспекты взаимоотношений личности и студенческой группы: ведущую роль играет феномен “групповая фасилитация”, проявляющийся в стимулировании ответственного отношения к учебе, консультативной помощи в усвоении трудных тем и особенно в психоэмоциональной поддержке. Наиболее полно указанные функции

группы как субъекта психологической помощи своим участникам присущи группам иностранных студентов, обучающихся в России [22].

На основании вышеизложенного можно констатировать не только актуальность поставленных А.Л. Журавлевым и Т.А. Нестиком проблем для сферы образования, но и необходимость активного включения социальных психологов в их решение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровое общество порождает глобальные риски для современного человека на всех уровнях его жизнедеятельности. В этой связи социальная психология как социогуманитарная наука может предложить научно-теоретические и практико-ориентированные подходы к улучшению социального самочувствия человека и повышению удовлетворенности жизнью, а в целом — «овладению искусством жизни» [14].

Однако масштабный характер указанных задач предполагает и соответствующие стратегии научного поиска, способного объединить различные научные центры на общей теоретико-методологической основе, тем более что среди современных отечественных психологов наметились, по мнению В.Е. Семенова, серьезные расхождения [19]. Статья А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика «Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований», на наш взгляд, стала ориентиром для отечественных социальных психологов в их поиске новых подходов к изучению проблем «цифрового общества».

Системный и содержательный анализ психологических проблем «цифрового общества» с определением научно состоятельных принципов их изучения и самое главное — прогнозированием возможных последствий обеспечивает теоретико-методологическую целостность познания и преобразования сложившейся ситуации в сложном современном обществе.

Естественно, подходы авторов открывают и ряд дискуссионных позиций, но в целом они направлены на уточнение и лучшее понимание продуктивных идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологические подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории

- и практики. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1997. С. 7–37.
2. *Анциферова Л.И.* Способность личности к преодолению деформаций своего развития // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 6–19.
3. *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.
4. *Борисенко Н.А., Граник Г.Г.* Цифровой учебник для поколения Z: проблемы и перспективы создания // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей / Отв. ред. В.И. Панов. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020. С. 430–435.
5. Выступление Президента РФ В.В. Путина на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи 12 сентября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470>.
6. *Дробышева Т.В., Журавлев А.Л.* Специфика естественного формирующего эксперимента в социально-психологическом исследовании // Вестник практической психологии образования. 2008. № 3 (16). С. 18–24.
7. *Дятлов А.* Предисловие // Песков В.М. Полн. собр. соч. Т. 4. М.: Комсомольская правда, 2014. С. 3–5.
8. *Елизаров С.Г.* Мотивационно-ценностная включенность малой группы в социальную систему (систему групп) различных типов: на материале исследования молодежных учебных групп: Дисс. ... д-ра психол. наук. Курск, 2010.
9. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
10. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В.* Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 1. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
11. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
12. *Ломов Б.Ф.* Теория, эксперимент и практика в психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 6. С. 8–21.
13. *Макаренко А.С.* Трудовое воспитание: Отношения, стиль, тон в коллективе // Собр. соч. Т. 5. М.: Педагогика, 1960.
14. *Менегетти А.* Мудрец и искусство жизни. Пермь: Хортон, 1993.
15. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
16. *Петровский А.В.* Психология в России. XX век. М.: УРАО, 2000.

17. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. <https://ntinews.ru/news/unti/universitet-20-35-sozdast-novyie-formaty-i-upakovku-znaniy.html>.
18. *Сарычев С.В., Чернышев А.С.* Методологические проблемы использования эксперимента в социально-психологическом исследовании совместной деятельности и группового поведения // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы: сборник материалов конференции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 65–70.
19. *Семенов В.Е.* Изменения в ценностях российской молодежи // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. С. 2058–2064.
20. Университет 20.35 создаст новые форматы и “упаковку” знаний // Веб-сайт “Информбюро 20.35. Национальная технологическая инициатива”. URL:
21. *Фельдштейн Д.И.* Приоритетные направления развития психолого-педагогических исследований // Бюллетень ВАК. 2005. № 6. С. 1–11.
22. *Форопонова А.А.* Влияние социально-психологических качеств группы на успешность учебной деятельности иностранных студентов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2014.
23. *Чернышев А.С., Сарычев С.В., Елизаров С.Г. и др.* Динамика мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России (на рубеже XX–XXI вв.). Курск: Курск. гос. ун-т, 2010.
24. *Чистяков В.А.* Взаимодействие субъектов образовательного процесса в системе дистанционного обучения: На примере вуза физической культуры: Дисс. ... д-ра пед. наук. СПб., 2004.

TO THE QUESTION OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF INTRODUCING NEW TECHNOLOGIES AND IDENTIFYING PROMISING AREAS OF RESEARCH

A. S. Chernyshev*, S. V. Sarychev**, S. G. Elizarov***

FSFEE “Kursk State University” (KSU);

305000, Kursk, Radischev str., 33, Russia.

**ScD (Psychology), Professor, Psychology Chair.*

E-mail: psychology@kursksu.ru

***ScD (Psychology), Professor, Head of Psychology Chair.*

E-mail: kursk-psychol@narod.ru

****ScD (Psychology), Professor, Psychology Chair.*

E-mail: sergei_elizarov@mail.ru

Received 09.04.2020

Abstract. The article by A.L. Zhuravlev and T.A. Nestik “Socio-psychological consequences of the introduction of new technologies: promising areas of research” is discussed. The relevance and timeliness of the problems raised by the authors, the level of methodological and theoretical justification in assessing the socio-psychological consequences of living people and groups in the “digital society”, heuristic capabilities of the proposed promising areas of research are estimated.

Keywords: new technologies, promising areas of research, social well-being of people, a group as a subject of social action, new technologies and education.

REFERENCES

1. *Abul’hanova K.A.* Rossijskij mentalitet: kross-kul’turnyj i tipologicheskie podhody. Rossijskij mentalitet: voprosy psihologicheskoy teorii i praktiki. Moscow: Izd-vo “In-t psihologii RAN”, 1997. P. 7–37. (In Russian)
2. *Ancyferova L.I.* Sposobnost’ lichnosti k preodoleniyu de-formacij svoego razvitiya. Psihologicheskij zhurnal. 1999. V. 20. № 1. P. 6–19. (In Russian)
3. *Bekhterev V.M.* Izbrannye raboty po social’noj psihologii. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian)
4. *Borisenko N.A., Granik G.G.* Cifrovoj uchebnik dlya pokoleniya Z: problemy i perspektivy sozdaniya. Ekopsihologicheskie issledovaniya-6: ekologiya detstva i psihologiya ustojchivogo razvitiya: sbornik nauchnyh statej. Ed. V.I. Panov. Moscow: FGBNU “Psihologicheskij institut RAO”; Kursk: Universitetskaya kniga, 2020. P. 430–435. (In Russian)

5. Vystuplenie Prezidenta RF V.V. Putina na vstreche s predstavitel'yami obshchestvennosti po voprosam patrioticheskogo vospitaniya molodyozhi 12 sentyabrya 2012 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470>. (In Russian)
6. *Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L.* Specifika estestvennogo formiruyushchego eksperimenta v social'no-psihologicheskom issledovanii. Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya. 2008. № 3 (16). P. 18–24. (In Russian)
7. *Dyatlov A.* Predislovie. Peskov V.M. Poln. sobr. soch. V. 4. Moscow: Komsomol'skaya pravda, 2014. P. 3–5. (In Russian)
8. *Elizarov S.G.* Motivacionno-cennostnaya vklyuchennost' maloy gruppy v social'nuyu sistemu (sistemu grupp) razlichnyh tipov: na materiale issledovaniya molodezhnyh uchebnyh grupp: Diss. ... d-ra psihol. nauk. Kursk, 2010. (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A.* Social'no-psihologicheskie posledstviya vnedreniya novyh tekhnologij: perspektivnye napravleniya issledovaniy. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 5. P. 35–47. (In Russian)
10. *Zhuravlev A.L., Ushakov D.V., YUrevich A.V.* Perspektivy psihologii v reshenii zadach rossijskogo obshchestva. CHast' 1. Postanovka problemy i teoretiko-metodologicheskie zadachi. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 1. P. 3–14. (In Russian)
11. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
12. *Lomov B.F.* Teoriya, eksperiment i praktika v psihologii. Psikhologicheskii zhurnal. 1980. V. 1. № 6. P. 8–21. (In Russian)
13. *Makarenko A.S.* Trudovoe vospitanie: Otnosheniya, stil', ton v kollektive. Sobr. soch. V. 5. Moscow: Pedagogika, 1960. (In Russian)
14. *Menegetti A.* Mudrec i iskusstvo zhizni. Perm': Horton, 1993. (In Russian)
15. *Milgram S.* Eksperiment v social'noj psihologii. St. Petersburg: Piter, 2000. (In Russian)
16. *Petrovskij A.V.* Psihologiya v Rossii. XX vek. Moscow: URAO, 2000. (In Russian)
17. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshchej psihologii. St. Petersburg: Piter, 2001. (In Russian)
18. *Sarychev S.V., CHernyshev A.S.* Metodologicheskie problemy ispol'zovaniya eksperimenta v social'no-psihologicheskom issledovanii sovmestnoj deyatel'nosti i grupovogo povedeniya. Eksperimental'naya psihologiya v Rossii: tradicii i perspektivy: sbornikov materialov konferencii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. P. 65–70. (In Russian)
19. *Semenov V.E.* Izmeneniya v cennostyakh rossijskoj molodezhi. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2017. P. 2058–2064. (In Russian)
20. Universitet 20.35 sozdast novye formaty i "upakovku" znaniy. Veb-sajt "Informbyuro 20.35. Nacional'naya tekhnologicheskaya iniciativa". URL: <https://ntinews.ru/news/unti/universitet-20-35-sozdast-novye-formaty-i-upakovku-znaniy.html>. (In Russian)
21. *Fel'dshtejn D.I.* Prioritetnye napravleniya razvitiya psihologo-pedagogicheskikh issledovaniy. Byulleten' VAK. 2005. № 6. P. 1–11. (In Russian)
22. *Foroponova A.A.* Vliyanie social'no-psihologicheskikh kachestv gruppy na uspešnost' uchebnoj deyatel'nosti inostrannyh studentov: avtoref. Diss. ... kand. psihol. nauk. Kursk, 2014. (In Russian)
23. *Chernyshev A.S., Sarychev S.V., Elizarov S.G. i dr.* Dinamika mirooshchushcheniya podrostkov i yunoshej v izmenyayushchejsya Rossii (na rubezhe XX–XXI vv.). Kursk: Kursk. gos. un-t, 2010. (In Russian)
24. *Chistyakov V.A.* Vzaimodejstvie sub"ektov obrazovatel'nogo processa v sisteme distancionnogo obucheniya: Na primere vuza fizicheskoy kul'tury: Diss. ... d-ra ped. nauk. SPb., 2004. (In Russian)

УДК 159.9:061.2

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)¹

© 2020 г. В. В. Константинов

*Пензенский государственный университет;
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, Россия.*

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии.
E-mail: konstantinov_vse@mail.ru*

Поступила 13.05.2020

Аннотация. В фокусе обсуждения участников V Международной научно-практической конференции “Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире”, организатором которой выступил Пензенский государственный университет, оказался широкий спектр проблем, связанных с адаптацией мигрантов: от этнопсихологических проблем адаптации мигрантов на постсоветском пространстве и методологических проблем социально-психологической адаптации личности в новых условиях жизнедеятельности до проблем, связанных с изучением социально-психологических и психолого-педагогических аспектов билингвизма. На конференции отмечалось, что важнейшей современной тенденцией является миграционный прирост населения, обостряющий проблему интеграции новых членов общества и осложняющий межкультурное взаимодействие. Обсуждалось, что большую роль в решении проблемы социально-психологической адаптации мигрантов играет наличие у мигрантов позитивного опыта преодоления обсуждаемых проблем.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация мигрантов, международная конференция, кросскультурное взаимодействие.

DOI: 10.31857/S020595920010512-9

27–28 марта 2020 г. работа конференции была организована в формате *online*-трансляции в социальной сети Вконтакте и видеохостинге *YouTube*. Модерацию докладов осуществляли заведующий кафедрой “Общая психология” В.В. Константинов и доцент Р.В. Осин.

Конференция включала пленарное заседание и работу двух секций: “Проблемы социально-психологической адаптации мигрантов из дальнего зарубежья в России и за рубежом” и “Методологические проблемы социально-психологической адаптации личности в новых условиях жизнедеятельности” и круглого стола на тему “Этнопсихологические проблемы адаптации мигрантов на постсоветском пространстве”. В конференции приняли участие ученые из Российской Федерации, Украины, Казахстана, Японии, Израиля.

Выступление *Ю.В. Ковалевой* (Москва) было посвящено анализу субъективного благополучия, жизнестойкости и оптимизма мигрантов первого и второго поколений из Армении и армян, проживающих на родине. В ходе исследования, в котором приняло участие 139 респондентов, была осуществлена проверка выдвинутой гипотезы, что субъективное благополучие мигрантов двух поколений и коренных армян связано с переменными оптимистической триады и жизнестойкости, эти связи образуют структуры, обусловленные различными актуальными условиями жизнедеятельности представителей данных групп. Наибольшее число связей выявлено в группе мигрантов второго поколения, родившихся и проживающих в России. В данной группе различается “нагруженность” таких компонентов, как Жизненные цели, Автономность, Благополучие, Контроль и др. Таким образом, полученные структуры связей позволяют установить различную степень интегрированности личностного ресурса и переживания субъективного благополучия. Наиболее целостной выглядит

¹ Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-013-00445.

система связей в группе мигрантов второго поколения, субъективное благополучие которых наиболее согласовано с их личностными качествами, которые являются основой переживания ими жизненного комфорта.

Доклад *О.Д. Воробьевой* (Москва) был посвящен анализу возможностей дифференцированного подхода к решению проблем адаптации и интеграции различных категорий мигрантов. В основе дифференцированного подхода к созданию условий для успешной адаптации и интеграции мигрантов лежит их классификация, прежде всего с точки зрения стратегических целей пребывания в принимающей стране. Предлагается новая классификация российских мигрантов, которая в дальнейшем позволит выбирать наиболее адекватные инструменты и механизмы их социально-психологической и социально-экономической поддержки для успешной адаптации и интеграции в принимающее общество. Миграционная политика включает в качестве важного элемента решение проблем адаптации и дальнейшей интеграции прибывших на его территорию иностранных граждан. Этого требуют интересы постоянного населения, частью которого в перспективе должны стать мигранты. Какие временные рамки займет период знакомства с местными порядками, обычаями, традициями, насколько безболезненным и бесконфликтным будет этот процесс для обеих сторон, во многом зависит от условий, которые создаются для этого принимающей стороной. Ключевыми блоками поддержки принимающей стороны для преодоления барьеров разобщенности являются: информационный, профессиональный, социокультурный, включая языковой. Однако различные категории мигрантов в зависимости от обстоятельств и целей нахождения на территории принимающего государства неоднородны с точки зрения необходимости наполнения каждого из перечисленных блоков. Понимание данного обстоятельства позволяет разрабатывать дифференцированные для каждой категории мигрантов подходы и конкретные мероприятия в рамках государственных проектов и программ, которые будут удовлетворять условиям проведения эффективной миграционной политики.

В докладе *Е.В. Бушиной* и *А.А. Батхиной* (Москва) были представлены результаты социально-психологического исследования специфики межкультурного взаимодействия в поликультурных школах. Современное российское общество становится все более культурно разнообразным. Мультикультурный школьный класс характеризуется наличием детей-мигрантов, которые являются основным

источником культурного разнообразия и фактически создают новое мультикультурное пространство. Анализ полуструктурированных интервью, проведенных с педагогами Московского региона, позволил выявить воспринимаемые учителями трудности, которые сопряжены с работой в поликультурных классах, культурным разнообразием в школе, которые обусловлены особенностями детей-мигрантов как специфичной группы учеников, а также используемые учителями педагогические практики. Для организации эффективного межкультурного взаимодействия в поликультурных школах необходимо учитывать культурные и лингвистические особенности учащихся, поддерживать их в обучении, помогать им общаться и находить новые способы связывать уже имеющиеся знания с тем, что им еще предстоит узнать в процессе обучения в школе.

В своем выступлении *В.В. Константинов* и *Е.А. Климова* (Пенза) представили результаты исследования особенностей образа Я детей из семей трудовых мигрантов, в котором приняли участие дети мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, легально находящиеся на территории России от 6 до 12 месяцев. Проведенный анализ полученных эмпирических данных позволяет сделать вывод о том, что миграция наносит психологическую травму развивающейся личности, так как происходит разрыв отношений с окружением, разрушение привычных сформировавшихся социальных связей. У детей мигрантов могут появиться ощущения потери безопасности, нестабильности и враждебности мира. Характер детско-родительских отношений выражается в собирательном образе родителей, в частности в образе матери, и выступает индикатором благополучия/неблагополучия личностного развития ребенка, его отношения к миру и собственному Я. Особенно характерно данное обстоятельство отражается в укорененных представлениях позитивного образа матери у детей мигрантов, находящихся в ситуации успешной социально-психологической адаптации.

Е.Б. Бедрина (Екатеринбург) акцентировала внимание аудитории на адаптации мигрантов из зарубежных стран к условиям принимающей территории в контексте реализации миграционной политики России, трактуя успешную адаптацию мигранта как процесс его гармоничного вхождения в принимающее сообщество, усвоение сложившихся культурно-правовых норм и отношений на принимающей территории. Психологическая и социокультурная адаптация трудовых мигрантов в России из зарубежных стран имеет определенные сложности, связанные с низкими адаптационными

способностями большинства трудовых мигрантов. Существует негативное восприятие миграции со стороны принимающего сообщества в силу наличия большой социокультурной дистанции, а также роста конкуренции на российском рынке труда за места, не требующие высокой квалификации в силу экономического кризиса и проведения пенсионной реформы, а также некоего противоречия между курсом на цифровизацию и низким уровнем образования и квалификации большинства трудовых мигрантов.

В докладе *С. Берденовой* (Костанай, Казахстан) был развит тезис о том, что для современного казахстанского общества остро актуальной является проблема формирования дву- и многоязычной личности, так как двуязычие является необходимым минимумом в условиях многонационального государства. Двуязычие для личности является средством познания, выражения мысли, а также средство коммуникации в многоязычном обществе, при этом родной язык как основной его компонент является характерным компонентом национального, а второй язык выступает как средство познания личностей, представляющих разноязычные национальности, являясь ресурсом освоения культурных ценностей других народов.

В выступлении *А.С. Копового* и *В.М. Смирнова* (Москва) была раскрыта специфика социально-психологических проблем дистантной семьи в контексте современного процесса трудовой миграции в России. Дистантным семьям свойственно частое отсутствие одного из супругов, обусловленное «вахтовым» методом труда. Переживание супружеской разлуки зависит от качества сложившихся семейных отношений. В семьях, где супруги позитивно оценивают семейные отношения, факт разлуки интерпретируется ими как вынужденная необходимость, сопровождающаяся переживанием негативных эмоций, а встреча — как радостное событие в жизни семьи, укрепляющее и обновляющее супружеские отношения. В семьях с негативной оценкой супружеских отношений мужчины склонны более позитивно оценивать свой брак, но после возвращения домой испытывают разочарование в случае несоответствия ожиданий реальным событиям встречи с супругой, для которой возвращение мужа связано с переживанием дискомфорта, обусловленного необходимостью изменения образа жизни, а факт очередной разлуки трактуется как освобождение жизненного пространства. В ситуации вынужденной разлуки семьи трудовых мигрантов переходят на совершенно иной уровень функционирования, детерминированный трансформацией семейной ролевой структуры, когда каждый

член семьи и отдельные семейные подсистемы в той или иной степени испытывают стресс, связанный с нарушением структуры привычных отношений (супружеских, детско-родительских). Полюс эмоциональных переживаний, сопровождающих смену процессов разлуки и воссоединения, будет зависеть от восприятия самой разлуки как желательной или вынужденной необходимости, от степени удовлетворенности сложившимися семейными взаимоотношениями.

В сообщении *Д.В. Жуиной* (Саранск) были представлены результаты исследования реализации социально-психологического сопровождения адаптации мигрантов к условиям обучения в педагогическом вузе. Социально-психологическое сопровождение адаптации иностранных студентов, обучающихся в вузе, осуществляется в рамках следующих направлений: психологическая диагностика и консультирование, психокоррекционная работа, актуализация личностного роста и развитие креативности в рамках групповой тренинговой работы. В качестве критериев эффективно организованной работы по социально-психологическому сопровождению адаптации студентов-мигрантов выступают адекватная самооценка и объективный уровень притязаний студентов-мигрантов, их толерантность, высокий уровень продуктивного взаимодействия, нормальные показатели ситуативной и личностной тревожности, адекватное самовосприятие, преобладание стратегии уверенного поведения и стрессоустойчивость.

М.В. Бабаева (Пенза) охарактеризовала проблему и перспективы изучения психологической трансформации этнической идентичности, представив данный процесс как последовательную смену фаз, в ходе которых эти изменения и наступают. При многих общих паттернах трансформация этнической идентичности каждого мигранта протекает по уникальному и неповторимому пути. Мигрант сам способен влиять на происходящие в нем изменения, тем самым избирая тот или иной характер трансформации. Правда, подобная «свобода выбора» возможна до той степени, до которой позволяет принимающее сообщество в силу сложившего в нем отношения к мигрантам и миграционной политике конкретного государства. Если отношение к этносу мигранта в новой культурной среде по тем или иным причинам неблагоприятно, то мигрант будет испытывать больше психологических проблем в процессе адаптации.

В докладе *И.В. Малышева* (Саратов) были представлены результаты исследования характеристик социально-психологической адаптации подростков-мигрантов. В исследовании приняли участие

60 испытуемых в возрасте 12–14 лет, обучающихся в средних общеобразовательных школах Саратовской области. На подростковый этап развития приходится формирование ценностных ориентаций и направленности личности, что в условиях межкультурного диалога выступает в качестве фактора затруднения процесса установления оптимальных взаимоотношений. Установлено, что для испытуемых дезадаптированных подростков-мигрантов характерны деформации смысловой сферы и нарушения процессов социализации-индивидуализации.

В выступлении *М.Г. Мельничук* (Харьков, Украина) были рассмотрены возможности применения психосоциального подхода при осуществлении психолого-педагогической поддержки временных мигрантов. Успешная психосоциальная адаптация в образовательном пространстве невозможна без организации действенного сопровождения со стороны учебного заведения страны пребывания (поддержки, помощи, обеспечения и защиты). Предоставление студентам-мигрантам психолого-педагогической поддержки в рамках психосоциального подхода направлено на устранение внешних и (или) внутренних конфликтов и снижение уровня стресса от проблемной ситуации за счет применения процедур поддержки и модификации. В целом реализацию психолого-педагогической поддержки студентов-иностранцев можно рассматривать как внедрение в учебный процесс личностноориентированных технологий оптимизации процесса психосоциальной адаптации под контролем психологических служб вузов, педагогов и кураторов учебных групп, которые должны обеспечить проведение широкого комплекса запланированных диагностических, реабилитационных и профилактических мероприятий.

Р.В. Осин (Пенза) в своем выступлении представил результаты анализа проблемы миграции в эпоху четвертой промышленной революции, развития искусственного интеллекта и цифровизации общества. Постиндустриальное общество развивается не линейными, а экспоненциальными темпами. На сегодняшний день ряд факторов свидетельствует о том, что в сфере информационных технологий происходят революционные изменения: 1) возросла возможность хранения большого количества данных; 2) существенно увеличилась мощность компьютеров; 3) активно внедряются в практику принципиально новые технологии обработки данных — нейронные сети, которые позволяют выстраивать системы анализа данных и осуществлять высококачественное долгосрочное прогнозирование. Данные тенденции говорят о качественном переходе нашего общества в новое состояние.

Признаками такого перехода являются цифровизация и активное внедрение искусственного интеллекта. Успехи в развитии технологий, которые накапливались на протяжении десятков лет, привели в настоящее время к созданию широчайшего спектра производств, в которых человек оказывается практически невостребованным. Такая ситуация кардинально меняет сложившуюся систему экономических и социальных отношений, в которой новые технологии кардинально поменяют и рынок труда, и социальные условия и механизмы, которые формировались ранее.

Сообщение *С.М. Гайдаренко* (Лесосибирск) было посвящено роли эмпатии в процессе адаптации детей мигрантов в общеобразовательной школе. Эмпатия по отношению к детям-мигрантам выступает не только актом уважения, но и признаком включенности в общение, способствуя установлению понимания и контакта между обучающимся и педагогом. Дети-мигранты обладают более низкими показателями уровня эмпатии в сравнении с детьми коренных местных жителей. Они менее склонны к проявлению эмпатийности, зависимы от окружающих (лишь у 10% испытуемых диагностировано проявление тенденции к независимости), стараются избегать общения со сверстниками. Целенаправленно развивая в учениках способность к эмпатии, формируя навыки уважения, понимания и сочувствия, педагоги и психологи могут способствовать оптимизации адаптационного процесса у детей-мигрантов.

В докладе *С. Пайчадзё* (Саппоро, Япония) была рассмотрена проблема интеграции детей-мигрантов в условиях функционирования системы образования Японии. Наибольшие трудности адаптационного процесса у детей иммигрантов локализуются в сфере освоения японского языка и аккультурации. В Японии не существует единой системы поддержки детей-иностранцев. Разные регионы формируют свои системы сопровождения данного процесса. Так, в Саппоро существуют три основных вида поддержки детей-мигрантов — официальная, полуофициальная и неформальная. Официальная поддержка предоставляется городским Комитетом образования Саппоро. Данная поддержка незначительна, прежде всего она представляет собой так называемую систему дополнительного учителя, когда в школах, где обучаются дети-мигранты, не говорящие на японском языке, работает педагог, который им помогает в освоении японского языка. Еще одна форма поддержки — это занятия по японскому языку, организованные Муниципальным комитетом образования, которые проводятся вне школы, когда ученики из разных школ

в определенное время приезжают на занятия. “Полуформальная” поддержка осуществляется силами Комитета образования Саппоро совместно с некоммерческой организацией “Кодомо нихонго курабу”. “Неформальная поддержка” обеспечивает поддержку в обучении детей-мигрантов по просьбе родителей и сообществ самих иностранцев (например, организация “*Welcome House*”, функционирующая на базе католической церкви).

Доклад *Т.М. Краснянской* и *В.Г. Тылец* (Москва) был посвящен персональным концепциям безопасности субъектов адаптации к экстремальным условиям жизнедеятельности. Процессы адаптации к экстремальным условиям жизнедеятельности вне зависимости от их причинного поля требуют определенной активности со стороны субъекта. В качестве основы такой активности может быть рассмотрена персональная концепция безопасности, полифункциональность которой, поддерживаемая ее содержательной сложностью, способна обеспечить адекватное реагирование субъекта на актуальные для него вызовы экстремальности. Персональная концепция безопасности субъекта экстремальных условий представляет собой сложное психическое новообразование, включающее в себя когнитивный, аксиологический, эмотивный и конативный компоненты. Деформации персональной концепции безопасности, вызванные задержкой, сбойми или неадекватностью предмету экстремальных условий, ставят вопрос организации грамотной психологической помощи и поддержки ее субъекта со стороны психологов-профессионалов, специализирующихся в соответствующей проблемно-предметной сфере.

Доклад *Е.В. Кирдяшовой* (Саранск) был посвящен проблеме адаптации трудовых мигрантов в Республике Мордовия. Этнокультурная адаптация трудовых мигрантов и их семей является существенным звеном их социально-экономической адаптации. Адаптация трудовых мигрантов будет проходить успешнее тогда, когда принимающая сторона дает возможность реализоваться национально-культурному самоопределению мигрантов, когда мигранты реализуют возможность участия в работе нетерриториальных (экстерриториальных) национально-культурных объединений, в первую очередь национально-культурных автономий, а также национальных землячеств, клубов и ассоциаций. Решение этой задачи способствует сохранению некоторых прогрессивных черт характера мигрантов. Адаптация мигрантов во многом зависит не только от приобщения их к культуре принимающего населения, но и от

организации работы по их национально-культурному самоопределению.

Л.Н. Котлярова (Москва) представила результаты исследования адаптации иностранных специалистов на промышленном предприятии, в котором приняли участие 246 человек в возрасте от 24 до 38 лет. Существуют устойчивые связи между мотивационной направленностью и производственной адаптацией. Для подавляющего большинства иностранных специалистов производственная адаптация завершается успешно и способствует активной включенности сотрудников в производственные процессы и обеспечению безопасной деятельности. Установлено, что 20% привлекаемых к трудовой деятельности иностранных специалистов нуждаются в оказании содействия со стороны администрации по обеспечению мер, направленных на повышение эффективности производственной адаптации.

В выступлении *Т. Кигель* (Петех Тиква, Израиль) были представлены результаты анализа психологических трудностей, связанных с освоением иврита израильскими репатриантами. Знание государственного языка является необходимым условием успеха любого обучающегося, а студенты-репатрианты обычно нуждаются в большей языковой поддержке, чем их сверстники. Регулярное использование тестирования на предмет сформированности языковых компетенций необходимо для формирования индивидуальной учебной программы для обучения чтению и письму при наличии у репатрианта языковой компетенции L1 и L2 с целью выявления проблемных областей. Успехи в освоении языка, в свою очередь, связаны с успешностью адаптационного процесса, и, напротив, репатрианты, заявляющие о субъективных трудностях в процессе адаптации к новым условиям жизни, демонстрируют наличие трудностей при освоении иврита.

Доклад *Ж.Ж. Ромашевой* (Москва) был посвящен влиянию роли социальных связей в формировании эмиграционных намерений. На возникновение намерения эмигрировать существенное влияние оказывают неэкономические факторы, а именно социальные связи. Социальные связи микросоциального окружения, т.е. семья, друзья и родственники в актуальном месте проживания, могут выступать сдерживающим от эмиграции фактором. Оказание близкими людьми моральной и материальной поддержки потенциальному эмигранту, наличие социальных связей в планируемом месте проживания, а также отсутствие удерживающих брачно-семейных отношений на родине увеличивают вероятность эмиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: Материалы V Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Константинов. М.: Перо, 2020.

**SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
OF MIGRANTS IN THE MODERN WORLD
(BASED ON THE MATERIALS OF V INTERNATIONAL
SCIENTIFIC-AND-PRACTICAL CONFERENCE)²**

V. V. Konstantinov

*Penza State University; 440026, Penza, Krasnaya str., 40, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Head of General Psychology Chair.
E-mail: konstantinov_vse@mail.ru*

Received 13.05.2020

Abstract. Participants of the V International scientific-and-practical conference “Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world” organized by Penza State University focused on a wide range of problems related to adaptation of migrants: from ethno-psychological problems of migrants’ adaptation in the post-Soviet area and methodological problems of person’s socio-psychological adaptation to new living conditions to problems related to the study of socio-psychological and psychological-pedagogical aspects of bilingualism. The most important trend is that the growth of migration exacerbates the problem of integration of newcomers into society, thus compounding cross-cultural interaction. In this regard, positive experience of overcoming of the problems under discussion have important role to play.

Keywords: socio-psychological adaptation of migrants, international conference, cross-cultural interaction.

REFERENCES

1. Social’no-psihologicheskaya adaptaciya migrantov v sovremennom mire: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ed. V.V. Konstantinov. Moscow: Pero, 2020.

² The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-013-00445.

УДК 159.9:061.2

ОТ ЭКОЛОГИИ ДЕТСТВА — К ПСИХОЛОГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹⁾

© 2020 г. Д. С. Ермаков^{1,*}, В. И. Панов^{2,**}

¹Российский университет дружбы народов;
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Россия.

²Психологический институт Российской академии образования;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Россия.

*Доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики.

E-mail: ermakov-ds.@rudn.ru

**Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук,
заведующий лабораторией эконсихологии развития и психодидактики.

E-mail: ecovip@mail.ru

Поступила 11.04.2020

Аннотация. Представлены итоги обсуждения состояния и перспектив эколого-психологических исследований на IX Российской конференции по экологической психологии “От экологии детства к психологии устойчивого развития” (17–19 марта 2020 г., Москва). По итогам конференции отмечено, что в условиях глобального ухудшения экологической и социальной ситуации на планете, пандемии коронавируса, широкой цифровизации жизнедеятельности и других вызовов требуется активное участие психологов и педагогов в обеспечении экологичного существования и развития детей и взрослых в соответствии с целями концепции устойчивого развития человечества и планеты.

Ключевые слова: конференция, экологическая психология, экология детства, психология устойчивого развития, психические состояния, экологическое образование, субъект-средовые взаимодействия.

DOI: 10.31857/S020595920010513-0

Девятая российская конференция по экологической психологии “От экологии детства к психологии устойчивого развития” состоялась 17–19 марта 2020 г. в Психологическом институте Российской академии образования (ПИ РАО, г. Москва) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-013-20033).

Актуальность обсуждения современного состояния и перспектив эколого-психологических исследований в контексте устойчивого развития общества и природы обусловлена тем, что экологические проблемы не могут быть решены лишь техническими средствами и требуют гуманитарного осмысления. Прежде всего речь идет о психологических и педагогических условиях и методах трансформации антропоцентрической позиции в отношениях человека к окружающей природной

и социокультурной среде обитания, а также по отношению к собственной природе человека.

С приветственным словом выступили исполняющий обязанности директора ПИ РАО канд. психол. наук, проф. *П.А. Сергоманов*, академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии РАО, д-р психол. наук, проф., академик РАО *С.Б. Малых*, также было зачитано приветственное слово директора Института педагогического образования университета Дунайвароша (Венгрия) *Сабо Чиллы Марианны*.

Пленарное заседание конференции было открыто докладом заведующего лабораторией эконсихологии развития и психодидактики ПИ РАО, д-ра психол. наук, проф., чл.-корр. РАО *В.И. Панова* “Психология устойчивого развития: истоки и перспективы”. Уже третья конференция проводится под лозунгом устойчивого развития общества и планеты (*sustainable development*). Несмотря на то что впервые идеи устойчивого развития были озвучены в мировом сообществе еще в 1972 г., они до сих пор практически неизвестны, а для

¹⁾ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14067 мк “Коммуникативные взаимодействия и субъектность учащихся в условиях цифровизации образования: от эконсихологии к психодидактике”.

психологов и вовсе являются *terra incognita*. Происходит стремительное самоуничтожение человечества на всех уровнях бытия: алкоголизация и наркотизация вызывают мутации человеческого гено типа, глобализация приводит к исчезновению культур. Известна “Красная книга” редких и исчезающих биологических видов, но в культуре происходит то же самое, а ведь человек обретает свою родовую сущность именно через присвоение культурных образцов. Возрастающая социальная напряженность приводит к массовому угнетению психических функций как взрослого, так и ребенка, от постоянного стресса до психических отклонений. Между тем в работах экологов обосновано взаимовлияние экологии и экономики, политики, права и т.п., но не акцентируются связи экологии и восприятия, мышления, эмоций, общения людей с природой, другими людьми, самими собой. Необходимо активное привлечение психологии, и не только в связи с проблемами экологического сознания и поведения человека. Активно происходит масштабная цифровизация образовательной среды, что требует особого внимания со стороны психологической науки.

Руководитель Центра устойчивого развития и здоровья среды Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН д-р биол. наук, проф., чл.-корр. РАН *В.М. Захаров* начал выступление “От экологии к психологии устойчивого развития” с того, что не следует выделять экологические психологию, культуру, поведение и т.п. Вся психология должна быть глубоко экологична, то же касается и культуры. Цели устойчивого развития (ЦУР) были приняты на международном уровне пять лет назад, но о них мало что известно широкой общественности. Пандемия коронавируса подтверждает тесную связь человека с природой, но пока экологией занимаются только экологи, прорыва в исследованиях не будет. Россия присоединилась к международным процессам (Парижское соглашение об изменении климата, ЦУР и пр.) и в политике, и в бизнесе, и на уровне гражданского общества. Однако наука занимает пока противоречивую позицию. Что такое экология сегодня? Это мировоззрение, которое шире экономики и даже психологии. Нужно распространять информацию, знания, а экологическая деятельность должна приносить радость и удовольствие.

Доклад директора Института образовательной информатики федерального исследовательского центра “Информатика и управление” РАН, д-ра физ.-мат. наук, проф., академика РАН и РАО *А.Л. Семенова* “Цифровая трансформация школы: как учиться расширенной личности?” раскрыл еще

один важный аспект взаимодействий современного человека — с цифровой средой. Сначала появилась речь, потом письменность, книгопечатание, около 100 лет назад — то, что связано с искусственным интеллектом. В целом это автоматизация интеллектуальной деятельности человека. Информационные революции вызывают довольно естественные контрреволюции. Еще Платон опасался, что распространение письменности в Древней Греции убивает мудрость, общение, понимание, память и учение. Сегодня можно слышать те же высказывания в отношении компьютеров и интернета. Однако граница между сознанием и информационной средой становится все более зыбкой, почти условной, среда все активнее идет навстречу человеку. Главным становится вопрос: интернет управляет человеком или человек интернетом? Ответ в том, что интернет — часть нашего расширенного сознания. Эти обстоятельства заставляют переосмыслить, что такое образование и какие стоят перед ним цели в нынешнем непредсказуемом мире. Имеем ли мы право ограждать ребенка от цифровой реальности? Похоже, что это невозможно. Сегодня лишь около 5% учителей литературы допускают, что ребенок может сдать им сочинение, напечатанное на принтере; но лидеры образования, например, учитель года России 2019 г. Л.Г. Арачашвили (русский язык и литература), уже действуют по-другому.

Заведующий кафедрой педагогики окружающей среды, безопасности и здоровья человека Санкт-Петербургской академии последиplomного педагогического образования, д-р пед. наук, проф. *С.В. Алексеев* в докладе “Цели устойчивого развития глазами петербуржцев” представил результаты исследования понимания ЦУР представителями разных групп населения Санкт-Петербурга (школьники, студенты, взрослые), проведенного в 2018 г. Для детей вопрос оказался непростой, в целом оценка понимания сути устойчивого развития составила 5.3 балла из 10. Среди наиболее важных ЦУР старшеклассники обозначили качественное образование, чистую воду и санитарии, хорошее здоровье и благополучие, достойную работу и экономический рост, ликвидацию нищеты. Школьники выше среднего оценивают свои экологические знания (6.8) и собственное экологическое поведение в повседневной жизни (6.3). Студенты вузов довольно высоко оценивают знание идеологии устойчивого развития (6.0). Использование экологических императивов в повседневной и профессиональной деятельности оценивается в 5.6 балла. Наиболее важные ЦУР для студентов: хорошее здоровье и благополучие, чистая вода и санитария, недорогостоящая и чистая энергия, ликвидация

голода, ликвидация нищеты. Взрослые (25 лет и старше) оценивают собственный уровень владения основными понятиями и терминами экологии в 6.3 балла (среднее значение по всем трем группам). Все возрастные группы отмечают наибольшую важность трех целей: хорошее здоровье и благополучие, чистая вода и санитария, качественное образование. Также представляет интерес анализ наименее востребованных целей: равенство социальных ролей женщин и мужчин; индустриализация, инновации и развитие инфраструктуры; баланс между потреблением и производством; сохранение морских экосистем; партнерство стран в интересах устойчивого развития. Таким образом, все группы людей обладали информацией по проблемам экологии, окружающей среды и устойчивому развитию (просветительская составляющая), однако уровень знаний по указанным проблемам (образовательная составляющая) нельзя назвать высоким. Как молодежи, так и взрослым свойственны мотивация к совершенствованию, модернизации системы непрерывного экологического образования и просвещения в интересах устойчивого развития.

Профессор кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов, д-р пед. наук *Д.С. Ермаков* начал доклад “Психология устойчивого развития: проблемы и перспективы” с результатов наукометрического анализа выполненных в РФ диссертационных исследований на тему “устойчивое развитие” (всего более 1.3 тыс. работ с 1987 г.). Подавляющее большинство из них по экономическим наукам (85%), по психологии имеются лишь отдельные исследования (0.2%). Общепринятое определение понятия “устойчивое развитие” (несмотря на международный стандарт ИСО 37120:2014) отсутствует. Известна также дискуссия об адекватности перевода термина *sustainable development* на русский язык, поскольку устойчивость предполагает стабильность, постоянство, а развитие — изменение. Содержательная критика исходит из того, что чисто технологического пути преодоления кризисов (ресурсосбережение, очистные и защитные сооружения и т.п.) вообще не существует. Человечеству необходимо изменить шкалу ценностей, социально-политические и экономические процессы.

В то время как традиционное понимание устойчивого развития ориентировано на предотвращение (не допустить переэксплуатацию, истощение природных ресурсов, необратимые изменения в среде обитания), психология должна сфокусироваться на содействии (обогащение, регенерация, гибкие изменения). В связи с этим предлагается

метацентрический подход, в рамках которого устойчивость включает вертикальную (“откуда я пришел”, “где я нахожусь”, “куда я пойду”) и горизонтальную (переход от эгоцентрической к альтруистической позиции) оси рефлексивности. В рамках экопсихологического подхода установки устойчивого развития носят онтологический характер, поскольку природа рассматривается как трансцендентальное основание становления, саморазвития любых форм бытия. Система “человек—природа” выступает как целостный, совместный субъект, реализующий в своем становлении общеприродные принципы развития и тем самым способный к устойчивому саморазвитию. Феноменологический подход основан на восстановлении осознанных, устойчивых отношений с природой, что предполагает определенный способ восприятия Земли и нашего отношения к ней.

Е.В. Колесова, канд. пед. наук, начальник эколого-просветительского центра “Воробьевы горы”, в докладе “Почему идеи устойчивого развития не овладевают умами в Российской Федерации” напомнила историю становления концепции устойчивого развития с 1987 г. (доклад “Наше общее будущее”) по сегодняшний день (в 2020 г. Россия готовит первый добровольный отчет о достижении ЦУР для ООН). При этом возникает ряд вопросов: почему, хотя в образовании и просвещении многое сделано, в жизни мало что изменилось; что тормозит процесс; какие есть возражения; на что должны быть направлены усилия по продвижению устойчивого развития? Автор связывает торможение с эффектом культурного запаздывания, а также с отсутствием политической заинтересованности. Дело в том, что осмысление концепции устойчивого развития на международном уровне (1990-е годы) происходило в период проведения в нашей стране радикальных реформ, и до сих пор этот переход связан с большими трудностями как в регионах, так и в стране в целом. Население слабо осведомлено о трактовке грядущих изменений. Устойчивое развитие не соответствует ментальности и ценностям российского общества, не ориентировано (в отличие от экологической культуры) на конкретную личность. По словам бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, устойчивое развитие превратилось скорее в заклинание, чем в призыв к действию.

Пока концепция устойчивого развития внедряется сверху и обусловлена не научным анализом, а политическими мотивами. Хотя следует отметить, что и научные представления (относительно причин изменения климата, темпов вымирания

биологических видов, токсичности искусственных веществ и пр.) также неполны. Выраженный этический аспект (отношение к росту народонаселения, неравенству, бедности, нищете, социальной ответственности и т.п.) осложняет проблему. И так, что же такое устойчивое развитие: идеология, наука, религия, политика, культура, утопия или цель (“светлый путь в наше общее будущее”), миф или реальность? Однозначного ответа нет.

Доктор психологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН *Т.А. Нестик* представил результаты теоретико-эмпирического исследования переживания глобальных рисков в российском обществе в докладе “Отношение россиян к глобальным рискам: социально-психологический анализ”. В 2019 г. россияне больше всего беспокоили локальные экологические проблемы (мусор, вырубка лесов и т.п.; 85%), загрязнение в результате техногенных катастроф (79%), экстремальные погодные явления и стихийные бедствия, исчерпание природных ресурсов планеты и массовые эпидемии (по 75%), рост социального неравенства и несправедливости (74%), изменение климата (69%), международный терроризм (68%), ядерная война (67%), глобальный экономический кризис (64%). Тревога по поводу глобальных рисков связана с чувством уязвимости, вызванным неудовлетворенностью материальным благосостоянием и ростом неравенства.

Автором выделены соответствующие социально-психологические типы (радикальные пессимисты, встревоженные традиционалисты, активисты, игнорирующие, пассивные прагматики, оптимисты), а также наиболее распространенные в российском обществе стратегии совладания с рисками: социальная мобилизация (готовность к активным действиям; 32.6%), депроблематизация (безразличие, “ситуация сама разрешится к лучшему”; 27.4%), индивидуальная самозащита (26.6%), эскапизм (апокалиптические ожидания и неготовность что-либо делать; 13.4%).

Сформулированы концептуальные положения о социально-психологических механизмах, лежащих в основе формирования планетарной этики и ответственности перед будущим на примере “эвристики страха” (Г. Йонас) и алармизма. При информировании о рисках нужно сообщать об успешном опыте, поддерживать доверие к социальным институтам, предлагать четкую программу действий, которая поддерживает самоуважение,

ориентацию на заботу о других людях и веру в способность влиять на свою судьбу.

На конференции работали секции: “Психология устойчивого развития: общество, личность, сознание” (модераторы — канд. психол. наук, доцент *П.Н. Виноградов*, канд. психол. наук, ведущий научный сотрудник *М.О. Мдивани*); “Экологическая психология: теория, эмпирика, валидность” (д-р психол. наук, проф. *С.К. Нартова-Бочавер*); “Средовые условия психических состояний: стрессогенность, благополучие, регуляция” (канд. психол. наук, доцент *Е.В. Бурмистрова*, канд. психол. наук, доцент *М.М. Абдуллаева*); “Психология образовательной среды” (д-р психол. наук, проф., академик РАО *И.А. Баева*, д-р психол. наук, проф., академик РАО *И.В. Дубровина*); “Психология и педагогика экологического образования в целях устойчивого развития” (д-р пед. наук, проф., *Ю.М. Гришаева*, д-р пед. наук, проф., академик РАО *А.Н. Захлебный*); “Психологические аспекты цифровизации информационной среды” (д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАО *Г.У. Солдатова*, канд. психол. наук, доцент *А.Е. Войскунский*); “Экопсихологический подход к развитию психики: субъект-средовые взаимодействия и субъектность” (д-р психол. наук, проф. *А.В. Капцов*, д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАО *В.И. Панов*), посвященная 25-летию лаборатории экопсихологии развития и психодидактики ПИ РАО.

Проблематика докладов, представленных на секционных заседаниях IX Российской конференции по экологической психологии “От экологии детства к психологии устойчивого развития” [1], позволяет сделать следующие выводы.

1. Актуальность эколого-психологической тематики обусловлена необходимостью осознания того, что экологические проблемы глобального и регионального масштабов не могут быть решены только естественнонаучными, экономическими и техногенными средствами. Решение этих проблем в контексте устойчивого развития общества и природы неизбежно требует участия психологов и педагогов. Речь идет прежде всего о психологических и педагогических условиях и методах изменения антропоцентрической позиции человека на экоцентрическую по отношению к природной и социокультурной среде, а также к природе самого человека. В то же время актуальность эколого-психологических исследований обусловлена теоретической и практической необходимостью методологического использования отношения “индивид—среда” в качестве исходной предпосылки для изучения психического развития человека в контексте его взаимодействий

с окружающей средой, его психических процессов, состояний и, конечно, экологического сознания.

2. Как и десятки тысячелет назад, актуальна проблема сохранения человечества как биологического вида и как глобального субъекта, обладающего масштабными технологическими средствами по преобразованию окружающей среды и природы самого человека. Поэтому особое значение приобретают проблемы массового формирования природно и социально ориентированного экологического сознания и воспитания экологической ответственности взрослого и детского населения планеты, в том числе по отношению к новым вызовам со стороны природы (например, изменения

климата, пандемия коронавируса) и со стороны ускоренного развития генной инженерии и информационно-коммуникативных технологий, ускоренное развитие которых высвечивает опасную перспективу изменения самой сущности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экопсихологические исследования — 6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей / Отв. ред. В.И. Панов. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020.

FROM ECOLOGY OF CHILDHOOD TO PSYCHOLOGY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT²⁾

D. S. Ermakov^{1,*}, V. I. Panov^{2,}**

¹*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6, Russia.*

²*Psychological Institute of the Russian Academy of Education;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 9, bld. 4, Russia.*

**Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy.
E-mail: ermakov-ds@rudn.ru*

***Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences,
Head of the Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics.
E-mail: ecovip@mail.ru*

Received 11.04.2020

Abstract. The article presents the main results of the discussion of the status and prospects of environmental and psychological research at the international conference “9th Russian Conference on Environmental Psychology: From the Ecology of Childhood to the Psychology of Sustainable Development” (March 17–19, 2020, Moscow). According to the results of the conference, it was noted that in the context of a global deterioration of the ecological and social situation on the planet, the coronavirus pandemic, the wide digitalization of life and other challenges, active participation required of psychologists and teachers in ensuring the ecological existence and development of children and adults in accordance with the goals of the Sustainable Development Concept of mankind and the planet.

Keywords: conference, environmental psychology, childhood ecology, psychology of sustainable development, mental states, environmental education, subject-environment interactions.

REFERENCES

1. Экопсихологические исследования — 6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей. Ed. V.I. Panov. Moscow: FGBNU «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020.

²⁾ The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-14067.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ К.Р. АРУТЮНОВОЙ И Ю.И. АЛЕКСАНДРОВА
“МОРАЛЬ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ОПЫТ”.

М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. 188 с.

Книга К.Р. Арутюновой и Ю.И. Александра “Мораль и субъективный опыт” появилась на редкость вовремя. Я понимаю, что авторы не могли предугадать, что их труд окажется причастным к тому цивилизационному слому, который назревал и предчувствовался давно, но обрушился на человечество внезапно и коварно, почти невидимо, тотально перевернул сразу целые пласты нашей жизни, причем на всей планете сразу¹. Случайность? Если и так, то неслучайная случайность.

Книга “Мораль и субъективный опыт” построена как классическое научное произведение и обсуждает фундаментальные вопросы, затрагивающие интересы целого ряда областей знания: от нейрофизиологии, этнологии и психологии до антропологии и философии. Она мультидисциплинарна в лучшем смысле этого ставшего расхожим термина. Особо подчеркну ее мировоззренческое значение, ее важность на этом этапе развития человечества, когда жестко (как никогда жестко, так как речь идет о выживании цивилизации и нас как биологического вида) встал вопрос о необходимости заново сформулировать, кто мы такие, какие у нас цели, как мы видим свое прошлое и будущее. Пришло время самоидентификации и рефлексии, и делать это нужно полимодально и многомерно. От того, сможем ли мы это сделать не в рамках дискурса отдельных наук или бытовых привычек, а *как бы сверху*, зависит наше существование в наступающем новом мире.

Коллапс цивилизации в том ее виде, который мы знаем последние 100 лет, очевиден, и все системы ценностей требуют пересмотра. Пропасти, которые возникли между великолепием и проработанностью за многие столетия философских идей и реальной жизнью и между, с одной стороны, преобладающими в западной традиции идеями универсальности, глобальности и необходимости встроить в этот ряд иные взгляды и модусы жизни, законы этики и морали, а с другой — идеями культурной специфичности, инаковости когнитивных стилей и твердо укоренившихся традиций — стали

очевидны и не могут считаться периферийными отвлеченными проблемами.

Обсуждаемые в книге фундаментальные проблемы имеют ценность не только в контексте когнитивной науки: они имеют непосредственные следствия для вполне прикладных областей, от педагогики и социологии до юриспруденции и этики. Описываемые авторами характеристики поведения и их нейрофизиологические основы определяют стили и ориентиры жизни индивидуумов, социальных групп и их взаимодействия и даже взаимоотношения стран (о чем полезно знать дипломатам). Как мы должны воспитывать наших детей? Возможно, их нужно эксплицитно учить тому, что такое мораль и этика... Не только дети, но и взрослые должны осознать, что есть и другие миры (индивидуальные и социальные), и надо учиться методам адаптации своего поведения, учитывая интересы других, а это сложная задача.

В книге обсуждаются глобальные вопросы: универсальность морали (в том числе и ее истоков, возможно, в животном мире), роль различных культурных, включая религию и наивную психологию, и даже эпигенетических факторов; роль и пропорции кооперации, альтруизма, меры и необходимости наказания и т.д. Чрезвычайно интересно, что разные главы книги в итоге дают многомерное представление о проблеме, имеющей как биологическое, так и культурное измерение: *Nature vs. Nurture*.

В эпоху перемен, когда рухнули все базовые координаты, когда мораль как минимум пошатнулась, когда меркантильные интересы отдельных людей и целых стран и даже их блоков пошли по пути *права сильного и безнаказанного*, природа показала нам ясно, кто в доме хозяин, умиляясь лозунгу И.В. Мичурина, располагавшемуся во времена моего детства в каждой школе: “Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у нее — наша задача”.

Монография К.Р. Арутюновой и Ю.И. Александра не просто актуальна, она смотрит в будущее: в формирующемся цифровом мире, где искусственный интеллект отвоевывает позиции у естественного, где биологические инновации,

¹ Речь идет о пандемии коронавируса *Covid-19* и ее последствиях, материал написан в апреле 2020 г. — *Примеч. науч. ред.*

производимые, как полагается, с благими намерениями, несут неведомые угрозы, совершенно не разработана именно эта сторона. Освоение и обдумывание (!) всех данных науки является необходимой базой для выработки новых координат, в которых нам предстоит жить. Что будет взято за основу новой юриспруденции, для определения пределов допустимости технических и биологических экспериментов, нового образования? Степень

ответственности и экзистенциальной важности выбора ориентиров невозможно недооценивать.

Книга “Мораль и субъективный опыт” по-новому ставит привычный с детства вопрос: что такое хорошо и что такое плохо в XXI в.?

Т.В. Черниговская,
доктор биологических наук,
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАО

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

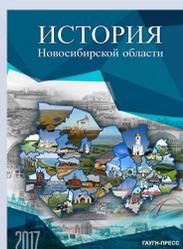
- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

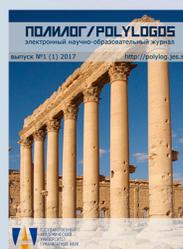
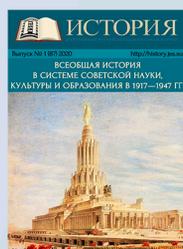
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Психология

МАГИСТРАТУРА

Психология личности
Психологическое
консультирование

АСПИРАНТУРА

Психология

Образовательные программы факультета психологии ГАУГН разработаны сотрудниками Института психологии РАН, которые составляют основу преподавательского состава факультета. Учебные курсы читаются ведущими учеными с большим опытом, а также специалистами из различных областей психологической практики.

В процесс обучения включены как медицинские предметы, так и курсы по психологии в различных сферах деятельности.

Помимо аудиторных занятий и выполнения самостоятельных работ студенты факультета психологии проходят спецкурсы специализации в активной форме: тренинги, мастерские, «разборы полетов» и супервизии.

Начиная со второго курса, студенты получают возможность заниматься научной деятельностью в любой лаборатории Института психологии РАН.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах и конференциях, организуемых Институтом психологии РАН, что позволяет с первых дней погрузиться в научную среду Университета.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

